

**ЗАСТЕНЧИВЫЕ
КРОНЫ**

ЮЛИЯ РЕЗНИК

Юлия Резник

Застенчивые кроны

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Есть в природе такой интересный феномен – «застенчивость кроны». Ветви некоторых деревьев никогда не соприкасаются с другими деревьями. Так и многие люди, в окружении тысяч лиц, проживают свои жизни, ни с кем не соприкасаясь сердцами.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	69
Глава 9	79
Глава 10	90
Глава 11	100
Глава 12	110
Глава 13	120
Глава 14	131
Глава 15	142
Глава 16	151
Глава 17	162
Глава 18	171
Глава 19	181
Глава 20	191
Глава 21	201
Глава 22	211
Глава 23	221

Глава 24	233
Глава 25	244
Глава 26	253
Глава 27	263
Глава 28	272
Глава 29	281
Глава 30	291
Глава 31	301
Эпилог	311

Юлия Резник

Застенчивые кроны

Глава 1

Она была совсем не такой, как он её запомнил почти тринадцать лет назад. Не изменилась разве что фигура. Такая же тонкая, едва ли не светящаяся на солнце. Правда в некоторых стратегических местах мяса все-таки поприбавилось... Нет, он не оценивал её, как мужчина. Только профессиональный интерес. Его уговорили снять вторую часть Потерянных. Спустя столько лет уговорили... И сейчас Герман пытался убедиться лично, что актриса, которой предстояло стать главной героиней картины, достаточно вменяема для того, чтобы сыграть свою роль. Помнится, в первой части ленты она была той ещё занозой. Кокаиновая малолетняя шлюха. Мужчина презрительно скривился, но не отвёл взгляда от объекта своего наблюдения. Не слишком красивая в жизни, и необъяснимо прекрасная в кадре. Она была поцелована Господом. Камера её любила...

Наблюдение Германа было прервано появлением молоденького официанта. Мальчишка совсем, но действует профессионально, будто бы всю жизнь проработал в службе.

– Ещё американо? – Голос парня уже не детский, но еще и

не взрослый. Как раз в процессе ломки. Значит, с возрастом парнишки Герман не прогадал. Столько бы могло быть его сыну. Интересно, каким бы он был?

– Нет, кофе достаточно. Я ещё покурю, и пойду к себе.

– Курить в ресторане запрещено. На веранде есть столики для курящих.

– Вы предлагаете мне выйти? Там льёт, как из ведра!

– В этих краях дождь идёт практически всегда. Поэтому на веранде установлен хороший навес, – не растерялся официант.

Герман недовольно встал. Впрочем, его недовольство было совершенно необоснованным. Антитабачный закон действовал в их стране уже добрый десяток лет.

– Строго тут у вас.

– Пять звёзд. Приходится держать марку. Да и мать никому не даёт расслабиться.

– Мать?

– Угу. Вон она, у бара.

Герман уже выходил вслед за парнем из зала, и оглядываться было совершенно неприлично. Но он отбросил условности, повернул резко голову и встретился с тревожным взглядом голубых, прозрачных глаз.

Женщина сглотнула. Обтерла неуверенным жестом руки о фартук, повязанный на тоненькой талии, сделала шаг вперёд и тут же остановилась. Руки тряслись, как будто снова началась ломка. Мерзкое, гадливое чувство. И это ни на чем

не основанное волнение, которое удушающей волной прокатилось по телу, и ударило прямо под колени, так, что Даша даже пошатнулась. Что здесь забыл Герман? Зачем ищет её, да и с чего она решила, что ищет? Где Даша Иванова, а где он? Встряхнулась резко, изгоняя из головы бредовые мысли. Собралась. Все, что было уготовано ей судьбой, Даша всегда встречала лицом к лицу. Она не бегала от проблем, понимала всю бессмысленность этой затеи. Вот и сейчас не посчитала возможным для себя сделать вид, будто бы ничего не случилось. Отодвинула в сторону стеклянную створку двери. Вышла на веранду. Дождь стучал по натянутому навесу оглушающе громко. Или это у неё в голове стучало? Почему-то подумалось о том, что он вполне мог её даже не вспомнить! Вот будет хохма, если она подойдёт, а Герман смерит её полным искреннего непонимания взглядом. Она, наверное, провалится сквозь землю. Делает решительный шаг вперёд, поднимает глаза и сразу же наталкивается на его темный изучающий взгляд. Ничего он не забыл! Помнит... Помнит даже больше, чем ей бы того хотелось. Гордо задирает верху нос. Да, возможно, ей есть, чего стыдиться. Столько всего на самом деле... Даже сейчас Даша старалась не вспоминать о том времени... Но, она не позволит ему себя судить, или жалеть. И то и другое – хуже некуда. Все, что у неё осталось несломленным, после ломки – это гордость. Точнее, поначалу её тоже не было. Вообще. Когда тебя ломает, ты готов продать душу дьяволу. За дозу ты готов пойти абсолютно на

все. Просить, умолять на коленях, целовать пыльные ботинки. Даша тоже была готова... На все. Черт! Она ведь решила забыть об этом!

– Здравствуй, Даша.

– Здравствуйте, Герман.

– Как жизнь?

Он сейчас действительно спрашивает это? С чего бы начать свой рассказ? С какой точки отсчета? А! Это, наверное, обычная вежливость. Герман был таким интеллигентом...

– У меня все отлично, спасибо.

– Твой сын?

– Мой.

Если он спросит сейчас, сколько ей было лет, когда она родила, Даша взорвётся! Но, нет. Он слишком тактичен для этого.

– Хороший парень.

– Спасибо.

Это не было её заслугой. Ей нечем было гордиться на самом деле. Ставру и Любе – да. Ей – нет. Но не кричать же об этом на каждом углу?

– Присаживайся.

– Извини, не могу. Я на работе – не положено. – Кривится невольно, когда дым сигареты мужчины достигает её обоняния. Герман замечает это, хмыкает, но руку с зажатой сигаретой отводит в сторону. Даша все это подмечает на автомате. Стыд возвращается, ей кажется, что она никогда не смо-

жет отмыться от своего прошлого. И эта его ухмылка, как лишнее тому подтверждение. Подбородок задирается сам по себе. Даша не позволит смешивать себя с грязью. Она ошибалась, она поступала неправильно, но она, все же, человек! Годы работы с психологом не прошли даром. Даша Иванова поверила в себя. Возможно, её вера была хрупкой, как лучший китайский фарфор. Возможно, у неё не совсем получалось любить себя должным образом, но она старалась. Больше никто и ничто не заставит её усомниться в том, что она достойна любви.

– А вы здесь какими судьбами? Решили поправить здоровье?

– Что? Глупости какие...

– Почему? Это достаточно узкопрофильное заведение. Обычных туристов здесь не бывает.

– Я по делу.

– Тогда не буду отвлекать, – пожала плечами Даша и собралась, было, уходить.

– Подожди. Я вообще-то к тебе.

– Ко мне? – Ее изумление было искренним и неподдельным.

– Именно. У меня к тебе вопрос.

– Спрашивай.

– Ты чистая?

– Простите?

– Как долго ты ничего не употребляешь, и какова веро-

ятность того, что ты сможешь оставаться чистой в течение, скажем, полугода?

Комок желчи, который подпер горло Даши, устремился наружу. Она сглотнула, в попытке остановить рвотный спазм.

– Ты... – прохрипела она, задыхаясь. – Какое право имеешь ты... Задавать мне такие вопросы? Ты... Ты кто такой вообще?

– Да постой ты. Не кипятись. Я по серьёзному делу, что ты сразу лезешь в бутылку?!

– У нас нет общих дел. И тем для обсуждений нет тоже.

– Я согласился снимать Потерянных. У тебя будет роль. При условии ежедневной сдачи проб на запрещённые препараты, конечно...

Если что-то и могло вывести Дашу из себя ещё больше, то только эти слова.

– Хорошее предложение, когда-то я мечтала стать великой актрисой. Только знаешь, что? Все изменилось. Теперь мне это и даром не нужно. Так что ты зря проделал весь этот путь.

Герман опешил. Разговор с Дашей изначально вышел неправильным. Не таким, каким он его планировал – это уж точно. Но, независимо от этого, мужчина никогда не мог бы предположить такого исхода беседы. Она что... Отказывается?! Или набивает цену?

– Ты не поняла...

– Я поняла все прекрасно. Смею заверить, что мой мозг

ничем не затуманен без малого тринадцать лет. Мне просто не интересно ваше предложение. – Даша сумела взять эмоции под контроль, и снова, абсолютно сознательно перешла на “вы”.

Герман откинулся на спинку стула, изучающе разглядывая женщину. Он так и не понял, когда их роли поменялись местами? В какой момент это случилось?

– Я предлагаю тебе то, что никто другой не предложит, учитывая все нюансы.

Он намекал на её репутацию. Очень плохую репутацию, которая сложилась у Даши Ив.

– Мне все равно, Герман. Меня не привлекает мир кинематографа. Даже касаться не хочу этой грязи вновь. Боюсь испачкаться.

– Серьезно? Неужели все было настолько плохо?

Она не посчитала нужным ответить. Глупо было перекрикивать все усиливающийся дождь.

– Ты, мать твою, получила Золотую пальмовую ветвь!

– Я достигла дна... – Герман уже не слышал этих её слов. По крайней мере, Даше того бы очень хотелось. Они не ему предназначались. И она не готова была обсуждать их, с кем бы то ни было. Разве что со своим психологом. Или Ставром. Впрочем, тот в своём роде работал получше любых мозгоправов.

Даша прошла через ресторан, подмигнула сыну, который на каникулах подрабатывал в баре, и свернула к своему до-

мику. Когда-то давно, ещё в прошлой жизни, здесь останав-
ливалась Люба. Теперь, шестнадцать лет спустя, дом стал
пристанищем Даши, и она была счастлива в нем, до сего-
дняшнего дня. С появлением Германа все изменилось, она
вновь почувствовала себя уязвлённой и недостойной.

Только достигнув небольшой веранды, женщина поняла,
что забыла накинуть дождевик, и теперь насквозь промокла
под проливным дождём. Чертыхаясь, стащила форменные
брюки, белую рубашку. Отбросила в сторону. Воспитываясь
в почти армейских условиях детдома, Даша ненавидела по-
рядок, и с тех пор, как Ставр с Любой подарили ей этот до-
мик, она жила в перманентном хаосе. Не в пример ей, сын
был аккуратистом. Его комната была образцом порядка. Ин-
тересно, в кого он такой уродился? Не иначе, Ставр приучил.
Сын всегда на того равнялся. Именно он был настоящим от-
цом Яну, а не тот урод, который обрюхатил Дашку. Как давно
это было, а кажется, будто вчера. И растерянность, и ужас, и
непонимание... У Дашки только-только наладилась жизнь, а
тут такая подстава! Вот знала же, что нельзя расслабляться!
Но тогда, после пожара, когда Люба вытащила её на себе, и
снова заболела... Дашка чувствовала себя такой виноватой!
Она до ужаса боялась потерять женщину, которая стала для
неё так много значить... Даша надеялась убежать от своих
проблем, забыться в чужих руках. Ей всегда, сколько она се-
бя помнила, хотелось быть любимой. Беда в том, что с самых
пелёнок она путала любовь с сексом. Так приучили в детдо-

ме, она не знала иного. Не ведала, что бывает по-другому. Ну и подвернулся один... Сейчас-то она понимает, что он ей даже не нравился... Тогда же Дашка готова была пойти за кем угодно. Критерия «нравится» – «не нравится» попросту не существовало. Ей в принце нравились все, кто обращал на неё своё внимание. Кто мог бы её полюбить... Она отдала бы себя беззаветно любому.

Глава 2

– Ты сегодня какая-то задумчивая. – заметила Любовь, распрямляя на коленях идеально белую льняную салфетку.

– Мне тоже так показалось, – согласился Ставр, накладывая в тарелку жене овощей.

Даша посмотрела на людей, ставших для нее родными, ставших ее семьей, которой она никогда не знала... Неловко отвела глаза. Она не хотела их расстраивать. Ничем не хотела. И так в свое время здорово потрепала им нервы. А появление Германа в их отеле запросто могло огорчить стариков.

– Тебя что-то заботит? Что-то не ладится с поставщиком?

Лет пять назад Даша доросла до того, что Ставр повысил ее. Теперь она была главным менеджером их гостиничного комплекса. Круг обязанностей Даши был достаточно широк. Начиная от контроля за соблюдением стандартов отеля и ресторанов, и заканчивая непосредственным участием в обслуживании гостей.

– Прошлая партия клубники была отвратительной. Я вернула ее поставщикам и пригрозила штрафными санкциями.

– Все верно, – кивнул Ставр. – Только заботит тебя далеко не она.

Вот же! Хитрый лис. Даже в неполные семьдесят, он оставался удивительно наблюдательным, ничуть не растеряв сво-

их потрясающих способностей. Повезло Любе. Несказанно повезло, связать жизнь с таким удивительным, единичным мужчиной. Сколько бы она сама за такого отдала? Даша часто задумывалась над этим вопросом. Когда-то она уже сгруппировала, посягнув на то, что принадлежало не ей, но с тех пор здорово поумнела. Ставр обладал потрясающей способностью раскладывать все по полочкам. Вот и в тот раз он все доходчиво ей объяснил. Даша была благодарна мужчине, что тот случай так и остался их маленькой тайной. Она бы провалилась сквозь землю, если бы Люба узнала, что девушка предлагала себя ему...

– Ты ведь уже все знаешь? Так чего спрашиваешь?

– Что знает? – заинтересованно посмотрела в сторону мужа Любовь.

– Здесь объявился этот... режиссеришка.

Люба насторожилась, отложила в сторону вилку. Ее взгляд метнулся к Даше, которая изо всех сил старалась выглядеть невозмутимой. Голубые глаза наполнились смятением и страхом. Вот именно из-за него Дашка так и не смогла себя простить. Она знала, что Люба, женщина, которая во многом заменила ей мать, винила себя в том, что с нею случилось. Абсурд, конечно, ее вины в этом не было. Но Люба вбила себе в голову, что, если бы она не привила Дашке любовь к кино, жизнь девочки сложилась бы иначе. Любовь многого не понимала. Не потому, что была невнимательной к Даше, а потому, что за все годы их совместной жизни Даш-

ка так и не смогла рассказать ей о своей жизни в детдоме без прикрас. Не считала возможным очернить внутренний мир Любы грязью, которая была у нее самой внутри.

– И что он хотел? – нерешительно спросила женщина.

– Приглашал меня сняться во второй части Потерянных. – Даша сознательно упустила все другие подробности. В том числе и вопросы Германа относительно ее «чистоты».

– И что ты ответила? – поинтересовался Ставр.

– Что это исключено. Что я могла еще сказать?

За столом ненадолго воцарилось молчание. Впрочем, есть никто не спешил. Подгоревшая курица остывала на столе. Видимо, Люба опять проводила свои эксперименты с готовкой.

– Почему? Ты боишься, что опять сорвешься, или...

– Кончено же, нет. Мне просто это не нужно.

– Ты очень талантливая... – Голос Любы становился все тише, теряя силу. Рука Ставра метнулась к ее ладони, лежащей на столе, и тут же сжала, делясь своей силой.

– Да ну... Брось. Это было сто лет назад. И я до сих пор не уверена, что тот успех был моей заслугой.

– А чьей же еще? – удивилась Люба.

– Наверное, Германа. Это ведь ему удавалось снять меня под кайфом так, что никто и не понял, в каком состоянии я тогда находилась.

– Говнюк этот Герман, – вставил свои пять копеек Ставр.

– Нет. Нет, Ставр. Ты ведь знаешь, как все случилось. И...

давайте уже есть, а?

За долгие годы борьбы с самой собой, Даша так и не сумела научиться разговаривать с кем бы то ни было. Делиться тем, что было внутри. Даже сейчас, когда она была полностью уверена в абсолютной поддержке Ставра и Любы, она не могла отпустить вожжи своего контроля. Даже им она никогда не открывалась полностью. Наверное, Ставр все же догадывался о многом. Но и он ничего не знал наверняка. И слава Богу, конечно. Достаточно уже того, что ему было известно.

Они вернулись к ужину, но привычная легкость, которая обычно сопровождала все их застолья, бесследно испарилась. И даже в этом Даша винила себя. Иногда ей казалось, что все беды, с которыми столкнулись Ставр и Люба, так или иначе были связаны с ней. И в который раз она задалась вопросом, зачем они настолько усложнили собственную жизнь, впустив в нее неблагополучную Дашу Иванову.

– Зачем вам я? – слетел вопрос, который крутился на языке уже добрый десяток лет. Даша сама от себя такого не ожидала, поэтому совершенно бессознательным жестом прикрыла свой рот ладонью. Так, наверное, делают дети, в ожидании родительской реакции, когда сморозят какую-то глупость. Люба резко вскинула голову, Ставр, казалось, еще сильнее нахмурился, продолжая работать приборами. Кулинарный «шедевр» Любы поддавался ножу мужчины с большим трудом.

– Мясо опять, как подошва, – с сожалением заметила она, и тут же хмыкнула, когда муж стал переубеждать ее в обратном. Он всегда так делал. Сколько Даша помнила их отношения, Ставр делал все, чтобы не допустить даже малейшего расстройтва жены. Он оберегал ее, как коршун.

– Эта курица совершенно несъедобная, – хохотала Люба. – Напомни мне, чтобы я тебя наградила за мужество в ее поедании.

Люба, женщина, которая стала ей практически матерью, забрав в неполные пятнадцать лет из приюта, была очень красива. Она была старше самой Даши на восемнадцать лет, но даже в свои сорок восемь выглядела намного лучше, чем сама Даша вообще когда-либо. Породу никуда не спрячешь. И стать, и привитое с детства чувство стиля. Даже серьезные проблемы со здоровьем не стояли на пути ее неувядающей прелести.

С каким-то восторгом Даша наблюдала за тем, как Ставр, отложив приборы, повернул к себе Любу и поцеловал. Коротко, но даже такая малость просто кричала о том, что между этими двумя происходит нечто, совершенно особенное. Даша уже не завидовала. И не мечтала о чем-то подобном. Понимала, что испытать такую любовь удастся лишь единицам. И, наверное, люди, которым все-таки выпадает такое счастье, совершенно необыкновенные. Достойные этого удивительно прекрасного чувства. Вряд ли судьба раздает такие королевские подарки просто так. Даша Иванова – уж точ-

но не заслужила таких щедрот. Да и вообще, Судьба – дама недобрая, и крайне капризная.

– Возвращаясь к твоему вопросу... – посерьезнела Люба. – Ты наша, понимаешь? Пусть не по крови, по духу... наша. Мы не представляем своей жизни без тебя, без Яна... Мы семья. Необычная, скажешь? Ну и пусть. Нас все устраивает.

– От меня куча проблем.

– Что ты прицепилась к событиям тринадцатилетней давности?! – возмутился Ставр.

– Прости... Просто Герман приехал, и столько всего всколыхнулось...

– Забудь, Дашка. Забудь все, как страшный сон. Мы все ошибаемся. Все... Главное – не повторять своих ошибок, понимаешь? И не важно, захочешь ли ты снова сниматься. Если тебе это до сих пор интересно – мы все пойдем.

– Из-за этого проклятого фильма я стала наркоманкой.

– Точно из-за него?

Вот умел Ставр несколькими словами выбить почву из-под ног. Он вообще мало говорил. И только по делу. Мужчина, заменивший Даше отца, вообще был на редкость сдержанным.

– Да знаю я, что сама виновата! Знаю. Мог бы не напоминать. Думаешь, я хоть на секунду об этом забываю? Ты серьезно? – вспыхнула Даша. Черт. Она ведь уже научилась сдержанности, так что ж ее опять подорвало? – Извини... –

тут же сникла, под его взглядом. – Извини. Я знаю, что ты не стремился меня задеть.

– Не стремился, – подтвердил Ставр. – Мы просто желаем тебе счастья.

– Я счастлива. Здесь. На базе. С вами и Яном. Мне не нужен свет софитов для того, чтобы быть счастливой.

– Хорошо... А этот... Герман? Мне его выпроводить отсюда, или как?

– Зачем? Он мне не надоедает. Пусть себе отдыхает, сколько ему влезет. Если уж мы говорим начистоту, это не он подтолкнул меня к наркоте.

– Он закрывал глаза на то, что его несовершеннолетняя актриса нюхает!

– Не думаю, что он вообще что-то замечал в тот период. У него погибли жена и сын. Если бы это случилось с тобой, ты бы хоть что-нибудь видел?

Ставр поморщился. Да, Дашка затронула тему, которую в их семье старались не обсуждать. Они могли потерять Любу в любую минуту из-за ее болезни, поэтому замечание Даши было крайне неуместно и болезненно для мужчины. Но, как иначе ему объяснить? Она и сама не сразу поверила, что вины режиссера нет. Глупость совершила она, когда повелась на уговоры агента нюхнуть, чтобы, наконец, расслабиться в кадре. Волнение, которое ее переполняло, портило дубль за дублем, Герман нервничал, а она совершенно разуверилась в собственных силах. К ней снова вернулись страхи, что она

недостойна. Дашу переполнял ужас от того, что Герман в ней разочаруется, и возьмет на роль другую актрису. Так что, во всем случившемся была только ее вина. Ну и агента, который, воспользовавшись ее психологическим состоянием, мастерски подсадил девушку на кокаин. Для чего ему это было нужно, Даша вообще старалась не вспоминать... Иногда ей снились кошмары с Вадимом в главной роли. И тогда она вставала с кровати и до утра сидела у окна, наблюдая за тем, как слезы дождя, сливаясь, образовывали на стекле тонкие реки.

Даша и сама долгое время злилась на Германа, считая того виновным во всех своих бедах. Она долгое время думала, что режиссер был в курсе всего того, что с ней, обдолбанной, вытворял Керимов... Она вообще ошибалась во многих вещах. И этот опыт стал не только болезненным, но еще и очень поучительным. А главное – что? Научиться извлекать уроки из жизни. Какой бы паршивой эта жизнь не была.

– Ладно. Пускай живет, – смилостивился Ставр. – До какого числа у него бронь?

– Без понятия. Я не интересовалась этим вопросом.

– Сам посмотрю, – буркнул мужчина. – И знай, что бы ты не выбрала... Люба все правильно сказала, мы поддержим любое твоё решение.

– Спасибо... – У нее перехватило горло. И почему-то до спазма в горле захотелось добавить «папа». Даша промолчала. Она была подобна застенчивому дереву в огромном бес-

крайнем лесу. Вокруг было так много тех, к кому бы можно было прижаться, но девушка, по совершенно непонятной причине, оставалась одна...

Глава 3

Трудотерапия – лучшее средство от негативных воспоминаний. Это Даша усвоила достаточно давно. Поэтому сейчас, после очередной бессонной ночи, она, стоя на коленях, старательно драила пол. Убирать у Кости было не так уж и трудно. В отличие от неё самой, бессменный начальник службы безопасности их гостиничного комплекса отличался завидным аккуратизмом. У такого человека убирать – одно удовольствие.

– И что это за прелестная картина? – раздался знакомый голос за спиной. Даша обернулась – объект её размышлений стоял в дверях домика и задумчиво постукивал большим пальцем по подпирающему локоть костылю. Вернулся! Ну, наконец-то, все снова в сборе. Она терпеть не могла, когда кто-то из родных покидал их базу надолго. А Косте пришлось уехать на целую неделю – будь проклят этот перелом!

– И что же такого прелестного в моей тощей выпяченной вперёд заднице? – с привычной подначкой поинтересовалась Дашка.

– Все прелестно, Дашуля! Ты какими судьбами здесь, с тряпкой наперевес?

– Решила навести порядок к твоему возвращению. – Даша, наконец, встала и подошла к мужчине. Подхватила Костину сумку и, несмотря на его протесты, затащила её в

небольшую спальню, продолжая свой рассказ. – Хотя, знаешь ли, здесь и без того все было идеально. Тебе никто не говорил, что так жить ужасно скучно? Все по полочкам разложено, носки нигде не валяются – я проверяла, и даже стульчак опущен. Ты прямо само совершенство!

– Жаль, не оценил никто, – хмыкнул Константин, кряхтя, усаживаясь в кресло.

– Болит? – тут же подскочила Даша, испытывающе заглядывая мужчине в глаза. Кто их разберёт, этих суперменов, что у них там?! Ставр тоже никогда и ни на что не жаловался. Только кривился изредка, когда желудок снова напоминала о себе. И этот такой же! А, между прочим, в его возрасте такой перелом – штука опасная. И последствия могут быть, какие угодно. Не мальчик ведь Костя уже. Скоро пятьдесят. Ужас, как быстро время летит. Дашка помнила его тридцатичетырехлетним.

– Жить буду. Что новенького случилось, пока меня не было?

– Ай! – отмахнулась она. – У парней своих спросишь. Ты мне лучше расскажи, как обследование прошло! Как нога? Тебе долго ещё с этой штукой ходить?! – Даша неопределённо кивнула в сторону Костиных конечностей.

– Да нормально все, Даш. На твоём юбилее спляшем.

Дашка скривилась. Лишний раз о предстоящем тридцатилетии вспоминать не хотелось. Жизнь утекала, как вода сквозь пальцы, а ей все чаще казалось, что она совершенно

не поспекает за её стремительным бегом.

– Не понимаю, зачем Любе и Ставру понадобился весь этот шум. Было бы что праздновать.

– Они любят тебя, и хотят порадовать. Только и всего.

– Угу. – Как и всегда, когда речь заходила о чувствах, Дашка пробубнила что-то невнятное и отвернулась к окну. Она до сих пор не могла поверить, что существуют люди, которые бескорыстно любят её – Дашу Иванову. И до сих пор не научилась нормально реагировать, когда об этом, будто бы о чем-то, само собой разумеющемся, заходил разговор. В попытке скрыть собственную неловкость, Даша вернулась к уборке. Домыла пол, вылила воду и закрыла распахнутые настежь окна.

– Хорошо, что ты дома, Костя. Вчера Люба готовила ужин, и без вас с Яном было очень непривычно.

– А Ян где потерялся?

– В городе. Любовь там у него образовалась.

– Любовь – это хорошо, – протянул Константин, аккуратно выбираясь из своего кресла.

– Тебе-то, бобылю, откуда знать? – ухмыльнулась Дашка, вытирая руки о передник.

– Ох, и язва ты! Ещё бы добавила, что старому.

– Заметь, это не я сказала! – рассмеялась молодая женщина. Константин посмотрел на нее своим нечитабельным взглядом и похромал к крохотной кухоньке. Распахнул холодильник, изумленно присвистнул:

– О, да мне и продуктов какая-то фея натащила. Прямо чудеса.

– Ну, да. Феи – они такие. – Дашка снова отвернулась, быстро собрала инвентарь и пошлепала к выходу. Даже спустя столько лет, она так и не научилась достойно принимать от посторонних похвалу или благодарность. А хорошее к себе отношение зачастую оправдывала только одним – тем, что окружающие не знали обо всей грязи, с которой ей пришлось столкнуться по жизни. Иначе бы и не глянули в ее сторону. Костя окликнул Дашку уже у самой двери:

– Даш!

– Ммм?

– Спасибо тебе большое.

– Ага... Ну, в смысле... пожалуйста.

Дашка выскочила за дверь и торопливо зашагала к главному корпусу. Дел у нее было невпроворот, и на праздную болтовню совсем не оставалось времени. Вранье! Женщина резко остановилась. Было у нее время! Чего у нее не было, так это умения нормально общаться с людьми. А ведь она старалась. И с комплексами своими пыталась бороться. Пробовала меньше язвить, быть более открытой, училась доверять людям. Но все это давалось очень нелегко. Трудно ломать в себе то, что в тебя вбивали годами. Кто же виноват, что она сформировалась циничной, недоверчивой, не умеющей любить стервой? Хорошо было уже то, что она понимала свою проблему. Осознавала, что так жить неправильно, и

стремилась стать лучше. И все, в общем-то, было нормально, пока на базе не появился Герман. Вот, кто всколыхнул муть в душе. Принесла же нелегкая!

Даша обогнула по периметру центральный корпус и застыла на месте. Герман как раз выходил из своего домика. Сделать вид, что она его не увидела – женщина не могла. В конце концов, она была менеджером гостиницы, и просто не имела права игнорировать своих гостей. Поэтому, натянув на лицо улыбку, Даша смело шагнула навстречу мужчине.

– Доброе утро, Герман. Как вам у нас отдыхается?

– Доброе. Все замечательно. Спасибо. – Он больше ничего не говорил, но и не уходил никуда, продолжая сверлить Дашу взглядом.

– Завтрак у нас с семи до десяти в ресторане центрального корпуса. – Даша сверилась с часами на запястье и бодро добавила: – Он откроется с минуты на минуту.

Герман продолжал молчать. Да скажи ты уже хоть что-то! Внутри женщина закипала, но с виду это было совершенно незаметно. По крайней мере, она на это надеялась.

– Ты мне составишь компанию?

– Где? – тупила Даша.

– За завтраком.

– Эээ... Нет. У меня полным-полно работы, и...

– Ты что, боишься, что ли? Боишься, что мое предложение тебя заинтересует, да?

Дашка вспыхнула. Вот знал Герман, на что давить! Он от-

крыто её провоцировал. Играл на чувстве внутреннего противоречия, которое всю жизнь разрывало Дашку на части. Она любила кино, ей понравилось играть, это было действительно интересно, но... С тем периодом жизни было связано слишком много боли. Того, что больше всего на свете Даше хотелось забыть. И ещё вчера она была уверена, что ни за что не станет всерьёз рассматривать вероятность своего возвращения в мир кинематографа. Хотя... Пожалуй, «возвращение» – это громко сказано. На её счёту была всего одна картина. Но это было кино с большой буквы. Искусство в чистом виде. Хотела бы она принять участие в продолжении ленты?

– Я ничего не боюсь, Герман. Мне просто совершенно не интересно твоё предложение.

– Совершенно? Вот так, запросто. Не читая сценария?

Даша вскипела. Опустила на землю пластмассовое ведро, упёрла руки в тощие бёдра:

– Сценарий могу и прочесть. Только от этого вряд ли что поменяется.

– А ты прочти. Мы потом все обсудим...

– Вы теряете время, Герман.

– Даже, если я скажу, что съёмки будут проходить здесь неподалёку?

Сердце кольнуло. Она могла бы сниматься, не уезжая с базы. Или, по крайней мере, регулярно приезжать домой. Помогать Ставру и Любе с их немаленьким хозяйством. Она бы могла регулярно видеться с Яном, а может быть и вовсе взяла

бы его с собой на съемочную площадку. Ей бы не пришлось никого бросать, как в тот раз!

– Я ничего не обещаю.

– Дай мне адрес своей электронной почты. Я вышлю тебе сценарий.

Даше не хотелось давать свои контакты. Она бы вообще многое отдала, чтобы отмотать время назад, и не допустить их с Германом встречи. Чтобы не думать о его предложении. Но, как бы Дашка не отгоняла эти мысли – они возвращались вновь. Тревожили и без того беспокойную душу, взрывали мозг противоречащими друг другу желаниями. Первое и наиболее правильное, на ее взгляд – отказаться. Окончательно и бесповоротно. Забыть, оставить в прошлом. Болезненном и искореженном, как и ее душа. А второе, диаметрально противоположное – дать себе шанс. Попробовать раскрыть свой потенциал, который, как уверяли критики, у нее был. Испытать себя, заняться тем, о чем всегда мечтала. Блистать в свете софитов, купаться в любви поклонников. Хоть в чьей-то любви купаться... И чувствовать себя нужной. Хотя бы им – своим фанатам, раз никому другому не нужна. Ну и, конечно, сам процесс. Ее завораживал процесс съемки. Хаос, творящийся на съемочной площадке, ругань дольщиков, вездесущие ассистенты. Она могла часами просто наблюдать за их работой. Даже сниматься было не так интересно, как просто смотреть. Даша обожала кино. И следить за процессом его создания – это как будто бы к чуду прикоснуться. А

ведь так просто было об этом не вспоминать! Будь ты проклят, Герман!

– Ладно. Только я понятия не имею, когда его прочитаю. Я очень занята.

– А у нас не очень много времени до начала съёмочного процесса.

– Сочувствую. Но меня это мало тревожит.

– Уж не думаешь ли ты, что я стану тебя умолять?

Лицо мужчины оставалось бесстрастным, и только несколько дерганные движения рук, когда он доставал сигарету из пачки, выдавали его нервозность. Даша хмыкнула про себя. А Герман знал себе цену! Впрочем, ничего удивительного в этом не было. В случае отказа Даши, на ее роль выстроилась бы очередь из гораздо более достойных и известных актрис.

– Нет. Я так не думаю. Но я также прекрасно понимаю, что если бы ты не хотел видеть в этой роли именно меня, то поручил бы встречу со мной в лучшем случае ассистенту, а в худшем – мне бы просто позвонили.

Герман криво улыбнулся, затянулся сигаретой, выпустил дым, запрокинув голову к серому мрачному небу.

– У нас уже все готово. Сценарий, бюджет, раскадровка, локация... Утвержден состав актеров, согласованы их графики. На месте работают операторы...

– Я поняла. Медлить мне нежелательно.

– Да. – Герман сделал последнюю затяжку и отбросил оку-

рок в рядом стоящую урну.

– Хорошо. Я постараюсь прочитать сценарий сегодня. Но вряд ли это повлияет на мой ответ.

– Почему?

– Я уже объясняла. Слишком много плохого у меня связано со съемками в этом фильме.

– Я понимаю.

– Нет, вряд ли, – криво улыбнулась Даша. Ну откуда ему, ей Богу, было знать, через что ей пришлось пройти? Разве он имел представление, как это – бороться с наркозависимостью или, например, с желанием умереть, когда наркотический туман развеялся, а на смену ему пришло осознание собственного падения?

– И все же почитай сценарий.

Даша пожала плечами, извлекла из кармана передника крохотный блокнот, вырвала из него лист и нацарапала свой электронный адрес. Протянула мужчине.

– А почему ты так долго тянул со своим предложением? Разве актрису на главную роль не утверждают одной из первых?

К чести Германа, он ответил правду:

– Я до последнего не хотел с тобой связываться.

Дашка резко выдохнула. Ну, что ж, правда – на то и правда, чтобы нравиться не всем.

Глава 4

Герман воспользовался советом Даши, и все-таки пошёл в ресторан. Завтрак был стандартным, как и во многих других гостиницах хорошего класса. Большой выбор свежей выпечки, каши, йогурты, сыры, колбасы. Свежие овощи и зелень. Фрукты. Под огромной вытяжкой повар жарил яичницу, а рядом – толстые блины. Чуть поодаль в глубоких пиалах стояли несколько видов джема и тягучий густой мёд. Герман остановил свой выбор на блинах с мёдом. Положил себе пару штук, уселся не в центральном зале, а чуть поодаль – под большим уличным навесом. Тут же к нему подошёл официант.

– Кофе?

– Да, пожалуйста.

Оперативно его обслужив, парень двинулся дальше, и Герман, наконец, смог вернуться к своим размышлениям. Даша была права. То, что он не связался с ней раньше – было ошибкой. Но и он не соврал, когда сказал, что до последнего колебался, не утверждая до конца актёрский состав. В этом у него был карт-бланш от продюсеров. Они находились в полном восторге от того, что Герман в принципе согласился снимать, и руки ему не выкручивали. Редкая удача. Обычно те, напротив, совали свой нос, куда не следует, а уж попытками навязать режиссеру актрису из числа своих любовниц,

так и вовсе никого было не удивить. Но не в этот раз. Так почему же он так долго колебался? Почему проводил бесконечные кастинги на женскую роль, хотя прекрасно понимал всю бесперспективность этого занятия? У героини уже было лицо. И это лицо принадлежало Даше Ивановой. Никому не известной девушке с гор. Тогда, тринадцать лет назад, когда он только планировал снимать «Потерянных», все тоже уперлось в актрису. Точнее, в ее отсутствие. У Германа глаза наливались кровью от бесконечных проб всем известных и неизвестных юных дарований. Но он не видел в них той – единственно правильной, созданной для этой роли. Пока однажды, совершенно случайно, судьба не занесла его в горы. Он увидел Дашу в аэропорту. Точнее, поначалу его взгляд привлекла совсем другая личность – Любовь Бауман. О её исчезновении из мира кино ходило много сплетен. Фестиваль, который Люба возглавляла когда-то, существовал и доныне, только заправляли там совсем другие люди. А вот что случилось с ней самой, мало кто знал наверняка. Тем занятнее было повстречать эту даму в захудалом аэропорту не самого большого областного центра. Она была не одна. Рядом с ней сидел мужчина, неподалеку уверенно перебирал ножками крепенький малыш, а с другого боку... Девушка! Герман застыл. Залип на ней взглядом. Это была она! Та, кого он так долго искал. Он не помнил, как подошёл, как что-то объяснял, экспрессивно размахивая руками... Как он уговорил Дашу прийти на пробы, он и сам не понял. Но девушка

пришла. И Герман пропал, потерялся в ней. Не было декораций, не было ничего. Хорошо поставленный свет, деревянный стул, и Даша Иванова, восседающая на нем в джинсах и простой черной водолазке. Она просто читала текст, время от времени бросая в камеру короткие нечитабельные взгляды, а он едва не подпрыгивал от нетерпения! Он нашел... Он нашел свою Музу! Какой типаж! Какие глаза! Широко поставленные, красивые, подходящие... Как она смотрела! Какой пластикой обладала! Его даже не смущало полнейшее отсутствие какого бы то ни было опыта. Он был уверен, что они справятся. До начала съемок оставалось каких-то три месяца...

Герман так и не притронулся к завтраку, погрузившись в воспоминания. Ровно через неделю после Дашиных проб в автокатастрофе погибли его маленький сын и жена, и те пробы остались его последним радостным воспоминанием... Мужчина одним глотком допил кофе, взглянул на часы и достал из кармана телефон. Он обещал Даше переслать сценарий. Телефон зазвонил. Лада... С невестой разговаривать не хотелось. Он не знал, почему, у них были прекрасные отношения, но вот сегодня совершенно не было желания ни слышать ее, ни видеть. Слишком многое всколыхнулось в душе...

– Алло.

– Доброе утро, дорогой. Как ты, почему не звонишь?

– Извини, я сейчас очень загружен.

– Ты договорился с Дашей? Она еще не сторчалась?

Лада была в курсе цели его поездки. У них не было тайн друг от друга, к тому же она была дочерью его генерального продюсера, а тем полагалось знать все. Почему-то обсуждать Дашку за глаза совершенно не хотелось. Даже с умницей-Ладкой.

– Нет, она уже давно ничего не употребляет. Ведет скромную жизнь, и, по-видимому, счастлива.

– Позволю себе предположить, что она стала еще более счастливой, когда ты предложил ей роль, – рассмеялась женщина.

– Не угадала. Мне приходится ее уговаривать. Она категорически не хочет больше сниматься.

– Ты шутишь? Какая актриса в здравом уме откажется от такой роли?

– Актриса, может, и не откажется, но Даша ведь и не актриса вовсе. Так...

– Нет, уж, милый. Если ты ради нее преодолел столько километров, то она не просто актриса. Она особенная... В противном случае, ты бы и пальцем не пошевелил.

Герман пожал плечами:

– Ты видела ее в Потерянных. Играла она хорошо.

– Прекрасно играла. Она изменилась? Потолстела? Подурнела?

– Да нет. Все такая же. Тонкая и звонкая.

– Я начинаю ревновать, – рассмеялась Лада.

– Не стоит. Даша Иванова не в моем вкусе. Я слишком разборчив, чего не скажешь о ней.

– Какой же ты сноб, Гера! Думаешь, она не изменилась за столько лет?

– Не представляю, зачем мне об этом думать в принципе.

– И то правда. Так как, она поддается на уговоры?

– Не очень. Но думаю, что все изменится, стоит ей прочесть сценарий.

Герман не ошибся. Дашка, которая ради интереса открыла первую страницу текста, так и не сумела от него оторваться, пока не дочитала до конца. Она забыла обо всем на свете и с головой погрузилась в сценарий. Все другое просто перестало существовать.

– Даша... Ты меня слышишь вообще?

– А? Что? Ты что-то спросила, Люб?

– Да, я интересовалась, какими бы цветами ты хотела украсить зал к своему юбилею.

– Я бы вообще предпочла о нем забыть.

– Тебе только тридцать, – улыбнулась Люба. – Мы отлично повеселимся. Ну же... Даш?

– Не знаю, Люба. Ты же знаешь, что я не особо люблю цветы.

– Но зал, тем не менее, нам нужно украсить.

– Тогда украшай на свой вкус.

– Ты не в восторге от нашей затеи, – разочарованно протянула Люба.

– Да нет, что ты. У меня просто кризис среднего возраста.

– Смешно, – улыбнулась Любовь.

– Прости меня, Люб. Я знаю, как ты стараешься. И ценю это. Честно. Я просто действительно немного расстроена быстротечностью времени. А тут еще...

– Герман.

– Да... – Дашка неловко отвернулась к окну, перекатывая в ладонях карандаш. – Он мне прислал сценарий.

– И как он тебе? Понравился?

– Очень, – честно призналась Даша.

– Ты согласишься, да?

– Нет. – Даша покачала головой и зарылась рукой в и без того растрепанные волосы. – У меня смелости не хватит снова окунуться в этот процесс. В то время я хоть немного верила в собственные силы, а сейчас...

– Не веришь?

– Не-а. Не верю. Совсем. Я и тогда без дозы кокса ничего не могла, а сейчас и подавно.

– Это неправда. Ты могла. Тебя просто убедили в обратном. Сыграли на чувствах, надавили на болевые точки. Только и всего.

Даша растерянно потерла виски. Она понимала, что Люба во многом была права, но... Ей никто в нос кокс не заталкивал. Даша сама ступила на этот путь, поддавшись уговорам и обещаниям своего агента. А ведь с ее жизненным опытом могла бы и догадаться, что к чему!

– Не знаю, Люба. Я вряд ли сумею. У меня и опыта трезвой игры нет. Считай, все под кайфом происходило. Да и как вы здесь, без меня? Нет... Не хочу.

Люба помолчала немного, обдумывая свой ответ. Ей и самой не очень хотелось нарушать привычный уклад жизни, но Дашка... Несмотря на все свои сомнения, она была создана для сцены, и было бы нечестно удерживать ее возле себя, лишая возможности реализоваться и изменить свою жизнь в лучшую сторону. Стать звездой!

– Герман говорил, когда начнутся съемки, и сколько они будут длиться?

– Начнутся в ближайшее время. А длиться... я даже не спрашивала об этом. Не вижу смысла.

– Ты могла бы попробовать. А мы были бы рядом, и всегда бы тебя поддерживали. Не так, как в тот раз, и...

– Люба! Я сколько раз тебе говорила, что вашей вины в тех событиях нет?! – перебила женщину Дашка, вскакивая со своего места. – Что ж ты мне душу рвешь, а?

– Прости... – Люба отвела глаза.

– Не прощу! То, что ты для меня открыла мир искусства, мир кино... Что в этом плохого? Думаешь, что-нибудь изменилось бы, если бы я и дальше оставалась темной? Вряд ли. Ну, не стала бы я актрисой. Ладно. Но неужели ты действительно думаешь, что то дерьмо, что сидело во мне, все те комплексы не вылезли бы мне боком?! Это выстрелило бы. Рано или поздно, но я бы вляпалась в какое-нибудь дерьмо.

– Я хотела уберечь тебя от всего на свете, но не смогла.

– Хе*ня. Если бы не ты и Ставр, я бы уже, может, и не жила. В лучшем случае – на зоне бы парилась.

Дашкин запал прошел, она, как подкошенная, рухнула в свое кресло. Снова взлохматила волосы, не решаясь посмотреть в глаза женщине.

– Я не умею красиво говорить. Ты знаешь. Но все самое лучшее, что у меня было в жизни, связано с тобой. Кроме Яна, конечно, хотя и за него я тебе спасибо сказать должна...

– Нет, Дашенька, глупая...

– Да, Люба, да. Он твой сын даже в большей степени, чем мой. Я не в обиде. Сама виновата. И во всем другом, что со мною случилось вне стен детского дома, виновата я сама. Только там у меня не было выбора. А после... После я сама выбирала свою дорогу. И, как правило, ничего хорошего из этого не выходило.

Люба подошла к Даше, пригладила ее растрепанные волосы. Ласково, как только она одна умела:

– Так, может, в этот раз на твоём пути тебя ждет удача? Судьба столько тебе задолжала, милая...

– Ничего-то она мне и не задолжала! У меня есть вы, есть Ян, есть любимое дело и надежные друзья. Не так уж и мало. Я не стану рисковать тем, что имею, непонятно, ради чего.

– Поступай, как считаешь нужным. Мы поддержим любое твоё решение. И во всем поможем.

– Я знаю.

– Да, мы уже говорили, – вспомнила Люба.

– Говорили. Но дело не в этом. Я просто знаю, что вы всегда со мной. – Сказала, и тут же смутилась. Отвернулась к окну. И снова ладони Любы, коснулись ее волос, успокаивая, развеивая неловкость.

– Всегда, Дашка... Всегда, – прошептала Люба, продолжая свои поглаживания. Дашка сопела ей в бок, и это было так правильно. Маленькая, глупая, потерявшаяся девочка...

– Люб, а ромашками... Обычными, белыми, зал украшают?

– Не знаю. Но мы всегда можем стать законодателями мод, – улыбнулась женщина.

– Да? – засомневалась Даша. – Ну, если ты так действительно считаешь, то я бы хотела видеть ромашки.

Глава 5

После разговора с Любой легче не стало. Дашка прокручивала в голове отрывки сценария, прикидывала, как это можно сыграть, чтобы было правдиво, проговаривала какие-то реплики. Ловила себя на этом, и страшно злилась. Ведь ему удалось! Удалось проникнуть в ее сердце. Или это сама история, так похожая на историю ее жизни, была всему виной? Даша видела себя в этой роли. Видела...

– Доброе утро! – Ян тихонько подкрался к матери со спины и закричал ей прямо на ухо.

– Бл... ин, – вовремя поправилась Дашка, – ты что творишь? Напугал меня, чуть сердце не выскочило!

– Ну, прости! – покаянно улыбнулся парень. – Ты просто витала где-то в облаках, а мне захотелось похулиганить. Только к тебе можно вот так запросто подкрасться! Вчера я в очередной раз попытался провернуть это с отцом...

– И он опять уложил тебя на лопатки, – закончила за сына Дашка.

– Ну, да! – Улыбка парня растянулась до ушей. Он обожал Ставра. Боготворил его, даже несмотря на то, что прекрасно знал – биологически он ему не родной. Но кого волнует та биология, когда два человека признали друг друга в качестве отца и сына? Когда сплелись друг с другом родственными узами совершенно на ином, более высоком и неподвластном

разуму уровне.

– Ну-ну! – улыбнулась Даша, сосредоточив всё своё внимание на сыне. Как же она любила Яна! А ведь он мог даже не родиться, если бы не настойчивость Любы. Тогда, в пятнадцать лет, беременность для Дашки стала событием не то, чтобы желанным. Первой мыслью было избиваться от нее, как можно скорее. Как делали все детдомовки. Но Люба завила, что, в отличие от всех других, у Даши была альтернатива. Она предложила помощь. И предоставила право выбора. То, чего у Дашки отродясь не было. И слава Богу, что ее выбор оказался правильным. Ей тридцать, а сыну уже пятнадцатый год... Ну, и что? Он – ее главная гордость, и главная радость. Ни разу в жизни Даша не пожалела о том, что не сделала аборт. Ни единого раза. А Ян... Он был исключительным. Он был счастьем в чистом виде, он был радостью. О таком сыне можно было только мечтать. И пусть во многом это была не ее заслуга. Пусть Люба и Ставр вложили в ребенка гораздо больше её самой. Но она тоже старалась не оставаться в стороне.

– Так, о чем ты задумалась, мам Даш?

И пусть он ее называл «мам Дашей», а Любу просто мамой... Никто ей не виноват, что когда сын формировался, как личность, и учился говорить, рядом с ним были совсем другие люди, а не она. Даша могла только низко до земли поклониться Ставру и Любе, которые в свое время не оставили в беде ни ее саму, ни ее сына.

– Да так, о всяких глупостях...

– Угу... Рассказал мне отец о твоих глупостях.

– Да? И что же он рассказал?

– Все! Да я и сам не дурак. Как этого Германа у нас в ресторане увидел, так сразу и понял – по твою душу приехал.

– И как же ты его узнал? – удивилась женщина.

– Мам Даш, ну, ты как скажешь, тоже. Это ведь известная личность! Я его фото видел сто раз, – запальчиво пояснил Ян. – Ты мне лучше скажи, когда начнутся съемки, ты мне сможешь организовать экскурсию? Не для меня – для Катки. Ей было бы интересно посмотреть на всех этих звезд.

– Эээ... Вообще-то, я не собираюсь участвовать ни в каких съемках. Кто тебе сказал, что я соглашусь?

– Так, папа и сказал. А папа никогда не ошибается!

Дашка хмыкнула. Подхватила резко со своего места. Вот уж старый лис. Решил он все за неё! Думает, что знает Дашу Иванову, как облупленную? Еще чего! Той Дашки больше нет. Она похоронила ее в глубинах памяти, и Даша ни за что не даст той вырваться на волю. Дзынькнула почта на компьютере, сообщая о новом пришедшем письме, замигало окошко вкладки. Или это счет на новую партию овощей, или... Герман. Сердце сжалось в комок, подскочило к горлу. И стало страшно так, как сто лет уже не было. Он – как змий-искуситель, пробрался в ее жизнь и поманил запретным плодом.

– Я не собираюсь больше сниматься. Никогда. Так мо-

жешь Ставру и передать. У тебя еще что-нибудь, или ты просто хотел поболтать?

– Поболтать. И договориться по поводу Катьки.

– Тогда я поработаю еще немного, хорошо? – проигнорировав последнее замечание сына, поинтересовалась женщина.

– Угу... Я пойду к маме и помогу ей расставить в вазах цветы.

– Давай, – улыбнулась Дашка и тихонько добавила: – Что бы мы без тебя делали, помощник ты наш?

– Понятия не имею, – нескромно рассмеялся парень и, помахав рукой, вышел за дверь. Господи, каким же беззаботным и смешливым он был! Как она была благодарна небу за то, что её ребенок не испытал на себе все те ужасы, что пришлось пережить ей. Как она счастлива, что он вырос совсем другим. Имея перед глазами пример счастливой семьи, любящих родителей, не знающий ни в чем отказа, но, тем не менее, знающий цену деньгам. Неизбалованный, неизнеженный, воспитанный правильным мужчиной, Ян был просто подарком. Наравне с Любой и Ставром, он был воздаянием за все беды, которые сопровождали Дашку с момента рождения.

Мысли о сыне немного отвлекли ее от так и не просмотренного письма. Даша вообще вернулась к нему не сразу. Ей нужно было время, чтобы настроиться, пусть даже на виртуальное общение с человеком из прошлого. По крайней мере

ре, Герман у нее стойко ассоциировался с ним. В настоящей Дашкиной жизни он был таким же инородным, как шест для стриптиза в бальном зале института благородных девиц. Палец щелкнул по правой кнопке мыши, открывая письмо:

«Еще раз привет. Как насчет того, чтобы обсудить сценарий за деловым ужином? У меня нет твоего номера телефона».

Вот так вот. «Деловым». Не поленился уточнить. Думал, что Дашка его неправильно поймет? Побоялся, что она на него позарится? Даша горько рассмеялась. Ну, что ж. Теперь это дело принципа – пойти. На ДЕЛОВОЙ ужин. И очень по-деловому, как взрослая, самодостаточная женщина ему объяснить, что ее не интересует его предложение! А потом проследить, чтобы он убрался с базы Ставших! Точно! Так она и поступит.

«Как насчет ресторана местной кухни в 20:00?»

«Мне подходит»

«Договорились»

Остаток дня прошел в бесконечных заботах, на которых ей совершенно не удавалось сосредоточиться. Подчиненные удивленно поглядывали на начальницу, и Ставр каждый раз при встрече ловил ее взгляд. Будто бы пытался что-то прочитать в ее глазах. Он умел – Даша знала. Наконец ей удалось освободиться. Вышла из ресторана, на веранде увидела сына, тот как раз заступил в свою смену.

– Ты сегодня где ночуешь? – поинтересовалась у парня.

– Дома планировал. А что?

– У меня на вечер деловая встреча образовалась. На восемь, но я быстро управлюсь. Так что ты меня не теряй.

– Ладно. Все равно только к девяти освобожусь. А там можем в картишки перекинуться. Видела, Костян уже вернулся? Можно его позвать. И маму с папой.

– Давай все решим ближе к делу, хорошо?

– Угу. Звякни, если что, – кивнул напоследок ребенок и, нацепив на лицо приветливую улыбку, двинулся обслуживать гостей. Даша тоже улыбнулась зашедшей на веранду пожилой паре и торопливо зашагала к своему домику. Первым делом – душ. Вторым... Очевидно, наряд. Она до сих пор не любила все эти шикарные платья, но пойти на ужин с Германом в привычных джинсах и футболке – не могла. Ей тщеславие не позволяло выглядеть рядом с ним оборванкой. Значит, придется поломать мозги. Нет, в ее гардеробе, конечно, были красивые вещи, которые молодая женщина покупала на всякие мероприятия, проводимые на базе. Но надеть что-то «из праздничного» – значит, привлечь к себе лишнее внимание родни. Они вмиг просекут, с какой целью Дашка вырядилась. А ей бы не хотелось, чтобы они думали, что Герман имеет для нее хоть какое-то значение. Поэтому ей следовало найти некий компромиссный вариант. Женщина распахнула дверцу шкафа и растерянно уставилась на его содержимое. С мокрых волос капала вода, образуя на полу маленькие лужицы, прохладный ветерок, проникающий в

окно, холодил влажные плечи, а она все стояла, не зная, что надеть. А потом осенило – белое льняное платье-вышиванку. Очень красивое и простое. С пышными, собранными на локтях рукавами, облегающее ее тонкую фигуру, и струящееся юбкой в пол. Решено! До назначенного времени оставалось пять минут. Волосы укладывать некогда. Дашка быстро подсушила их феном – вот и вся прическа. На макияж времени не осталось совсем. К ресторану женщина едва не бежала, забавно оглядываясь по сторонам. Перед входом остановилась. Сделала несколько глубоких вдохов, распрямила плечи. Прикрыла на мгновение глаза.

Герман сидел за столиком, когда Даша царственно вошла в зал ресторана. Мужчина узнал ее сразу, хотя она выглядела совершенно иначе, чем он запомнил. Он бы сказал – благородно, если бы не знал всю Дашкину подноготную. Герман встал, чтобы придвинуть ей стул. Не мог иначе – воспитание не позволяло. Даша послушно уселась, хотя на мгновение мужчине показалось, что она шарахнется от него.

– Что-нибудь порекомендуешь? – начал разговор, открывая тяжелую папку меню.

– Нет. Не знаю ваших предпочтений. Профессионалы с этим справятся лучше. – Даша кивнула в сторону спешащего к ним сомелье и метрдотеля. Герман пожал плечами. Он понял, что разговор будет нелегким. Видел, что, если сценарий и произвел на женщину впечатление, то она все равно не пришла к нужному ему решению, и как ее к тому подтолк-

нуть, Герман не понимал. Он ничего не знал о Даше нынешней. Права была Лада, было глупо считать, что она никак не изменилась за прошедшие годы.

Тем временем сомелье разлил вино по бокалам. Проигнорировав спиртное, Дашка взялась за бокал с водой. Сделал глоток. Отставила тот в сторону. Герман невольно скользнул взглядом по ее ухоженным рукам. Красивые миндалевидной формы ногти, покрытые бежевым лаком, раньше, помнится, они были обгрызаны до мяса, что выдавало ее нервозность и неуверенность в себе.

– Как тебе сценарий? – небрежно поинтересовался мужчина, вдыхая винный букет.

– Как ты и говорил – он великолепен.

– Но...

– Но я не заинтересована.

Герман снова опустил взгляд на женские руки, которые в этот раз взялись за хлебную палочку и аккуратно разломали ту пополам. Может, ему действительно стоит отказаться от своих планов? Ведь, если руки являлись отражением Дашкиной жизни, то сейчас она у нее была гораздо более счастливая, чем во времена её недолгой актерской карьеры. Даша казалась жизнерадостной и умиротворенной.

– Это твоя роль. На сто процентов – твоя. Чего ты боишься? Не справишься?

Дашка дрогнула, метнулась к нему взглядом. Нет, он опять ошибся. Глаза женщины были тревожными, перепол-

ненными мириадами различных эмоций. В них бушевала стихия, которая закручивала всё кругом. И его тоже затянуло в самое сердце урагана. Дыхание на мгновение перехватило, и все мужское в нем ринулось вперед, подхваченное мощной силой притяжения. Зажмурился резко, отгоняя от себя наваждение, встряхнул головой. Отросшие волосы упали на лоб, и Герман откинул их нервным, совершенно ему несвойственным жестом.

– Вы были честны со мной. Наверное, мне стоит ответить взаимностью, – задумчиво протянула Дашка. – Я просто не хочу ничего менять. Боюсь, или не боюсь... Это на самом деле неважно. Я счастлива, Герман, понимаете? Меня полностью удовлетворяет моя жизнь. Бросить все, ради мифической славы? Нет, не хочу. Да и не такая уж я выдающаяся актриса. Возможно, вы сами откажетесь меня снимать, как только увидите в кадре.

– Давай, хотя бы, попробуем! – Герман никогда бы не подумал, что станет кого-то уговаривать. Это было совсем не в его натуре. Но она... и то, что он увидел несколько секунд назад в ее глазах... – Пробы! Ты можешь согласиться хотя бы на них?! А уже потом принимать решение?

– Я не знаю... Это пустая трата времени, Герман. Вряд ли мне удастся расслабиться.

– Только пробы. В любом удобном для тебя месте. Соглашайся... Проверишь себя. И, если не получится, будешь твердо уверена, что поступила правильно.

Даша молчала. Как ему объяснить, что намного тяжелее будет осознать, что она все же могла... могла, но не воспользовалась шансом?

Глава 6

Она согласилась. Согласилась на чертовы пробы! Просто не смогла отказаться! Герман был прав. Хотя бы для себя она должна была разобраться, есть ли в ней божий дар. И закрыть этот вопрос раз, и навсегда. Но это ни в коем случае не означает, что Даша согласится. Нет. Просто будет знать, что она могла бы сыграть, если бы только захотела! Или не могла – такой вариант развития событий тоже не стоило сбрасывать со счетов.

Пока они ужинали с Германом, на горы опустилась непроглядная ночь. Только фонарики, развешанные на деревьях, и точечная подсветка дорожек освещали путь. Удивительно, но небо было абсолютно безоблачным – даже Млечный путь виден. Возле самого дома послышались голоса. Звонкий, ломающийся – Яна и смеющийся – Любин. Значит, партия в карты все-таки состоялась. Губы растянулись в улыбке. И даже стало легче дышать. Так правильно, так спокойно. Вот, где ее место. Между Костей и Любой, как и всегда. Здесь все знакомо и понятно. Здесь нет никаких подводных камней, и нет неизвестности.

– А вот и мам Даша.

– Привет, – помахала Дашка рукой, усаживаясь в свое кресло.

– Ты вовремя. Как раз заварился чай.

– С чабрецом? – зачем-то спросила Дашка.

– Конечно... А что? Ты хотела другой? – удивилась Люба.

Молодая женщина покачала головой и рассмеялась. Вот в этом вся соль. Чай с чабрецом, карты по средам, и совместные ужины по пятницам. Двенадцать блюд в сочельник, подарки под елкой на Новый год, куличи с цукатами и белой помадкой на Пасху, торт на первое сентября и последний звонок у Яна, высокие костры на Ивана Купала, и потрясающие, невероятные сюрпризы на каждый день рождения.

– Ты сегодня веселая... – заметил Костя, перемешивая карты.

– Ага. И нарядная! – подтвердил сынок. – Просто отпад.

Ну, вот и не догадался никто, что она наряжалась. Ага. Как же. Не стоило и надеяться. Можно, конечно, попытаться перевести тему.

– Как твоя нога? – поинтересовалась у Кости, подвигая к себе чашку ароматного чая.

– С утра ничего не изменилось, – хмыкнул мужчина, безошибочно вычислив ее попытку «съехать». – Даша прибралась у меня в берлоге и наготовила поесть, – пояснил всем присутствующим.

– Правда? Какая ты молодец, а я и не догадалась, – сокрушенно покачала головой Любовь. Молчавший до этого Ставр сместился в своем кресле, одной рукой сгреб ладошку жены, а второй взял карты. Заглянул в них и, будто бы между делом, поинтересовался:

– Так что за праздник мы пропустили?

– Праздник? Ты о чем? – переспросила Дашка, всем видом демонстрируя свою сосредоточенность на игре. – У меня шесть пик.

– О том, что ты нарядилась. Значит, точно был праздник, о котором мы все забыли.

– Никакого праздника. Просто захотелось надеть что-нибудь легкое.

– Тебе очень идет! – улыбнулась Люба. – Ян правильно заметил – отпад.

– Угу. Спасибо. Подкинешь? – Это уже сыну.

– Нет ничего. Семерки еще с прошлым отбоем ушли. Ты сегодня невнимательная, мам Даш.

– Это, наверное, из-за встречи с Германом? – тихонько спросила Люба. – Мне сорока на хвосте принесла, что вы ужинали в ресторане. – Виновато пожала плечами.

– Ну, да. А что? Не оборванкой же мне было идти! – моментально напряглась Дашка. Костя молчал и нечитабельным взглядом следил за всем происходящим.

– Ну, что ты, Даша, конечно – нет. Я просто переживаю.

– Не стоит, правда. Костя, ты берешь карты?

– Мне две, – кивнул мужчина, сгребая с верха колоды две штуки.

– А что, нынче встречи только по ночам проходят? – сварливо заметил Ставр.

– Боже мой, ну, почему по ночам? Мы обсудили сценарий

за ужином. Только и всего.

– И к чему пришли? – допытывался мужчина.

– Ни к чему. Я в очередной раз отказалась.

– Не понравился сценарий? – вмешался в разговор Константин.

– Напротив. Сценарий очень хорош.

– Тогда я не понимаю, почему ты артачишься. Ты бредишь кино, и очень пожалеешь, если упустишь такую возможность.

– Не понимаешь? – открыла рот Дашка в искреннем недоумении. – Мне придется уехать...

– Люба говорила, что съемки будут проходить поблизости.

Ага. Ну, вот ее вопрос и вышел на первый план у домочадцев. Уже полным ходом идет обсуждение. В дружной семье, по большому счету, так всегда и бывает. Удивляться нечему. Другое дело, что, если они все вместе выступят единым фронтом, у самой Дашки не останется никаких шансов выйти сухой из воды. Ей придется ответить на все вопросы родни, какими бы неудобными они не были. А ведь порой даже себе не хотелось на них отвечать.

– Я не хочу никуда отлучаться даже ненадолго. Мое место здесь. И хватит уже об этом! Ян, ты – дурак. Мешай карты.

– Ну вот, – заныл сынок, – опять меня надули.

– Ничего, нагонишь. У нас впереди долгие годы тренировок, – хмыкнул Ставр.

– Не везет в картах – повезет в любви, – вставил свои пять копеек Костя.

– Было бы неплохо. Катька что-то не слишком меня жа- лует. Может, если мам Даша согласится сниматься, и мы за- чекинимся на съемочной площадке, она и отгадет.

– Я уже ненавижу свою потенциальную невестку, – сооб- щила Дашка присутствующим. Люба прыснула в ладошку, Ставр закричал, распрямил веером карты, и под шумок за- глянул в карты к жене.

– Эй! – взмутилась она, – я все видела! – Костя, он мух- люет. Пересдавай!

– Он всегда мухлюет, – с обожанием глядя на отца, заме- тил Ян, – если мы будем каждый раз пересдавать, партия ни- когда не начнется.

– И то так, – рассмеялся Костя.

– Все – вранье. Я – самый честный человек на свете.

– Угу, расскажи это кому-нибудь другому.

Так, со смехом и спорами, сыграли еще пару партий. Пер- выми их компанию покинули Люба со Ставром, сославшись на то, что их с самого утра ждет рыбалка. Чуть позже в дом ушел Ян. Дашка осталась на веранде с Костей, который схва- тился помочь убрать со стола, да только кто ему позволил, с его-то ногой?

– Сиди уже, супермен. Сама справлюсь.

Дашка быстро перетаскала в дом чашки и блюдца, занесла колоду карт и пледы. Не похоже, что будет дождь, но это не

означает, что погода не поменяется за считанные секунды. Здесь всегда было так. А если бы начался дождь, то ветром его могло задуть даже под укромный навес веранды.

– Пойдем, провожу тебя.

– Я не инвалид, – пробурчал Костя, аккуратно выбираясь из своего кресла.

– А я этого и не говорила! – вспыхнула Дашка. – Пойдем, говорю! Здесь черт ногу сломит, не то, что ты, на своих костылях.

– Здесь прекрасно видно.

– Да что ты? Видимо, у меня что-то с глазами. Наверное, из-за возраста. Мне ведь скоро, знаешь ли, тридцать. Можешь подарить мне очки...

– Дашка! Я прекрасно дойду сам!

– и слуховой аппарат! – торжественно закончила женщина.

– Ты просто заноза в ж*пе!

– Теперь я понимаю, почему ты до сих пор не женат. Заноза в ж*пе... Кто тебя учил таким комплиментом?! Это совершенно неправильный подход!

Женщина вышла на тропинку и медленно пошла, давая Косте на костылях поблажку.

– А ты, никак, спец в амурных вопросах? – сдался мужчина, ступая следом за Дашкой.

– А то! – не растерялась она. Еще бы, язык у нее был без костей. Столько, сколько он ее помнил. – Самый настоящий

спец. Можешь обращаться за советом, в случае чего.

– И если ты такая грамотейка, то почему не прибрала к рукам какого-нибудь клёвого парня?

– Клёвого?! Ты сказал – клёвого? Все, Костя. Ты безнадежно устарел. Это слово уже давно никто не употребляет.

– А ты прыгиваешь с темы.

– Клёвых парней?

– Их самых. Почему ты одна, если такая умная, ммм?

Дашка задумалась, и Костя решил, что не дожидается ответа. Или она, как всегда, отшутится, но, к его удивлению, женщина заговорила:

– Вся беда в том, что я люблю Альфа-самцов. Думаешь, кто мой любимый киногерой? В жизни не догадаешься. Брюс Уиллис, который с жуткого бодуна спасает мир. Люблю, знаешь ли, когда один качок стреляет в другого, покуривая сигарету, и попутно раздевая пару девиц. Мне это кажется таким эротичным!

– Серьезно?! – Усомнился мужчина.

– Угу! – Даша указала попутчику на кочку впереди и подстраховав того за руку, продолжила: – Тебя удивляет, что я люблю Альф?

– Совсем немного...

– Что поделать? Люблю, когда мужик сказал – мужик сделал, когда ему по силам за себя и за меня постоять. Люблю, когда он может обеспечить себя, детей, маму, тещу, новую жену и еще парочку ее внебрачных отпрысков. Люблю, когда

мужик не лезет за словом в карман. Когда его спина шире моей, а руки – сильнее. Люблю, когда я могу сказать, а он – сделать...

– И часто тебе встречались такие экземпляры? – с искренним интересом спросил Костя.

– Да так, встречался... Один. С тех пор я люблю Альфа-самцов, и мне просто хочется быть той, которая рядом. Ведь это по-настоящему круто, когда мужчина качает колыбель, или накрывает тебя, спящую, простыней, при этом нежно целуя в щеку. Когда он в курсе, где включается дрель, и знает рецепт твоих любимых сырников. И когда он не падает в обморок, если тебе приспичило купить очередную пару туфель, а молча вынимает кредитку и, тяжело вздыхая, усаживается на банкетку в десятом по счету магазине. Я хочу только такого мужчину, понимаешь? Ведь только рядом с ним может находиться настоящая женщина. Мне другого не надо.

– Да уж. Ну, ты и задрала планку!

– А что делать? Слишком много в моей жизни было второсортного. Не хочу еще и такого мужика.

– Максималистка, значит?

– А то ты не знал. Другое дело, что ему я, такая, зачем? Но, то уже – дело третье.

– Что ты имеешь в виду? – остановился у самой двери мужчина. – Что значит – ты такая?

– Ты ведь знаешь мою историю... – туманно ответила Да-

ша, забирая из мужских рук ключи.

– Какую историю?

– Кость, давай не будем, а? Все знают, что я детдомовка, что Яна – нагуляла девчонкой совсем, и дальше... Шило в мешке не утаишь. Скажем так, партия из меня – не то, чтобы завидная.

– И ты мне еще говоришь, что я отстал от жизни! Партия она незавидная. Из какого века эта фразочка?!

– Из нашего.

– Большого бреда я от тебя в жизни не слышал. А ведь за шестнадцать лет, что тебя знаю, чего только не переслушал.

– Ладно-ладно, не бушуй. Чего разбушевался? Тебе отдыхать пора, а ты орешь.

– Я еще и не так орать буду, если ты не перестанешь со мной разговаривать, как с выжившим из ума маразматиком! – вспыхнул Костя. Дашка рассмеялась, чмокнула мужчину в щеку, и шустро припустила по дорожке.

Глава 7

Дашка неслась через базу, из последних сил передвигая ногами. Эти пробы... Эти чертовы пробы, как она и думала, вынули из неё всю душу! О чем он думал, когда предложил ей сыграть именно эту сцену?! Хотел задеть? Указать на её место?! И какого лешего, в таком случае, она согласилась? Сколько раз Дашка обещала себе, что никогда больше не поведётся на «слабо», как бы ее ни провоцировали?! И вот опять! Стоило только скользнуть взглядом по тексту, который Герман ей вручил, и все! Это был вызов, который женщина, не раздумывая, приняла. Режиссер изволит эротику?! Не вопрос! Дурацкий кураж. Ребяческий, полный максимализма. Пора бы вырасти из этих штанишек, но – нет! Детство, которого у Дашки, считай, не было, засело в ней глубоко внутри, и вылезало на божий свет в самые неподходящие моменты.

– Что-то не так? – поинтересовался Герман, тем самым подливая масла в огонь.

– Нет. Все в порядке. Скажешь, когда начинать.

– Камера уже работает.

Даша на секунду опустила взгляд. Удивительно, но волнения не было. Наверное, злость вытеснила его из подкорки.

Эротика... Дашка одновременно и знала, и не знала, что это такое. Секса в её жизни было столько, что на десяток

жизней хватило бы. Абсолютно бессмысленного, лишенного какого бы то ни было удовольствия траха. Это, наверное, страшно, но она не помнила себя вне этого опыта. Казалось, что секс всегда был частью Дашиной жизни. Женщина помнила свой традиционный первый раз лет в тринадцать. Но это далеко не значило, что тогда все и началось. До этого... Ну, она жила в детском доме. Старшие ребята развращали её сызмальства. Существует ведь много способов, которыми даже ребёнок может удовлетворить чуть более старшего ребёнка. Так что, да. Дашка не помнила себя вне этой грязи. Только потом стало понятно, что такая жизнь не является нормой. А тогда она не знала иного. Ужасно ли это – осознать, как безжалостно тебя растоптали? Не то, чтобы. Мир не перевернулся в тот же час. Для себя Даша это объясняла тем, что ей не с чем было сравнивать. Она изначально не воспринимала происходящее с ней, как насилие. Это была просто жизнь. Дурацкая жизнь никому не нужного ребёнка. Норма... Наверное, для любого среднестатистического человека, узнай он о происходящем, это стало бы шоком. Как? Как же так? Ужас какой... А для Даши Ивановой ничего шокирующего в случившемся не было. Она думала, что так живут все дети. А когда осознала правду – было уже слишком поздно. Взрослая девушка не могла изменить своего поруганного детства. Ей оставалось просто как-то жить с этим всем.

О том, что секс может быть совершенно другим, Дашка

узнала случайно. Когда нечаянно стала свидетелем довольно интимной сцены между Ставром и Любой. Секс, как любовь – зрелище, покоряющее своей чувственностью, эротизмом, красотой происходящего действия. Могла ли она сыграть такое? Сейчас? На камеру, перед посторонним человеком? Дашка выудила из памяти тот давний эпизод... Сглотнула, и погрузилась в воспоминания с головой. Дыхание участилось, стало жарко, и она расстегнула верхнюю пуговицу на простой белой рубашке, не замечая ничего вокруг. Не замечая пристального взгляда сидящего напротив мужчины. По сценарию ей нужно было сказать всего несколько фраз. А напряженность момента передать глазами, жестами, мимикой... Сыграть. Дашка тряхнула волосами, зарылась в них рукой, произнесла первую реплику. Возможно, несмело, но так и должно было быть. Нервный жест рукой, взгляд из-под бровей, зовущий, горящий страстью. В этой сцене героиня Даши впервые встречается со своей первой любовью. Они из потерянного поколения девяностых. Из тех, кому улица заменила дом. Они в прошлом – обитатели подвалов и начинающие наркоманы. Потерянные. Первая часть ленты заканчивалась тем, что главный герой вместе с родителями эмигрирует, в попытке вырваться из постсоветского болота. Во второй части, годы спустя, он возвращается в родной город, в котором неожиданно сталкивается с прошлым. Устоявшаяся жизнь грозит вот-вот перевернуться с ног на голову, а чувства к главной героине вспыхивают с новой, сокрушитель-

ной силой.

Даша срастается с ролью. Чарует мужчину и манит. Тонкий намек во всем, никакого напора, никаких лишних жестов. Ей есть, с кого брать пример, она отчетливо помнила, как вела себя Люба с любимым мужчиной. Женщина мастерски на интуиции и голых инстинктах отыгрывает сцену. Из роли выходит не сразу. Усилием воли замедляет дыхание, успокаивается. Опущенные веки дают небольшую передышку, чтобы прийти в себя. Герман молчал, никак не комментируя происходящее. Безмолвие окутывало все кругом. В помещении стало невыносимо душно. Ударной волной по телу прокатилось что-то острое, давно забытое.

– Что-нибудь еще? – хриплым голосом спросила Даша.

– Нет. Этого вполне достаточно.

– Ладно... Тогда я пойду.

– И не поинтересуешься моим мнением?

– Зачем? Вы ещё не видели результата.

– А ты? Не желаешь посмотреть?

О, нет! Только не это. Уж слишком Дашка вжилась в роль. Ей нужно было успокоиться. Избавиться от наваждения. Остыть.

– Нет. У меня много дел сейчас.

– Тебе, что, совсем не интересно? – уточнил Герман, немного более резким тоном, чем следовало.

– Почему? – пожала Дашка плечами. – Я посмотрю вечером. Вам будет удобно?

Герман с трудом удерживал себя в руках. А ему это было совершенно не свойственно. Рядом с Дашей мужчину бросало из стороны в сторону, будто бы он на полной скорости нёсся по горной извилистой дороге. Его чувства метались от полного равнодушия до высшей степени заинтересованности. От брезгливого презрения до совершенно неопишуемого восторга. Творец в нем замирал в благоговении. У него пальцы зудели – так хотелось продолжить работу! Совершенно немислимым образом он загорелся, как факел. Впервые за много-много лет Герман ощутил такой мощный творческий подъем. Да и не только творческий, если признаться. Дашка его завела. Вот так, запросто, с пол-оборота. Мужчина не помнил, чтобы с ним случалось подобное. В его орбите было слишком много красивых женщин, и, наверное, поэтому со временем он приобрел иммунитет к их чарам. Многочисленные красотки не будили в нем никаких желаний, не возбуждали, не горячили кровь. Чего не скажешь об этой женщине-девочке с гор. С ней все было по-другому. Герман увлекся ею еще вчера, за ужином. Это было необъяснимо, это было неожиданно и даже немного пугающе. Но какими же долгожданными были эти чувства! Долгие годы он жил вполсилы. Не ощущая ничего, кроме боли и опустошения. Боль от потери семьи так многого его лишила... Мужчина будто бы сам потерялся на задворках кладбища, растянувшегося во всю его душу. А теперь как будто ожил.

– Мне будет удобно, – подтвердил Герман, не сводя с Да-

ши прожигающего насквозь взгляда.

Даже сейчас, когда режиссера и близко не было, женщина чувствовала на себе этот взгляд. Он будто бы выжег клеймо на ее коже, или так просто казалось? И тысячи мыслей навязчивым клином кружились в голове. Она справилась? Ей удалось передать то, что требовалось? Был всего один дубль... И, возможно, она поспешила. Самонадеянность – вот Дашкино второе имя. А еще было совершенно непонятно, где взять силы просмотреть вместе с Германом отснятый материал... Она не была глупой, поэтому прекрасно понимала, что заинтересовала мужчину. Когда ее хотели, Дашка определяла на раз-два. Долгие годы тренировок, что б их! Пугающим было то, что все женское в ней откликнулось на этот призыв. Ситуация из ряда вон... Это в прошлом Дашу можно было обвинить в неразборчивых связях. Но последние тринадцать лет она и близко не подпускала к себе мужчин. Керимов отбил охоту надолго. После того, что он с ней сделал, во что превратил... А! К черту! Обещала ведь себе не вспоминать.

– Дашка! Ох, и напугала ты меня! – всплеснула руками Люба.

– Извини.

– Да, ничего. Ставр уехал в город, а я, думаю, дай зайду. Как твои пробы?

– Да, ничего, – подозрительно уставилась на женщину Дашка. – Это как же Ставр уехал, а тебя на базе оставил? Из-

за меня, что ли?

– Да, ну... У меня много работы, – отмахнулась женщина.

– Угу, конечно, – скептически скривилась Даша. – И мои пробы, конечно же, не причем. И не переживаешь даже?

– Переживаю. Очень. – Люба сложила руки на груди и подперла спиной подоконник. – Глупости, да? Ты взрослая, умная женщина, а я все равно за тебя волнуюсь.

– Не стоит. Правда... Все будет хорошо. Я никогда не сорвусь, и не подведу вас...

– Причем здесь это? – насторожилась Любовь.

– Как это причем? Разве ты не из-за этого переживаешь?

– Нет! Как тебе только в голову подобное взбрело?! У меня даже мысли не было, что ты можешь сорваться.

– Тогда из-за чего?

Самое страшное, что Дашка искренне не понимала.

– Я боюсь, что тебе сделают больно... Как тогда, – взволнованно начала Люба. – Но одновременно с этим очень боюсь, что ты пожалеешь, если упустишь возможность сниматься. Или, наоборот – разочаруешься, уже ввязавшись в процесс... Я так не хочу, чтобы ты переживала, Дашка! Так боюсь, что тебе вновь разобьют сердце...

– Да, что ему будет, Люб? – с показной бравадой парировала Даша. – Оно у меня таким панцирем покрылось за все это время, что никаким переживаниям его не прошибить. Ну? Ты чего расстраиваешься? Ну-ка, выше нос! Ставр меня четвергует, если прознает, что я тебя расстроила.

– Можно подумать, от него можно что-то скрыть... – грустно улыбнулась Люба.

– Люб, – посерьезнела Дашка, – у меня правда все хорошо! И давай больше не будем об этом, ладно? Ну, ничего ведь не случилось. Ни-че-го!

Люба кивнула головой, соглашаясь. Если Дашка утверждала, что все в порядке, то нагнетать ситуацию было действительно глупо. Они разошлись, каждый по своим делам, и все бы на том и завершилось, если бы не Костя, который ближе к вечеру ворвался к ней в кабинет:

– Можешь уделить мне несколько минут?

– Кончено...

– Пойдем. Глянешь кое-что. Я тут посмотрел на досуге. И тебе, думаю, будет интересно.

Люба посеменила вслед за шкандыбающим на костылях мужчиной и замерла у входа в небольшой кинозал.

– Ну, пойдем, чего застыла?

– Что ты задумал, Костик?

– Ты должна это увидеть, Люба. И, как профессионал, сказать – разве может такой талант пропадать?

– Я не знаю... Она не хочет, Костя. Я разговаривала с ней сегодня. Даша абсолютно отчетливо дала понять, что не заинтересована, и...

– Вранье. И тебе это известно! Она просто боится! До усрачки боится не оправдать чьих-то надежд... Просто, посмотри! Посмотри, и скажи, что ее место не в кадре.

Люба нерешительно вошла в открытую мужчиной дверь. На мгновение сощурилась – так сильно ударил по глазам свет, льющийся с большого экрана. Герман тоже был здесь. Сговорились, выходит...

– Готовы? – зачем-то поинтересовался он, перед тем как дать отмашку на запуск отснятого материала.

Женщина кивнула. Когда-то давно, еще в прошлой жизни, Любовь возглавляла крупнейший кинофестиваль в стране. И, конечно же, она разбиралась в кино и всех нюансах кинопроизводства. А еще со стопроцентной точностью из десятков никому не известных людей Люба могла выделить лица будущих звезд. Сейчас она видела ярчайшую из них. Это было бы глупо – отрицать очевидное. Даша Иванова была гениальной актрисой. До дрожи, до слез, до перехваченного спазмом горла талантливой. Не знающей себе цену, запутавшейся маленькой девочкой.

– Ну, что скажешь? – требовательно спросил Константин, когда экран потух.

– Ты и сам знаешь, что... Она просто невероятная. Без какой бы то ни было школы так играть, это... Немыслимо просто.

– Тогда мы просто обязаны убедить ее не упустить свой шанс.

Глава 8

День выдался тяжелый. Даша едва волочила ноги, возвращаясь с работы домой. Это очень удобно – жить в ста метрах от собственного офиса. Особенно, когда усталость грозила сбить тебя с ног. У самого дома остановилась. Сердце тревожно замерло. На веранде, где непривычно ярко горел свет (они никогда не включали все осветительные приборы одновременно), собралась приличная толпа. Вся ее семья. Ян, Люба, Ставр... И даже Костя. Но на этот раз не игра в карты свела их вместе. Никакого веселья на их лицах не было. А значит, повод для всеобщего сбора был отнюдь не радостный. Колени подкосились. По рукам прошла дрожь. На подгибающихся ногах, спотыкаясь и не дыша, Дашка рванула к дому:

– Что?! Что случилось? Люб, бабочка вернулась? – затрясла она удивленную женщину. – Да, почему вы все молчите?! – как безумная, огляделась Даша, и снова встряхнула Любовь. – Ну?!

Вперед вышел Ставр, освободив жену из цепких Дашкиных рук, мужчина сварливо заметил:

– Ну, чего ты каркаешь, а? Нормально все с Любой. Нормаль-но!

Дашка отступила, снова пошатнулась. И опять ее кто-то подхватил. Отвернулась, глядя непонятно куда, да и вообще

ничего вокруг себя не видя.

– С тобой точно всё хорошо? – уточнила для пущей надежности, все еще не понимая, по какому еще поводу они бы могли вот так собраться... Ведь в прошлый раз причиной всеобщего сбора был именно чертов Либман-Сакс, который снова расправил свои ужасные крылья над их жизнями.

– У меня все в полном и абсолютном порядке, – заверила Дашку Люба и сделала шаг по направлению к ней. Но та отступила:

– Тогда, если ничего серьезного не случилось, и дело ждет, я на минутку заскочу в дом, ладно? У меня... мне надо, в общем, извините.

Дашка ринулась к входной двери, как казак в атаку. Закрыла ту за собой, еще и подперла спиной, будто бы кто-то решился пойти вслед за ней! Идиотизм. Как и все ее поведение сегодня. Ведь нужно было сначала разобраться, узнать, что к чему, а не устраивать представление на ровном месте! Похоже, она в очередной раз выставила себя дурой... Дашка хмыкнула. Разве ей привыкать? Она всю свою жизнь только этим и занимается. Удивительно, как её придурь еще терпят.

Немного успокоившись, прошла в кухню, взяла из холодильника ледяную бутылку минералки, зажала ту между запястий, перекачивая туда-сюда. Остыть. Ей следовало остыть и успокоиться. Лед на венах и однообразные монотонные движения – как раз то, что нужно. Вдох-выдох. С Любой все хорошо. Они хотели поговорить совсем о другом.

Интересно, о чем? Вдох-выдох. Вдыхаешь носом, выдыхаешь ртом. Будто бы рожаешь. Дашка отчетливо помнила этот момент. Благодаря Любе роды для нее прошли практически безболезненно – она не поскупилась на хороший наркоз и великолепных врачей. Да и на подготовку к родам. Дашка до сих пор не забыла все, что им рассказывали на специальных подготовительных курсах, которые Люба посещала вместе с ней в качестве моральной поддержки. Любовь... Какое говорящее имя. Ставшая Любовь... Это вам не Даша Иванова, неказистую фамилию которой даже в титрах сократили до загадочной – Ив. Даша Ив. Наркоманка и малолетняя шлюха. Такой ее и запомнили.

Входная дверь отворилась, и в комнату, стуча костылями, вошел Костя. Даша так и не повернулась к нему лицом. Стояла, и пялилась в окно, будто бы на этом чертовом озере можно было увидеть хоть что-то новое. Глупо, конечно, было надеяться, что никто не понял, почему она убежала, но лишний раз продемонстрировать собственное малодушие тоже не хотелось.

– Всеобщий сбор инициировал я. Так, что... извини, если это была не лучшая идея.

– Глупости. Ничего такого не случилось.

– Ты просто подумала, что Любе опять стало плохо...

– Да... – согласилась тихонько. Ну, не отрицать же очевидное? Так она себя еще большей дурой выставит, хотя вряд ли это возможно.

– Мы собрались совсем по другой причине.

– Это по какой же?

– Ты оклемалась? Если да, то было бы неплохо выйти к Ставшим. Они тоже хотят тебе что-то сказать.

– Что-нибудь с Яном? – в очередном приступе паники зашла Дашка.

– Да, Боже ты мой! Что за чушь приходит тебе в башку? – рывкнул Костя. – Ничего ни с кем не случилось. Пойдем уже. Дело есть...

Дашка зыркнула на мужчину и послушно побрела к выходу. Вот так всегда. Чуть с ней пожестче – и становится буквально шелковой! Слишком долго с нею панькались Ставшие. Дашка гораздо лучше понимала, когда с ней разговаривали с позиции силы.

На веранде все уже расселись по местам. Ну, и правильно. В ногах правды нет. Костя тоже тяжело осел в плетеное кресло. Вытянул скованную гипсом конечность. Как же ему насточертело это все!

– Ну, и чего вы такие серьезные? – Дашка первой не выдержала молчания.

– Мы хотим, чтобы ты снималась! Мама с Костей видели твои пробы и считают, что ты – крутая актриса. А мне посмотреть не дали! – совсем по-детски пожаловался Ян.

Меньше всего Дашка ожидала такого ответа. Женщина мазнула удивленным взглядом по лицам родни и, наконец, расслабленно плюхнулась в кресло.

– Всего-то? Вы напугали меня до усрачки из-за чертовых киношных проб?

– Не говори так. Это было настоящее чудо, Даша! Ты – чудо. Это преступление – зарывать в землю такой талант!

– Ты серьезно, что ли? – недоверчиво покосилась Дашка.

– Более чем. И Костя, и я, и сам Герман – считаем так.

– Люба в этом разбирается. Ты знаешь, – подал голос Ставр.

– И что, ты даже не возражаешь? – покосилась на мужчину Дашка.

– С чего бы? Ты вольна делать все, что захочешь. Если это сделает тебя счастливой – я буду только рад, – повторил в который раз.

– Но... А как же моя работа на базе? И вы... Ян?

– Мам Даш, ну, ты даешь. Мне лет-то сколько? Сам буду справляться. Ну и родители никуда отсюда не денутся. Тут и думать не о чем.

– На время съемок тебя может подменить Света, – все продумал наперед Константин.

Вот не зря Дашке всегда казалось, что эта пергидрольная блондинка метила на ее место! Она никогда ей не нравилась. Бегающие глазки, тонкие губки, и заискивающие взгляды в сторону начальства. Но, стоило признать, с работой она справлялась нормально. И, вполне возможно, могла потянуть Дашкин объем работ на время её отсутствия. Поймав себя на мысли, что она на полном серьезе рассматри-

вает идею возвращения в кино, Даша испуганно вздрогнула. На самом деле сейчас обсуждались не самые главные из причин, которые стояли на пути у этого события. Как быть с чудовищным жутким страхом? Как побороть панику и отчаянную неуверенность в собственных силах? Где найти в себе мужество посмотреть в глаза тем, кто стал свидетелем её позора? Ведь в съёмочной группе Германа было достаточно старичков. И каждый из них был в курсе событий тринадцатилетней давности. Возможно, кто-то из них даже участвовал в оргиях, которые устраивал Керимов, когда она была под кайфом.

– Даша! – Костя поймал её панический, затравленный взгляд. – Дыши.

Да... Точно. Вдох носом, выдох ртом. А может, задохнуться, и все проблемы сами собой решатся?... Вот, правда, что ее держит? Ян? О нем есть, кому позаботиться. А ей было бы так хорошо, наконец, все прекратить... Обрести покой. Нет-нет-нет. Прочь суицидальные мысли! Чего это она, правда? Ей предстоит обычный выбор. Только и всего. Не самая сложная в ее жизни дилемма, кстати сказать.

– Мам, с тобою все хорошо? – забеспокоился сын. Только в такие моменты он опускал ее имя. Нужно срочно брать себя в руки!

– Все отлично. Люб, организуешь чай?

– Конечно. – Люба ласково коснулась ее волос и пошла в дом за всем необходимым. Следом за матерью кинулся Ян.

Помощник. На пару со Ставром, он оберегал Любу, как коршун. И Дашка тоже старалась той помогать, как могла. Но... не сейчас. В эту самую минуту помощь требовалась ей самой.

– Ты вообще хоть видела отснятый материал? – тихо спросил Костя.

– Нет. Еще нет. Было много работы. А ты, я так поняла, посмотрел?

Мужчина пожал плечами, перевел взгляд на Ставра и пояснил, то ли босу, то ли Дашке:

– Я делал обход, ну и натолкнулся... На этого пижона в нашем кинозале. Он там как раз просматривал Дашкины пробы. Ну, и я... тоже посмотрел. А потом пошел за Любой. Я-то не слишком в кино силен. А там требовалось мнение профессионала.

Ставр кивнул. Понял, мол, понял.

– Ты... кхм... охренительно просто выглядела. Я ничего во всем этом не смыслю, – повторился Костя, – но твоя игра была впечатляющей.

Стеснение Кости было таким неожиданным, что Дашка, несмотря на все тревоги, улыбнулась. Ну, понятно, в принципе, почему он смутился. Сцена была довольно эротичной. Другое дело, что смущение и Костя – были понятиями, диаметрально противоположными. И она еще, пожалуй, никогда не видела его таким... Дашка рассмеялась. Ну, не могла она сдержаться – это правда было смешно. Костя насуплен-

но отвернулся. Ставр непонимающе повел бровью, и Дашка пояснила, задыхаясь от смеха:

– Сцена была довольно... сексуальной. С какого-то перепуга Герман решил испытать меня таким образом. А я, как всегда, поддаюсь на провокацию.

– И у тебя отлично это получилось, – заметила вернувшаяся с чайником Люба.

– Ты в своем уме, Дашка? Вы там кино снимаете или порно-фильм?! – вскочил Ставр.

– Ты все не так понял, – улыbnулась Люба, обнимая мужа двумя руками. – Там ничего такого не происходит... Просто уникально чувственная игра.

– Вы меня доконаете, – снова осел на свое место мужчина. Дашка прыснула в ладошку, хотя на самом деле было далеко не смешно. Знал бы Ставр, какое кино с нею в главной роли снимал Керимов. Домашнее видео, которым шантажировал ее долгое время, подчиняя своей воле. Ну, вот... Опять перед глазами раскадровка из прошлой жизни. Эта боль ее никогда не отпустит. И тут же в голову пришла неожиданная мысль – а может ли она стать сильнее? Ну, вот чего она боится? Новых горестей, разочарования... Но ведь это все и так её преследует. Вырывается из-под контроля, чем бы она ни занималась. Так, почему бы не попробовать? Еще один раз. Не получится – ну и пусть. Ей всегда будет куда вернуться. Что-что, а это Дашка уже усвоила.

– Дашенька, попробуй. Правда. Это твое призвание. Это

твоя роль. Банально, но лучше жалеть о том, что сделала, чем об упущенных возможностях.

– Мам Даш, ну, давай, а? Прикинь, как круто – моя мама – суперзвезда!

– Нашел мне звезду, – улыбнулась Дашка, поднимаясь со своего кресла. – Ладно, пойду, хоть гляну, о чем вы толкуете...

– Ура! – подпрыгнул Ян.

– Рано радуешься. Вдруг мне не понравится то, что я увижу?

– Это невозможно, – твердо заметил Костя. – К тому же, в кинозале сейчас сеанс для отдыхающих.

– Что показывают? – поинтересовалась Дашка уже у самых ступеней.

– Какой-то боевик. Все, как ты любишь. Одной рукой герой стреляет в бандитов, второй обнимает трепетную даму.

Дашка хмыкнула, подняла над головой руку с оттопыренным большим пальцем и сбежала со ступенек. Они с Костей друг друга поняли. Все остальные, очевидно, удивились. Ну и пусть. К домику Германа добежала в рекордные сроки. А ведь еще час назад еле ноги переставляла. Постучала отрывисто в дверь, не давая себе шансов передумать. Он открыл не сразу:

– Черт, я не думал, что... – замолк на полуслове, смерив Дашку удивленным взглядом. – Я думал, что это официант.

Очевидно, таким образом мужчина извинялся за свой

внешний вид. Полотенце в руках, которым он вытирал мокрые волосы, и добротный мужской халат, в глубоком выреze которого виднелась хорошо прокачанная мужская грудь. Дашка сглотнула. У нее очень-очень долго не было мужчины. И не хотелось никогда, если честно. Сексуальное напряжение она теперь предпочитала снимать сама. И это её вполне устраивало. Редко какой мужчина на самом деле заботился о женском удовольствии. Невнятная возня в постели не стоила её внимания – бессмысленного траха в её жизни и без того хватало. Но сейчас... впервые за долгие-долгие годы, внутри у Дашки что-то дрогнуло. Внизу живота разлилось тепло, а внутренние мышцы конвульсивно сжались.

– Проходи, – широким приглашающим жестом взмахнул рукой Герман.

– Эээ... Я хотела посмотреть материал, но в зале сейчас показ...

– Проходи-проходи. Посмотрим на компьютере. Зачем нам зал?

– Ладно...

Дашка скользнула мимо Германа. Свежий аромат мужчины ударил в голову. Её совершенно ненормальная реакция напугала Дашку до дрожи. Или эта дрожь – сама по себе реакция на мужчину? Поди, разбери. Только одно Дашка понимала совершенно отчетливо – впервые за тринадцать лет в ней проснулось сексуальное желание. Господи, помоги.

Глава 9

Поначалу сидеть рядом с Германом было... ужасно неловко. Дашке казалось, что он непременно почувствует её возбуждение, и лишь утвердится в мысли о её распушенности. А это было бы просто ужасно, учитывая то, что им ещё предстояло работать вместе. Наверное, предстояло... Если пробы в действительности окажутся такими хорошими, как ей это преподнесли.

Несколько манипуляций мышкой – и на экране появилась... она. И в то же время какая-то другая, незнакомая женщина! Дашку всегда удивляло то, как камера её преображала. Будто бы добрая крестная фея, та совершенно удивительным образом превращала невзрачную приютскую девчонку в настоящую роковую красавицу. Как так получалось? Почему? Она не знала.

Даша впиалась взглядом в собственное лицо на экране. Все остальное отошло на второй план. Даже Герман, и её вдруг непонятно откуда взявшееся к нему влечение. Не было ничего и никого. Только незнакомка по ту сторону экрана. Вот она что-то говорит, замирает, проводит рукой по растрёпанным волосам и растягивает губы в едва заметной, сексуальной улыбке. Отводит взгляд, снова касается волос... За кадром звучит какая-то реплика. Дашка не распознает слов, сосредоточив все своё внимание на экране. В лице женщины

что-то меняется. Она вскакивает со своего места, мятежно сверкая глазами, но практически в то же мгновение вновь обретает контроль над собой, и вновь опускается на стул. Попадание в образ просто идеальное. Эмоции переданы филигранно, им веришь безоговорочно. Они захватывают зрителя и ведут за собой. Дашка вцепилась в диванную обивку и подалась вперёд, буквально впитывая в себя происходящее на экране.

Герман же на экран не смотрел. Дашина проба и без этого стояла у него перед глазами. В этот самый момент его занимало совсем другое! Сама актриса, которая с широко распахнутыми глазами внимательно наблюдала за собственной игрой. Даша утверждала, что охладела к кино, что больше не заинтересована в новых ролях. Она врала! Сейчас он, как никогда, был в этом уверен. Да, может быть, Даша Иванова действительно стала другим человеком. Скорее всего, так и было. Одно в ней не поменялось совершенно определенно. То, что завораживало его в ней ещё тринадцать лет назад. Фанатичная и безусловная любовь к кино. К процессу съёмки, ко всем даже незначительным деталям кинопроизводства. Мало кто так горел тем, что делал. Каждый отвечал за свой участок работы, но только одна она пыталась учиться чему-то сверх этого. Дашка вникала в любые нюансы. Присутствовала буквально на всех обсуждениях съемочной группы, пахала, как проклятая, на репетициях, а если и пропускала их, то только ближе к окончанию съемок. Когда уже плотно подсе-

ла на дурь. Но стоит признать, что даже тогда, с красными от недосыпа глазами, худющая, как жертва концлагеря, она скрупулёзно изучала отчеты операторов изображения и звука, а также всегда просматривала эскизы, которые создавались художниками-постановщиками для визуального планирования сцен. Он так отчетливо помнил ее светлую голову, склоненную над толстой папкой, полной каких-то бумаг... До нее никто этого не делал. Никто. В свободное время только Дашка, как тень ходила следом за операторами, редакторами, дольщиками, за всеми теми, кто мог её хоть чему-нибудь научить, и приставала к ним с расспросами. Даже бывалые киношники удивлялись такому нетипичному для молодой звездульки поведению.

Движение на экране замерло. Ролик закончился. В полной тишине Герман встал с дивана и прошел к небольшому бару, в котором хранился хороший коньяк. Плеснул в snifter ровно до середины широкой части бокала.

– Будешь? – нарушил тишину.

Дашка еще не отошла от просмотра, и не была уверена, что голос ее не выдаст. Поэтому просто отрицательно качнула головой. У неё никогда не было алкогольной зависимости. Но однажды Даша вычеркнула из своей жизни любые вещества и жидкости, способные вызвать у нее состояние измененного сознания. Она до дрожи в конечностях боялась снова потерять контроль над собой.

Герман пожал плечами, вдохнул коньячный букет и вы-

жидающе уставился на гостью. Именно сейчас все решится. Она либо согласится – либо нет. Зря, конечно, он так долго оттягивал это вопрос. Продюсеры нервничали. Художники по костюмам сходили с ума, да и он сам слишком долго находился в подвешенном состоянии.

– Что скажешь? – наконец поинтересовался он, отпив глоток из бокала.

Дашка пожала плечами и тоже встала. Было очень неудобно смотреть на мужчину снизу вверх. Да и не сиделось ей как-то. Прошлась по комнате, скрестив тонкие руки на груди. Красивые руки с длинными музыкальными пальцами... Она вообще была... красивой. Это следовало признать. Как и свой к ней интерес, который порядком все усложнял.

– Не знаю... По-моему, вышло неплохо.

– Скромничаешь?

– Я не слишком большой в этом специалист. Только и всего.

Герман распахнул створку двери, ведущей на веранду, и закурил.

– Я скажу один раз, и больше не стану повторять. – Мужчина сделал глубокую затяжку. – Не в моем стиле, да и вообще... – выдохнул дым. – Это было лучше, чем «неплохо». Более того, это было действительно хорошо. В моем отчетном листе этот дубль был бы точно помечен, как удачный.

– Спасибо...

– Да, брось... Я тебя хвалю из чистого эгоизма.

– Это какого же?

– Хочу тебя... в этой ленте.

Конечно. В ленте... И только. И это ведь хорошо, не так ли?

– Я хотела бы глянуть контракт.

Да-да. С возрастом Дашка стала умнее. Это тогда, когда Герман ее пригласил на роль в первый раз, она ни о чем таком не думала. Ей было все равно, что в этих бумажках. А все мысли занимало лишь творчество. Сейчас... все изменилось. Не зря она была приемной дочерью Ставших. Ставр здорово ее поднатаскал. В бизнесе. И так... Даша больше никому не верила. Тем более всяким агентам, которые, по закону жанра, как раз и отвечали за юридическую составляющую. А тогда... за все отвечал Керимов. Зря она отказалась от помощи Любы. Не сглупила бы и, вполне возможно, не вляпалась бы в то дерьмо... Но из нее тогда пер максимализм. Даша хотела показать, что уже не ребенок, что сама в состоянии отвечать за себя. Она игнорировала любые попытки помочь. А ведь Люба разбиралась во всем происходящем гораздо лучше, чем кто-либо другой. И в итоге... Ну, все в курсе, что произошло.

– Вот! Совсем другое дело!

Даша улыбнулась кончиками губ, внимательно наблюдая за мужчиной. Он снова склонился над своим макбуком. Тонкие пальцы с ухоженными отполированными ногтями забегали по клавиатуре. Одна рука взлетела к голове и зарылась в

густые, немного вьющиеся волосы. Ей захотелось повторить это движение. Ощутить шелк отросших волос своими рецепторами. Наваждение какое-то. Не иначе. Дашка встряхнула головой.

– Контракт выслал тебе на почту. Там же контакты кастинг-директора. С ним можно обсудить все детали.

– И что... мой контракт содержит пункты касательно ежедневной сдачи проб на запрещённые препараты?

Хороший вопрос. Отрезвляющий. Тот, который напомним о том, какая пропасть пролегает между ней и Германом, и миг расставит все по местам. Охладит кровь.

– Содержит. Я не шутил.

Взгляд Германа был непоколебим. Ну, что ж... Она, наверное, заслужила такое к себе отношение. Дашка кивнула. Слова снова застряли в горле, как острая рыбья кость.

– Когда начнутся съемки?

– Примерно через полтора месяца. Немного позже ассистент разошлет график. Но и до этого тебе предстоит еще масса дел.

– Это каких же?

– Например, с тобой хотят встретиться продюсеры. Потом, как обычно, примерки, репетиции... Все, как всегда.

– Что за встреча? Они со всеми актерами встречаются? – ощетинилась Дашка.

– Да. Это будет знакомство со съёмочной группой. Небольшой корпоратив.

Женщина выдохнула. Даша, было, подумала, что и дирекция картины решила лично убедиться, что она достаточно вменяема. А это было, как ни крути, унижительно.

– Актерский состав практически не поменялся... – заметила Дашка, – а остальные?

– Практически все. В прежнем составе лишь операторы и звукорежиссер.

Хоть это радует. Чем меньше знакомых – тем лучше. Возможно, она даже действительно сможет сыграть, не обращая внимания на злопыхателей. Плохо, что никуда не делась ее главная заноза. Хотя, может, со временем ту отпустило, и она уже не будет такой стервой? Невольно Дашка вернулась мыслями в прошлое. В ненастный день, в котором они снимали сцену с матерью главного героя. Ту играла довольно известная то ли заслуженная, то ли народная артистка. Таланта в ней действительно было с избытком. И столько же было желчи. Дашка успела в этом убедиться еще на репетициях, поэтому сниматься в одной с ней сцене боялась до ужаса. Та постоянно подначивала Дашку, ругала за непрофессионализм и зажатость. Когда у девушки случались редкие осечки, женщина демонстративно закатывала глаза и называла ее бездарью. Роль требовала от Дашки быть дерзкой, вызывающей даже, а она робела перед напором маститой артистки, и никак не могла взять себя в руки. Герман повторял дубль за дублем, они выбивались из графика. Никто не мог понять, что происходит, ведь с остальными сценами Даша справля-

лась отлично.

– Что, черт возьми, происходит? – вспыхнул Герман, вскакивая со своего кресла. – Какая муха тебе укусила?

– Меня?! – возмутилась Дашка. – Это она, – кивок в сторону женщины, – мне жизни не дает!

Герман схватил ее за руку и потащил к трейлеру, который служил им одновременно и гримеркой, и костюмерной:

– Я надеялся, что ты будешь работать, как профессионал!

– Работать? Да она же ненавидит меня!

– Она ненавидит всех. И что? Что мешает тебе на это забить?! Делай свое дело! И думать забудь об этой старой кляче!

Дашка уставилась широко распахнутыми глазами на мужчину и, кажется, даже открыла от удивления рот. В ее понимании, Елена Долгая слабо вязалась с образом старой клячи. Идеально красивая женщина. Идеальная во всем – в одежде, маникюре и прическе, манерах... Даша совершенно не учитывала то, как Елена вела себя с ней. С другими-то она была улыбочивой и обходительной. И только с возрастом девушка поняла, что гораздо больше о человеке говорит то, как он ведет себя с более слабыми, не способными дать сдачи, чем с такими же успешными и матерыми личностями, как он сам. Но тогда... Тогда Елена казалась ей едва ли не небожительницей.

– Как вы можете так говорить?! Она же настоящая... королева!

– Угу. Королева! Ножа и скальпеля. От которой за версту несет мертвечиной.

– Герман! – изумилась Дашка.

В то время режиссер ей казался едва ли не Богом. Она с первых минут знакомства утонула в нем с головой. Упала, как в омут. Надеялась, что он обратит на неё внимание, заинтересуется. Но... Мужчина был холоден, как Арктика в полярную ночь. И абсолютно равнодушен. Не только к ней. К любым другим людям на площадке. Девушка знала о случившемся с его семьей несчастье и, наверное, поэтому всерьез надеялась, что сможет ему помочь. Ведь именно Даша, как никто другой, знала цену одиночеству. Да и он сам, своим поведением еще до случившегося несчастья, давал ей повод надеяться. Мужчина ею явно заинтересовался. Порой Дашка ловила на себе такие взгляды режиссера, что казалось, будто бы по венам разливается вино. Колени становились ватными, и сердца стук отзывался в голове сумасшедшим грохотом. Она едва дождалась до новой встречи спустя пару месяцев. Но вместо Германа обнаружила совсем другого мужчину. Холодного, циничного, отстраненного. На тот момент ему было двадцать восемь, но казался он стариком. К пьянящему вину в венах добавили щедрую порцию льда. Впрочем, даже это не умерило Дашкин пыл. Вся ее душа устремилась ему навстречу. И отрезвление наступило не сразу.

– Даша, послушай меня внимательно. Я взял тебя на роль, и рассчитываю, что ты будешь себя вести профессионально.

Я не потерплю больше такого отношения к работе. Никаких соплей. Эти штучки не для шоу-бизнеса. Наплюй на эту стареющую суку и покажи мне свой талант. Отыграй, как того требует сценарий.

Честное слово, Дашка пыталась! Но она была настолько не уверена в себе, в собственных силах и таланте, что довела себя этим едва ли не до нервного срыва. Королева сучек, и по совместительству приглашенная в ленту звезда, вела себя все отвратительнее, от чего девушка все больше отчаивалась.

– Господи, Даша, кто тебя так подстриг?

Конечно же, специально нанятый парикмахер! Ей ли не знать, что по сценарию у Дашкиной героини были плохо постриженные короткие волосы? Дашка, сцепив зубы, молчала, повторяя свой текст, но народная не унималась:

– А ногти?! Что с твоими ногтями?! Ты знаешь, что их можно просто обрезать, я уж молчу о таком понятии, как маникюр? Зачем ты их обгладываешь до мяса? Слушай, а может, тебя не кормят? Ты поэтому такая тощая, а?!

Если бы у Дашки было больше опыта, она бы поняла, что успешная и состоявшаяся актриса просто завидует. Ее молодости, ее естественной красоте и природной стройности. Но Дашке такое даже на ум не могло прийти! Она-то считала себя дурнушкой...

Даша заставила себя вернуться в реальность. Столько лет позади, а она, оказывается, ничего не забыла!

– Ну... Я, пожалуй, пойду. Нужно изучить контракт, и все

хорошенько обдумать.

Герман кивнул, снова затянулся и, затушив окурок в пепельнице, галантно открыл дверь:

– Завтра я уезжаю. В письме будут все необходимые контакты. Со дня на день тебе дополнительно сообщат, как будет происходить знакомство с группой.

Даша кивнула и тенью скользнула за порог.

Глава 10

Следующим утром Дашка позволила себе поспать подольше. Как-никак, был ее единственный выходной. Воскресенье. Могла себе позволить некоторые вольности. Женщина потянулась в постели, и снова упала на подушку. Девять, всего лишь девять утра, а она уже проснулась. Вот, что значит привычка. Казалось бы, спи, сколько влезет. Ребенок вырос, никаких серьезных забот не намечалось, но вот почему-то не выходило. Хотя спать, вроде как, и хотелось. Практически бессонная ночь не прошла даром.

Еще немного понежившись в постели, Даша все же встала с кровати и подошла к окну, из которого открывался великолепный вид на озеро. Красивое, таинственное, с кристально-чистой зеленой водой. Сколько Дашка себя помнила, оно было таким. Неизменным. Как бы было хорошо, если бы все в жизни было так. Тихо, размеренно и предсказуемо. Она терпеть не могла сюрпризы! Домочадцы это усвоили. Вот только жаль, что жизнь мало когда считалась с её мнением. Никогда не считалась, если говорить откровенно! Поэтому Дашка плыла, подчинившись ее плавному течению, и даже не думала противостоять. И вот, как насмешка судьбы, ее снова прибило к незнакомому берегу. Точнее, она уже плавала в этих водах. Давным-давно, когда была, по сути, пороха не нюхавшей девчонкой. С тех пор столько воды утек-

ло! Но... стала ли она умнее за это время? Изменило ли оно хоть что-то в ней? Порой Дашке казалось, что так и есть. Под бдительным оком Ставших из никому ненужной детдомовки она трансформировалась во вполне себе успешную молодую женщину. Образованную и, наверное, даже благополучную. По крайней мере, на первый взгляд так казалось. Здесь, на своей территории, Дашка забывала о том, как жила раньше. До того, как в ее жизни возникло это необыкновенное место. И люди, что его населяли.

– Привет, мам Даш, так и знал, что ты не спишь.

– Привет, дорогой, – улыбнулась сыну Дашка.

Подумать только! Как быстро летит время... Вот уже и сын вырос. На голову выше матери, а ведь только пятнадцать будет!

– Ну, что ты решила?

– По поводу?

– По поводу съемок, конечно!

– Еще не решила, но думаю, что, наверное, соглашусь.

– Круто!

– Посмотрим.

– Ма, а почему... Ну, почему ты тогда не стала продолжать строить карьеру?

Дашка похолодела. Нет, она знала, что любопытный сынок рано или поздно начнет допытываться, но все равно не была готова к этому вопросу.

– Это... это как-то связано с наркотиками?

– Что?! – прохрипела она.

– Я знаю, что у тебя с этим были проблемы...

– Кто тебе сказал?

– Никто, – пожал плечами Ян, – в интернете можно прочитать, что угодно.

Игрушки дьявола! Она столько лет оберегала сына от своего прошлого... Как могла, оберегала! Но неминуемое все же настигло их всех.

– Что ж... Тогда ты все знаешь. Мне нечего добавить, – пробормотала Дашка, обретя подобие контроля над собой.

– Мам... Если ты по правде не хочешь влезать в это заново, то и не нужно. Честно. Мне по фигу на все эти понты. Если все останется, как есть, я не буду относиться к тебе хуже. Клянусь. Это твой выбор. Только твой, и ничей больше.

– А как же Катька? – хриплым голосом уточнила Даша.

– А никак. Фигня это все. Человек тебе либо нравится, либо нет. Если я ей не нравился обычным парнем, то на кой она мне нужна в дальнейшем?

– Логично! – раздалось за спиной. – Ты опять не закрыла двери на замок, – без всяких переходов продолжил Константин.

– Ох... Прости, Костя! Всегда забываю об этом чертовом замке.

– Это все до поры до времени.

– Что ты имеешь в виду?

– Вот нападет на тебя какой-нибудь маньяк – так сразу и

приучишься к порядку.

– Типун тебе на язык. Как твоя нога?

– Лучше не бывает.

– Тебе нужно было согласиться на физиопроцедуры.

– К черту! Эти доктора ничего не соображают!

– Да ты просто старый потасканный брюзга!

– Тук-тук... Было открыто, и я вошел... – раздался знакомый голос.

Дашка резко обернулась на звук, не мигая, уставившись на нового неожиданного гостя.

– Вот, о чем я и говорил! – закричал Константин, усаживаясь в кресло. – Ходят тут всякие – спасу нет. Того и гляди, ничем хорошим это дело не закончится.

– Я насчет встречи с продюсерами... – полностью игнорируя слова мужчины, пояснил Герман.

Наверное, он причислял Костю к обслуживанию. Ему же не привыкать к охранникам, горничным, поварам... И это были явно не те люди, на кого Герман обратил бы внимание.

– А что с ней?

– Мы не могли бы поговорить наедине?

– А у мамы Даши нет от нас секретов! – вмешался в разговор Ян.

Даша строго глянула на сына, перевела взгляд на Костю:

– Мы пойдем, выпьем чаю...

– Ты так и пойдешь, в исподнем? – вскинул бровь тот.

Дашка опустила взгляд и чуть не взвыла от досады. Гости

набежали в ее дом так быстро, что она даже не вспомнила, что еще не переоделась после сна. И теперь щеголяла перед ними в старой выцветшей футболке. То ли Ставровой, то ли Костиной. Даша точно не знала. Так сложилось, что она не умела расставаться с вещами. И никому не позволяла те выкидывать. Даша была твердо убеждена, что это настоящее предательство – выкинуть из жизни то, что некоторое время служило тебе верой и правдой. Случалось, что женщина порывалась со всем этим покончить. Тогда она собирала все старье в большие тюки, чтобы оттащить те к контейнерам с мусором. Но каждый раз в последний момент ее уверенность сходила на нет, и все оставалось на своих местах. Ставшие смеялись, что когда-нибудь старье поглотит весь Дашин дом. Пока до этого было далеко, хотя чердак, и правда, был забит под завязку.

– Дайте мне пять минут, – попросила девушка, кивнув головой в направлении двери.

Герман послушно двинулся к выходу. Ему не мешает немного побыть одному. Прийти в себя. Потому что с ним снова случилась эта чертовщина! Он снова возбудился от одного ее вида. Или не отошел после вчерашнего? Или с момента пробы? А может, с того вечера в ресторане? Или... Дашка зацепила его еще тринадцать лет назад, а сейчас все просто вернулось?

Чтобы пройти к выходу из домика, Герману нужно было миновать совмещенную с кухней гостиную, где его уже

подждал Ставр. Так, кажется, звали этого словно из камня высеченного мужчину. Со временем Герман забыл, кем тот приходился Даше, но отчетливо помнил, что тот его чуть с землей не смешал, когда, наконец, прознал о «приключениях» родственнички.

– Герман...

– Ставр...

– Я так понимаю, ты все же убедил Дашу сниматься?

– С большим трудом. А вы, полагаю, против?

Не глядя на мужчину, Герман вышел на широкую веранду, и пристально уставился вдаль. Туда, где высокие шпили елей царапали своими верхушками пушистые розовые облака. Все-таки не зря он выбрал эту местность для съемок природы. Было что-то завораживающее в этих пейзажах. На фоне величия гор человеческие пороки выделялись как-то особенно отчетливо.

– Даша взрослая барышня. Я не имею права голоса.

– Черта с два. Если бы вы считали, что эта затея не для нее, у Даши бы не было ни единого шанса.

– Ты посмотри, какой умник!

– Не жалеюсь.

Если бы Герман не чувствовал за собой вины, он бы ответил гораздо более резко. Все дело в том, что за последние пару дней он столько всего передумал... Раньше почему-то не задумывался. А сейчас, видимо, появилось слишком много свободного времени, вот и лезло всякое в голову... По боль-

шому счету, он не отвечал за своих актеров. Мужчина был режиссером, а не нянькой. А Дашка была полностью дееспособной. Соответственно, она сама несла ответственность за себя и свои поступки. Господи, да у нее уже даже ребенок был! Так какой с него спрос?

– Послушай, парень...

Герман поморщился от такой фамильярности, но все же повернулся к Ставру лицом.

– У Даши была нелегкая жизнь. Врагу, если честно, такой не пожелаешь...

– Что вы имеете в виду?

– То и имею... Слишком много бед приключилось с девочкой. Постарайся не добавить ей горя. Будь внимательнее в этот раз. Смотри в оба.

Мужчина опустил взгляд вниз и пнул пыльным, выдавшим виды ботинком бортик веранды. Герман прищурился. Интересно, что он имел в виду? О каких бедах толковал? И что ему ответить, если он вообще не понимал, о чем речь? Пообещать, что ничего с Дашкой не случится? Смешно! Она взрослый человек. И если захочет куда-нибудь встрять, то непременно сделает это.

– Ставр? Ты что здесь делаешь?

На пороге веранды появилась Даша. Несмотря на лето, она надела джинсы и тельняшку с длинным рукавом. Ее светло-русые волосы в беспорядке рассыпались по плечам – она явно не воспользовалась расческой. На улице было доста-

точно прохладно, и девушка зябко сжимала свои предплечья руками, в безуспешной попытке согреться. Герман сглотнул. Он еще помнил, как выглядели ее соски, сжавшиеся от холода. Выцветший трикотаж футболки, в котором он застал Дашу утром, практически ничего не скрывал. И ему до зуда в пальцах захотелось сжать её малышки в руках. Провести подушечками пальцев по крупным, напряженным вершинкам, сжать их посильнее...

– Да вот... В гости зашел. Смотрю, не мне одному пришла в голову эта идея. Многолюдно у тебя, однако.

– Доброе утро, пап! – поздоровался Ян. Ставр подал руку сыну, хлопнул того по плечу, одновременно протягивая ладонь Константину.

Герман понимал все меньше, но своего удивления не показывал. Выходит, что Дашка родила... от Ставра? Сколько ей было лет, когда этот дед на нее позарился?! Как он вообще посмел?! И куда смотрела его жена?

– Ты можешь уделить мне несколько минут наедине? – процедил сквозь зубы мужчина. Ему уже следовало выезжать в аэропорт, а он не мог уехать, и не увидеть напоследок Дашу. Хотя и попрощался с ней еще вчера.

– Да, конечно, – Дашка кивнула головой, и направилась в сторону леса.

Герман последовал за ней, не боясь промочить ноги, хотя и была такая вероятность. Всю ночь лил дождь, и теперь напитанная влагой земля квакала под ногами. Почему-то вы-

мощенную дорожку Дашка напрочь проигнорировала.

– Ты хотел что-то сказать по поводу встречи с продюсерами...

– Да, я тут подумал... А почему бы нам не организовать её прямо здесь?

– На базе Ставших?! – изумилась женщина.

– Именно. По-моему, отличная идея. Отдохнуть от города, познакомиться поближе в непринужденной обстановке. Да и твоему Ставру... будет спокойнее, если он увидит, с кем тебе предстоит работать.

– При чем здесь Ставр? Он тебе что-то говорил?

– Он волнуется о тебе. Только и всего. Наверное, ему не безразлична мать его ребенка.

– Ребенка? О, нет! Господи... Ты все понял совершенно неправильно. Ставр... Он не является биологическим отцом Яна, хотя и вписан в его свидетельстве о рождении. Но... нет. Между нами не было и нет ничего такого. Ставр обожает свою жену...

Дашка отвернулась, провела задумчиво рукой по поросшему мхом стволу раскидистой ели. Она не понимала, почему ей было так важно донести до Германа правду. Объяснить ситуацию... Наверное, не хотелось бы, чтобы он думал, что она еще и Ставшего соблазнила.

– Ставр мне заменил отца. И моему сыну тоже... заменил.

– А твой настоящий отец...

– Я его не знала.

Черт! Ему действительно нужно ехать. Как вообще начался этот разговор по душам? С чего бы? Ему это и даром не нужно. Рабочие отношения. Он – режиссёр. Она – актриса. А то, что так не вовремя растревожило душу – банальная похоть. Не стоит преувеличивать ее роль.

– Ты подумай насчет моего предложения. Если встречу все же можно будет организовать – свяжись с моей ассистенткой. Она поможет в проведении мероприятия. А мне уже пора. Самолет.

Герман демонстративно сверился с часами и, взмахнув рукой, отступил назад. Вода все же просочилась в туфлю. Мужчина поморщился, ступил на дорожку. Даша Иванова, сама того не подозревая, завлекла его в свои сети. Но он не собирался так просто сдаваться.

Глава 11

На фоне величественного деревянного дома в четыре этажа сидела женщина. Древняя, как и сам дом. Блеклые, обесцвеченные временем глаза смотрели на высокие – почти до неба, ели. Зрение было уже не то. Но старуха не теряла надежды заметить белок, коих в их поместье было великое множество. Она и орехи для них припасла, мешочек с которыми теперь задумчиво поглаживала длинными, изуродованными артритом пальцами. Однако белки на угощение торопиться не спешили. Зажрались!

– Безмозглые твари...

– И кто на этот раз попал под раздачу? – раздался смеющийся голос за спиной.

– Ох, Гера... Вернулся... – прозрачные глаза старухи зажглись огнем, а руки, оставив в покое орехи, потянулись к мужчине. Тот послушно наклонился и легонько приобнял бабуку. Она была настолько худой, что казалась практически бестелесной, и Герман боялся ей навредить.

– Ну, так что там по поводу безмозглых тварей? Кто вновь посмел тебя расстроить?

– Ты говоришь обо мне, как о сварливой, выжившей из ума старухе!

– Не правда, светлости твоего ума я даже завидую, да и насчет старухи ты явно погорячилась... А, вот, что касается

сварливости... Ты опять уволила экономку. Пятую за этот год, Марго... Я не успеваю запоминать их имена.

– Она была грязнулей! И пыталась испечь пирог!

– Какое преступление, – улыбнулся Герман, усаживаясь возле бабки в глубокое плетеное кресло.

– Она посягнула на святое!

Да уж, плита в их доме действительно была чем-то, вроде святыни. Гера купил ее в подарок бабке, после того, как, наконец, уговорил ту отреставрировать свое родовое гнездо. И теперь их кухню украшала шикарная французская La Cornue. Шедевр кухонного искусства. Венец умения, профессионализма и годами накопленных знаний. Плиту установили семь лет назад, и с тех пор никто не смел подходить к ней. Конечно, кроме самой Маргариты. Которая была непревзойденной поварихой. Но... все же, возраст брал свое. Ей было тяжело готовить, и радовать внука привычными с детства вкусами. Сломанный когда-то позвоночник здорово портил жизнь энергичной не по годам женщине и скверно сказывался на её и без того несладком характере.

– Да она же только хотела тебя побаловать чем-нибудь вкусеньким! Снискать твое расположение...

– Можно подумать, она бы смогла... Никто не умеет правильно готовить грушевый пирог.

– А ты бы поделилась с ней своим фирменным рецептом – глядишь, и смогла.

– Вот еще! – возмутилась Марго. – Это семейный ре-

цепт...

– Фамильными бывают особняки, – Герман взмахнул рукой в сторону дома, – драгоценности, – коснулся прекрасного рубина, с которым, несмотря ни на что, бабка никак не могла расстаться, хотя уже несколько раз приходилось раскатывать кольцо, – а вот рецепты фамильными не бывают!

– Много ты понимаешь! – фыркнула Маргарита. – Рецепт моей грушевой шарлотки передался мне от бабки, которой, в свою очередь, его поведала мать. А та, чтоб ты знал, была поварихой в доме какого-то графа. Или князя... Впрочем, один черт! Кстати, этот же то ли граф, то ли князь ту повари-ху и обрюхатил. Так что, не один твой дед дворянских кровей. Я, вон, может, тоже из князьёв...

Герман слышал эту историю тысячу раз. Но все равно прослушал её с большим удовольствием. Если и был на свете человек, которого он готов был слушать часами, то это была она – Маргарита. Так повелось с самого сопливого детства. Бабка заменила ему и мать, и отца. Она была его непоколебимым авторитетом. Именно Маргарита научила маленького Геру всему, что он сейчас умел. Именно она вселяла в него веру, именно она его во всем поддерживала. Ее прокуренный голос ласкал слух, её хрупкий силуэт сулил авторитет, а никем не повторенный вкус воздушной, как облако, грушевой шарлотки говорил сам за себя – этой женщине по все по плечу. Так, впрочем, оно и было.

– Так что же, выходит, ты унесешь рецепт шарлотки с со-

бой в могилу?

– Шути, шути! Жить вечно я не собираюсь, так и знай! Пора бы тебе уже поторопиться с продолжением рода, Герман. И на этот раз я не шучу... Если я все еще жива, это не означает, что я счастлива по этому поводу. Роди ты уже хоть кого-нибудь, и дай мне спокойно отойти в мир иной!

– Что значит – хоть кого? – улыбнулся Герман, обнимая бабуку за плечи.

– Да, хоть сына, хоть дочь... Девочку, конечно, предпочтительнее. Из нее проще человека воспитать.

Герман рассмеялся и зарылся носом в бабкины идеально уложенные волосы. Он ее о-бо-жал! Маргарита вышла за его деда Андрона в пятидесятых. Столичная богема посчитала этот брак мезальянсом по целому ряду причин. Ну, во-первых, Маргарита была значительно младше своего супруга. На целых двадцать лет. Во-вторых, Андрон был женихом завидным, с родословной, которую, впрочем, в советское время, не особо выпячивал. А еще он был знаменит, богат и талантлив. Ему удавалось уживаться в жестких реалиях советского кинематографа. Каким-то чудом он изворачивался и отстаивал сцены, которые, по соображениям цензуры, рекомендовали убрать из фильма. Он был первым советским режиссером, получившим Оскара, в то время как Маргарита – никому не известной воздушной гимнасткой. Не самая престижная профессия для дамы, но разве кого-то это волновало? Уж точно, не их двоих. Хотя, поначалу Марго при-

шло нелегко. В обществе её попросту игнорировали. Как говорила сама бабка – завидовали. Зло, по-черному. И её молодости, и её чувству стиля, и шикарным нарядам, которыми Андрон засыпал молодую жену, и дому, который тот для нее построил... Именно людская зависть привела Марго на больничную койку. Одна из цирковых артисток, которая имела короткую связь с Андроном еще до его женитьбы, подрезала Маргарите страховочный трос. То, что она тогда не разбилась насмерть – было настоящим чудом. Но с тем ужасным падением закончилась сказка... Муж, для которого молодая Марго была своего рода пилюлей от старости, стал погуливать. Нет, он ее не оставил... Не развелся, не ушел. Он поступил благородно – бросил к её ногам лучших врачей, и лучшие заграничные клиники, но, все же, отобрал самое главное – свою любовь. Сцепив зубы, Маргарита выкарабкалась. Ради маленького сына, ради себя самой, на что ушло практически два года жизни. И она снова блистала в шикарных нарядах, преодолевая боль, так, что даже муж загорелся ею по новой. Она его ухаживания благосклонно приняла. Опять же, ради сына и из чувства тщеславия – уж очень хотелось утереть нос всем недоброжелателям и завистникам. Но в сердце прощения Андрону не было. Его предательство навсегда изменило что-то в её душе. Убило нечто тонкое и бесценное...

– Это – смотря какая девочка. Знаешь, сколько я оторв на своем веку повидал...

– Ты мне зубы не заговаривай, драгоценный... А начинай, наконец, действовать!

– Я как раз хотел об этом с тобой поговорить...

Марго повернула голову, мазнув по внуку цепким взглядом:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что эта твоя Лада беременна?

– Конечно, нет. Но... Я подумываю над тем, чтобы сделать ей предложение.

– Этой застегнутой на все пуговицы глыбе льда?

Герман тяжело вздохнул. Лада не была такой уж плохой. Напротив, она была веселой, воспитанной и понимающей. Да, между ними не было огромной любви, но в современном мире любовь как раз и не являлась достаточно прочной основой для брака. В их окружении руководствовались совсем другими мотивами. Связи, деньги, статус... Ему сорок один. Возраст, вполне подходящий для создания семьи. А из Лады вышла бы хорошая жена. Для этой роли её готовили долгие годы. Она прекрасно разбиралась в живописи и современном искусстве. В разговоре могла поддержать любую тему, будь то ранний постмодернизм в литературе или кризисные явления в экономике. С одинаковым умением она оперировала терминами «диптих» и «карнация», «деноминация» и «индоссамент»... А еще – она не была в него влюблена, и отчетливо понимала, на что идет. Союз с привилегиями. Ничего больше. Германа вполне устраивало то, что Лада не пи-

тала романтических иллюзий на его счет.

– Не понимаю, почему ты так её не любишь, Марго. Она не сделала тебе ничего плохого.

– И ничего хорошего тебе. Поэтому и не люблю. И она тебя тоже не любит, Гера!

– И слава Богу... Ну, зачем эти сложности, ммм?

– Бестолочь ты...

– Смотри, вон белка, – проигнорировал слова бабки Герман, – доставай орехи.

– Не буду. Слишком долго эти тупицы испытывали мое терпение.

– Это всего лишь белки, Марго. Они не строили коварных планов, чтобы тебе насолить.

Старуха фыркнула и, опираясь на трость, встала со своего места:

– Пойдем в дом, солнце уж слишком припекает... Да и работы у тебя, небось, по горло, так что ж ты сидишь?

Герман послушно пошел за бабкой. На самом деле полно работы было у нее. Она до сих пор не отошла от дел. Ей принадлежала небольшая сеть элитных ресторанов. Первый свой ресторан Маргарита открыла в шестьдесят, чтобы спасти семью от бедности, угроза которой неожиданно нависла над ними после смерти Андрона и в начале перестройки. Все накопления обесценились. Денег катастрофически не хватало. Из всех богатств у них остался этот дом, да предметы искусства, которые в лучшие времена коллекционировал Анд-

рон. Мать и отец Германа помощниками в этом деле не были. Рассчитывать на них не приходилось. Они привыкли жить на широкую ногу за границей, и не любили утруждаться. Сам Гера как раз оканчивал школу, но бабка запретила ему даже думать о том, чтобы идти работать. Перед Германом стояла амбициозная цель – поступить в театральный, дабы продолжить дело Андрона, ведь у парня был несомненный дар. И тогда Марго на последние деньги открыла ресторан... Железная женщина.

Они вошли в дом, и сразу двинулись к бывшему кабинету деда. Теперь там обосновалась Маргарита. А Герман оборудовал себе место для работы этажом выше, когда этот самый этаж надстроил семь лет назад, замечательно вписав в прежний облик дома. И тот практически не изменился, только стал намного просторнее. Им удалось перенести кухню и организовать большую столовую на нулевом, полуподвальном этаже в стиле Прованса, и за счет этого увеличить гостиную – теперь она простиралась вверх на два этажа. А поскольку никакая деревянная конструкция не выдержала бы такого огромного, во всю стену, окна, им даже пришлось устанавливать дополнительные подпорки, которые теперь удерживали крышу. Изготавливали их белорусские краснодеревщики, и резьба, украшающая их, была настоящим произведением искусства. Как и огромная, сумасшедшей красоты лестница на три этажа, изготовленная в Китае. У их дома не было единого стиля – они не стали обращаться к модным сейчас ди-

зайнерам. И сам Герман, и его бабушка, обладали отличным вкусом. Дом и до реставрации был шикарным, а после стал только лучше. Те комнаты, которых не коснулись конструктивные изменения, остались в своем прежнем виде. Марго обладала феноменальной памятью, и после того, как ремонт был окончен, она просто заново расставила всё по своим местам. Каждую вазочку, каждую статуэтку и картину. Новые же комнаты обставляли по новой. Стиль их дома заключался в его отсутствии. Здесь все было, как будто живое, нерафинированное. Здесь марокканская плитка в ванной соседствовала с Петриковской росписью на камине, а огромная печь была выложенная изразцами – «кахлями», как их любовно называла Марго. Мебель в кабинете бабушки была антикварная, выполненная из карельской березы, а в зимнем саду – напротив, современная, привезенная из Флоренции. Все это довольно гармонично вписывалось в их дом, делая его по-настоящему уникальным. Это место Герман любил беззаветно. Больше, чем что-либо еще. Намного, намного больше.

– Сейчас я проверю почту, а после накормлю тебя завтраком. Подождешь?

– Марго, завтрак в твоём исполнении я готов ждать вечно...

– Вот и отлично! Даю час на то, чтобы справиться с делами. А после – жду тебя в столовой. Расскажешь о том, как прошла твоя поездка, и что вообще в мире делается.

Герман почтительно кивнул, но не смог удержаться от

ироничной улыбки. О происходящем в мире Марго знала едва ли не больше его самого. Он поражался ее цепкому, остроуму и осведомленности. Ничего не проходило мимо нее. Возможно, поэтому они все еще неплохо держались на плаву. Если бабуля решила поболтать – он с радостью составит ей компанию. Ни один человек в мире не был для него настолько интересным собеседником.

Глава 12

Дома было удивительно хорошо. Герман отдыхал там душой... А еще было тихо, что позволяло ему сосредоточиться на работе, и ни о чем не думать. Хотя, не думать о некоторых вещах он попросту не мог. Даша... Вот, кто занимал все его мысли. Так, что даже бабка заметила его задумчивость.

– Ты витаешь в облаках...

Герман пожал плечами:

– Появилась пища для размышлений.

– И как ее зовут?

Мужчина промокнул уголки рта льняной салфеткой и откинулся на стуле:

– Её? – приподнял бровь в лёгком наигранном недоумении Герман.

– Когда у мужчины такое выражение лица, как у тебя сейчас, это свидетельствует лишь об одном – война объявлена, орудия взведены и ждут отмашки на залп.

Герман закашлялся. Интересно, таким образом бабка намекала на его несколько возбужденное состояние? От нее можно было ожидать, чего угодно. Аллегория на тему взведенного орудия была довольно таки корректной, как для бабки. По крайней мере, на этот раз Марго не стала называть вещи своими именами. А ведь могла. И довольно часто практиковала. Она всегда была острой на язык, что с возрастом

только усугубилось. И за это он любил ее, казалось, еще сильнее. Она не терпела лицемерия. Она была его зеркалом, в отражении которого Герман видел себя без прикрас. Так легко было возомнить себя богом в той среде, где он постоянно вращался, но... Марго всегда его вовремя останавливала. Он смотрел на себя в отражении ее глаз, и трезвел. Благодаря бабушке, Герману удалось то, что не удавалось многим талантливым людям – ему удалось остаться человеком. Впрочем, он не любил это демонстрировать. И старался держать определенную дистанцию со всеми посторонними. А посторонних в его жизни было – хоть отбавляй.

– Ты – чудо, Марго.

– А ты – уваливаешь. Впрочем, можешь ничего не говорить. Я рада, что ты загорелся. Плевать, как ее зовут, если она заставила тебя вылезти из той скорлупы, в которую ты забрался после гибели Егора. Я тысячу лет не видела тебя таким.

– Я потерял не только сына, Марго. Я и жену потерял, – сухо заметил Герман.

– Но по ней ты не убивался так сильно.

Герман промолчал, разглядывая старинную, расписанную вручную, тарелку. Он не хотел обсуждать эту тему. О том, что вместе с сыном из его жизни ушло нечто бесценное – они знали оба. Так же, как и о том, что гибель жены не причинила и десятой части той боли. Отрицать это было глупо и бессмысленно. Он не любил жену так, как мужчина дол-

жен был любить свою женщину. Поженились они исключительно из-за беременности Эльвиры, которую, уж конечно, никто не планировал. Герман был молод, и недооценил коварство женщины, возжелавшей заполучить в свои сети красивого талантливой мальчика из хорошей семьи. А Эльвира хотела этого больше всего на свете. Результатом чего стал Егор. Хорошенький розовощекий малыш, похожий на папу. Герману было двадцать четыре. И никаких положительных эмоций идея предстоящего отцовства в нём не вызывала. Напротив, меньше всего на свете он хотел перестраивать свою жизнь под нужды сопливого младенца. Он был страшно зол, что попал в ловко расставленные сети Эльвиры. Но все изменилось, стоило ему увидеть малыша. Он проникся им сразу. И его огромная любовь к сыну только крепла день ото дня, так же, как и нелюбовь к его матери. Егор рос на его глазах. Герман таскал его за собой по всем съёмочным площадкам, не доверяя жене, которая, осознав, что даже появление сына не заставило Геру ее полюбить, вела себя по отношению к ребенку холодно и равнодушно. Егор рос... А вместе с ним рос и сам Герман. Он смотрел на сына, и видел в нём себя, своего отца, деда... Видел каждую проведенную вместе секунду, помнил до мельчайших деталей каждый с ним разговор, и каждый его вопрос. И хотелось самому стать лучше, сильнее, отважней, чтобы только сына никогда не разочаровать. Хотелось передать ему все свои знания, научить всему, что умел... Но, не судьба, оказалось. Он не сделал самого

главного – не уберег.

– Ты прекрасно знаешь, что я не любил Эльку. Но и смерти ей никогда не желал.

– А ты вообще когда-нибудь любил, Гера?

– Конечно, в восьмом классе я, помнится, через всю гору отсюда на лыжах зимой к Настьке Ивлевой бегал... Эх, жаль, теперь все заборами перегорожено. Так бы хотелось сейчас на лыжах, помнишь, ба, как тогда?

– Нынче все по-другому... И зим таких нет, и снега, и заборы не всякой крепостной стене уступают... Только ты опять уводишь тему, дорогой. Ты не даешь себе жить в полную силу, не позволяешь любить, опасаясь новой боли... Но это неправильно, Гера. Ты ведь – как зомби, ну, правда...

Вообще, Марго редко читала внуку нотации. Поэтому сейчас Герман был несколько удивлен. Он подпер щеку ладонью, наплевав на этикет, и поймал бабкин взгляд.

– Я люблю тебя.

– Этого мало! В тебе столько всего нерастраченного, Герман... Просто позволь себе! Даже твоя мать забила тревогу!

– Ты всегда говорила, что она недалекая.

– Так и есть! Но ведь и до нее уже дошло, что дело плохо!

Герман задумался, повертел солонку в руках, провел пальцами по узору на скатерти.

– Её зовут Даша. Ту, которая меня встряхнула. В прошлом она – неразборчивая в связях наркоманка...

Марго цыкнула зубом, отложила в сторону салфетку, и

приготовилась встать из-за стола. Герман тут же вскочил, чтоб отодвинуть ей стул.

– А сейчас?

– А сейчас я о ней ничего не знаю. Кроме того, что она не очень хотела сниматься в Потерянных, но мне зачем-то понадобилось её убедить.

– Постой... Эта та Даша? Тошная, с глазищами?

– Она.

– Ты еще тогда на неё запал. Ведь так?

– Она меня очаровала своим талантом. Идеальным попаданием в образ. Было в ней что-то сумасшедшее, от чего у любого мужика в округе ехала крыша. А потом погиб Егор, и я...

– Ушел в себя.

Герман пожал плечами, и тут же у него зазвонил телефон.

– Извини. Я отвечу. Да! Что там, Радмила, костюмеры опять не вписываются в смету?

– Привет, Гера... Нет, тут у нас на ровном месте ситуация. С актрисой...

Его ассистентка еще даже не договорила, а Герман уже понял, о ком пойдет речь. Интересно, давно ли у него появились экстрасенсорные способности?

– Даша Ив...

– И что с ней? Она не приехала на примерку?

– Да, при чем здесь это? Она решила отказаться от псевдонима! Уперлась, как баран, и твердит, что не станет под-

писывать контракт. Вообще-то я предполагала, что она потребует исключить нелепые пункты о тестах на наркотики, но этот бред не вызвал у неё никаких вопросов. Всё вообще проходило без сучка, без задоринки – одно удовольствие с таким человеком работать, пока речь не коснулась этой чертовой Даши Ив. Ну, и что мне делать, я тебя спрашиваю?

Герман вздохнул. Сама того не понимая, Рада дала ему неплохой повод позвонить... Услышать голос, который он уже заслушал до дыр, бесконечно перематывая на начало ролик с Дашиной пробой.

– Ничего не делай. Я ей сам позвоню, а после дам знать, что решили. Что-нибудь еще?

– С тобой хотел поговорить Ефрем. У него нет уверенности, что он сможет преобразовать локацию, в соответствии с твоими новыми пожеланиями. Он еще говорил что-то о несоответствии выбранного места драматической составляющей сцены, но ты в курсе, я в этом ни бельмеса не смыслю. Разберись.

Не многие могли отдавать ему приказания. Собственно, и Рада не могла, исходя из сложившейся на съемочной площадке иерархии, но той было позволено такое панибратство. Заслужила долгими годами преданной службы. Чем-то Рада напоминала Герману бабу, и, наверное, поэтому они нашли с ней общий язык. Да и сам Герман испытывал к ней достаточно теплые чувства. Если у него и были друзья, то Рада была одной из немногих.

– Понял, позвоню...

– Я внесу эту встречу в твоё расписание. У тебя как раз есть немного времени завтра, после встречи с осветителями... – задумчиво протянула Рада.

– Мне подходит. Тогда до завтра?

– Давай. Обязательно поговори с девчонкой!

– Уже набираю её номер...

Герман действительно нашёл в телефонной книжке номер Дашки, потрепал бабку по волосам, и вышел из комнаты. Пока слушал гудки, преодолел коридор, и спустился в зимний сад.

– Да? – раздался тихий спокойный голос. Ничего такого в нём не было, но в то же время было столько всего... У него волосы дыбом встали по всему телу от одного её «да». И не только волосы, если быть откровенным...

– Привет, Даша.

– Здравствуйте, Герман.

– Расскажешь, что не так с Дашей Ив? – спросил, прислонившись спиной к прохладному дереву.

– Идея с псевдонимом мне казалась правильной лишь в семнадцать. Сейчас у меня другое видение. Только и всего.

Герман замолчал на мгновение, обдумывая ситуацию.

– Даша Ив – какой-никакой бренд...

– Да, уж... – горько рассмеялась девушка, но даже этот невеселый смех пробежал током по позвоночнику.

– С другой стороны, тебя однозначно узнают. Ты практи-

чески не изменилась.

– Эээ... Спасибо?

– Пожалуйста. Так какое имя будет значиться в титрах моего фильма?

– Дарья Иванова. Знаю, не гламурно совсем, но, уж, как есть...

– Ладно.

– Ладно?

Даша была явно удивлена. Она не ожидала, что он так просто согласится, и не успела сыграть, убрав из голоса эмоции. Только этим Герман мог объяснить чувства, в которые вдруг окрасилась ее речь. В актерских способностях девушки Герман нисколько не сомневался.

– Конечно. Не вижу в этом особой проблемы. Как прошла твоя встреча с художниками-постановщиками? Груимерами, костюмерами?

Вообще-то он знал, как. Только прощаться с Дашей почему-то не хотелось. А ведь он был так уверен, что запросто сможет отбросить мысли о ней. Нисколько не сомневался, что, как обычно, сумеет отстраниться и взять ситуацию под контроль. Но все оказалось намного сложнее. В памяти отчетливо ярко всплыли картинки той самой первой встречи в аэропорту, Дашины первые робкие пробы... И все, что они в нем пробудили тогда. И все, что даже годы спустя не забылось, не стерлось из памяти, как будто только и ждало, когда сможет вырваться наружу. Безумие. Не иначе...

– Нормально прошла. Как мне кажется, мы остались довольны друг другом.

Да, остались. Он навел справки, у кого следует. Ничего не мог с собою поделаться, но тогда он еще оправдывал себя исключительно профессиональным интересом.

– Я рад, что процесс доставил тебе удовольствие. Ты репетируешь, или...

– Да! Это потрясающе – снова вживаться в роль, разбирать персонаж по косточкам... Я все время думаю, какой могла стать героиня, о чем она думает, чем живет... Ой, извини, по-моему, меня занесло... – С Дашиных уст сорвался смешок, и он прикрыл глаза, в попытке представить, как бы она при этом выглядела, будь он там, рядом с ней.

– Как ты совмещаешь все это с работой?

– Эээ... Неплохо. Я репетирую между встречами и организацией корпоратива, проведение которого мы уже согласовали с твоей помощницей.

Об этом Германа также поставили в известность. Хотя, идея праздника на Дашиной базе уже не казалась ему такой хорошей. Лучше бы подошла нейтральная территория, но уже было поздно что-то менять.

– Надеюсь, что все пройдет гладко.

– Не сомневайся, мы профессионалы в своем деле, и каких только мероприятий не проводили за время работы! Можешь ознакомиться с отзывами на нашем сайте. – Голос Даши вновь стал сухим и безэмоциональным. Она превратно

поняла его последнюю фразу. Герман не хотел поставить под сомнение Дашин профессионализм. Меньше всего он хотел задеть её.

– Нисколько не сомневаюсь.

– Вот и хорошо. Ну, тогда до скорого?

Тем для обсуждения вроде бы не осталось, поэтому Герман нехотя попрощался с Дашей и, опустив руку, сжимающую телефон, задумчиво уставился вдаль.

Глава 13

Даша вертелась, как белка в колесе. Разрывалась между столицей и базой Ставших в горах. Моталась туда-сюда уставшая, но абсолютно счастливая. В первый раз, несмотря на протесты родных, поехала машиной, однако дорога настолько её вымотала, что на будущее Дашка была вынуждена отказаться от этой идеи. Самолётом получалось гораздо быстрее. Единственным недостатком такого передвижения было то, что в городе она оставалась без колес. Нет, Люба, конечно, предлагала ей воспользоваться услугами шофера родителей, но Даша тактично отказалась. Во-первых, ей не хотелось никого утруждать. А, во-вторых, в этих поездках в метро было что-то захватывающее... Тысячи людей торопились по своим делам, уткнувшись носом в телефоны и не глядя друг другу в глаза. На секунду они соприкасались телами, подхваченные разношерстной толпой, и снова расходились в разные стороны. Их судьбы стремительными вихрями пролетали мимо друг друга, и в этой реальности Дашка чувствовала себя удивительно гармонично. Она больше не была одинокой в своем одиночестве. Их было много таких...

– Дарья, мы здесь!

Сегодняшняя Дашина встреча с художником по костюмам происходила за пределами киностудии – им предстоял совместный поход по магазинам. Такое случалось довольно ча-

сто – отнюдь не все костюмы шились под конкретный фильм. И у них была как раз такая ситуация.

– Здравствуйте, Дина Самуиловна. Стас...

– Привет... Ну, что, готовы? Или выпьем для начала по чашечке кофе?

Даша пожала плечами. Поход по магазинам вызывал в ней примерно столько же восторга, сколько вызвал бы и поход к стоматологу, но, с другой стороны, оттягивать его тоже не очень хотелось.

– Мне хотелось бы побыстрее с этим покончить.

– Ну, тогда, пойдём... Мы и так работаем в авральном режиме. Ты же в курсе, что график сорван к чертям собачьим! – сокрушалась Дина.

Она не стала уточнять, кто был тому виной. Да этого и не требовалось. Все и без того были в курсе.

– Надеюсь, нагоним.

– Угу... Хвала Господу, фильм у нас не исторический. Иначе бы точно – гаплык. Помнишь, Стасик, как мы на «Тарасе Бульбе» вкалывали?

– Такое забудешь! Мне это время до сих пор в кошмарах снится... – передернул плечами помощник костюмера.

– Ты что... ты что... Вот, где пришлось пахать на износ. Тканей-то нужных расцветок и принтов в продаже не найти. А красильный цех есть только при двух театрах. А у нас батальные сцены... И каждого одень! Герман лично с руководством театра договаривался по поводу покраски... И потом

тот цех день и ночь работал, помнишь, Стас?

– А обувщики? По-моему, они вообще не спали, – добавил тот.

– Еще бы им спать... Век буду помнить ту круговерть, – покачала головой Дина. – У нас-то все попроще будет. Если бы график выдержали – вообще бы заскучали. А так – бодрячком!

– Примета плохая – сорванный график, – не поддержал энтузиазма начальницы Стас.

– Тьфу-тьфу, дурачок! Это надо же, вслух о таком... – шикнула на парня Дина.

Даша покосилась на своих спутников и улыбнулась. Самым неожиданным образом все происходящее ей даже стало нравиться. Она обожала киношные байки, а художник по костюмам знала их великое множество. День, от которого женщина абсолютно ничего не ожидала, вдруг принес ей улыбки и смех.

– Дина, а как насчет этих штанов?

– Ничего... У тебя хороший вкус.

– Главное, с размером не перепутать, – встрял в разговор Стас, который до этого перебирал джинсы, аккуратно развешанные на стойке. – Было у нас как-то в «Толстой тетради» два разных актерских состава, а костюмы-то одинаковые... Вот и прыгнул народный один не в свой... Вышел на сцену – штаны сползают. Так и продолжал играть – придерживая те на поясе, в то время как Дину за кулисами отпаивали

валерьянкой.

– Это был коньяк...

– Да, по фигу...

Дашка рассмеялась и, нагруженная кучей одежды, прошла в примерочную. Все складывалось не так уж и плохо, и пока отрицательных эмоций не вызывало. Не только этот конкретный день, а вообще – работа над фильмом. Работа, которая для актеров еще толком не началась, но для многих и многих других – уже давно шла полным ходом. И Даша была просто счастлива, когда соприкасалась с этой стороной кинопроизводства.

– Так, ну, что? Мы, в принципе, быстро управились. Еще есть время заглянуть на студию... Посмотрим на все в ансамбле?

– Дин, седьмой час... Жара такая, что сдохнуть можно, – запротестовал Стас.

– Нытик, – скривилась Дина. – Даш, а ты что скажешь? Можно, конечно, завтра с утра...

Дашка закусила губу. На завтра у неё совершенно точно были другие планы. Она собиралась принять участие в репетиции, и вечером улететь домой. Несмотря на гудящие ноги, похоже, ей не оставалось ничего, кроме, как согласиться.

– Можно и на студию...

– Наша девочка! Учись, Стасик.

– Ну вот, а я так мечтал о прохладном душе и бокале белого вина со льдом...

– Вино могу тебе организовать. Когда закончим работу.

– Угу... А закончим мы её в следующем году...

– Говорю же – нытик! – рассмеялась Дина, ласково поглаживая Стаса по макушке.

На студии, несмотря на позднее время, отиралось много народу. Похоже, не было цеха, в котором бы работа замирала хоть на минуту. Даша никогда бы не подумала, что отечественное кино находится на таком подъеме, что и озвучила вслух.

– Да, брось... Стоящих проектов – раз-два, и обчелся. А это сериалы клепают. Пудрят людям мозги... – отмахнулась Дина, распахивая двери склада. – Располагайтесь. Стас, доставай эскизы!

Спустя полчаса Дашка уже была готова загавкать. Бесконечное надень-сними кого хочешь бы достало, что уж говорить про неё?

– А как-то раз, – глядя на приунывшую актрису, вспомнил Стас, – заваливаемся мы с Любимовым в обувной... Знаешь Любимова? В боевиках здоровенный такой снимается. У него еще шрам на щеке... Ага, так вот, консультант его тоже узнал, зацвел-запах, и давай трещать о том, что они могут его сиятельству предложить... кожу питона, страуса, крокодила, а Любимов, недолго думая, тому и говорит, что ему бы туфли женские, но, чтобы на его сорок третий налезли, ты прикинь? Консультант краснел-бледнел, не зная, что и подумать. Парню ведь никто не сказал, что в театре у всенарод-

ного любимца и мачо-мэна женская роль...

Даша рассмеялась. Отдала мужчине очередную рубашку и осмотрелась в поисках своей одежды.

– И сидели мы дружной толпой... Любимов в туфли женские пытается лапы свои втиснуть, ассистент возле него с ложкой корячится, а ребята из наших тухнут со смеху по углам... Ой, здрасте, Герман Маркович, а мы тут, вот...

Даша вскинула голову. У самой двери, подперев стену спиной, стоял Герман. Молодая женщина сглотнула, и в панике осмотрелась. Вообще-то, еще две минуты назад здесь полным ходом шла примерка. Поэтому сейчас она была практически полностью обнажена. Из одежды на Дашке были разве что лифчик, да в комплекте к нему трусы. Достаточно скромные по современным меркам, но много ли они прикрывали? Кровь прилила к щекам и горячей лавой разлилась по телу, устремляясь вслед за внимательным взглядом мужчины. Не разрывая зрительного контакта, Даша пошарила рукой и, нащупав свою футболку, как в замедленной съемке, прижала ту к груди.

– Отвернитесь... – прошептала одними губами.

Герман отворачиваться не стал. Но перевел взгляд на художника по костюмам и его помощника, предоставив своей актрисе некое подобие уединения. Та судорожным движением натянула на себя футболку и схватилась за шорты. Да, возможно, она вела себя глупо. Ничего из ряда вон не произошло. В костюмерной всегда было многолюдно, и она

не припоминала, чтобы другие актеры особо переживали по этому поводу. Тем более, они бы так себя не вели при встрече с режиссером. Тот же не был каким-то сталкером или извращенцем... Злясь на себя, Дашка отбросила за спину волосы и, вдохнув поглубже, обернулась. Едва не рассмеялась вслух. В то время, как она себя все сильнее накручивала, Герман о ней и думать забыл. Мужчина сосредоточенно слушал Дину, и одновременно с этим просматривая какие-то бумаги у нее на столе. Завидев Дашу, как ни в чем не бывало, кивнул ей, закинул в рот печенье, которое взял из вазочки, стоящей на столе, и тщательно его прожевал.

– Целый день бегаю, жрать хочу – сил нет, – пожаловался он, не сводя с Дашки своего прозрачного взгляда. И таким он ей в этот момент показался понятным... Обычный человек, который устал на работе.

– Даш... Даша! Что ты молчишь, как тебе этот вариант?

– А? Кгм... – Дашка протянула руки к огромной папке с эскизами, перехватила ту и, взглянув на предложенный рисунок, тряхнула головой. – Ну... Этот вариант неплох, но мне больше нравится... – Даша принялась листать страницы, в попытке найти нужное. Папка накренилась, и незакрепленные страницы полетели на пол. Она попыталась подхватить их, но не справилась с задачей – папка выпала из рук и звонко шмякнулась об пол.

– Садись! – заорала Дина.

– Ч-что?

– Падай на папку! Ну же, немедленно!

– К-как падать, к-куда? – хлопала ресницами Дашка, ничего не понимая.

– Ж*пой своей тощей – на папку! Ну же! Упавшая папка – плохая примета!

Киношники – люди суеверные. Дашка успела это усвоить. Упавшая папка – это действительно плохо. Очень-очень плохо. Плохо настолько, что, ни секунды больше не раздумывая, Даша плюхнулась на пол. Прямо, как ей сказали – тощей ж*пой на папку с эскизами.

– Твою мать... – прошептала, когда боль от удара немного схлынула. Медленно подняла зажмуренные веки, и тут же наткнулась на полный тревоги взгляд режиссера.

– Ты как?

– По-моему, у меня все кости сместились...

– Еще бы! Ты со всех ног шмякнулась!

– Так сказали же – падать... Примета плохая... – оправдывалась Дашка.

Глаза Германа потрясенно распахнулись, обнажая все то внутри, что обычно было скрыто от посторонних. Он выглядел настолько изумленным, что Даша, несмотря на острую боль, прыснула, а потом, не выдержав, громко захохотала. Она смеялась, и смеялась, и с себя, и с него, и с самой ситуации. Честно пыталась взять себя в руки и перестать ржать, но стоило ей хоть немного успокоиться, снова представляла, как произошедшее выглядело со стороны, и заходила в

новом приступе смеха. Заразившись от Дашки, рассмеялся сначала Стас, а потом и Дина. Всеобщее веселье не прошло и мимо Германа. Взгляд голубых глаз мужчины потеплел, а губы растянулись в улыбке. Он протянул ладонь, и сжал её руку на запястье, участливо поинтересовавшись:

– Ты точно в порядке?

Дашин смех оборвался. Его прикосновение током прошло по венам и ударило в голову. Она никогда по-настоящему не хотела мужчину. Никогда не испытывала этой животной тяги. Не понимала, не знала её... Несмотря на все то, через что ей пришлось пройти, Даша никогда не испытывала истинной страсти. Оказалось, что страсть порабощает. Сдирает покровы, оголяет душу... Делает беззащитной настолько, что становится страшно, и хочется в панике убежать. Но еще сильнее хочется ей покориться. Отдать всю себя... Обнаженную, безоружную... Сумасшествие.

– Ты можешь встать?

Слова Германа доносились, будто сквозь вату. Голова кружилась, и в глазах плыло. Даша не видела никого и ничего больше. Только он. Красивое, породистое лицо. Тяжелый подбородок. Когда-то сломанный, и оттого несимметричный нос, который добавлял брутальности его классической красоте. Но главное – глаза. Потрясающие, совершенно колдовские глаза...

– Даша, ты точно в порядке?

– Да-да, извини... Я немного задумалась.

Воспользовавшись помощью Германа, Даша плавно поднялась и, не глядя на мужчину, принялась собирать рассыпавшиеся эскизы. Её пальцы подрагивали, и, наверное, Герман это тоже увидел.

– Думаю, на сегодня мы закончили... – прокомментировала Дина, когда им, наконец, удалось навести порядок. – Ну, и напугала ты нас, Дашка...

– Вы меня тоже, – наигранно рассмеялась та. – Падай на папку, падай на папку! Ну, надо же...

– Тебя подвезти?

– Не-а. Я прогуляюсь, а после возьму такси.

– Ну, смотри, как знаешь. Пойдем, Стасик, тебя хоть до-мой подкину.

– Моя ж ты спасительница.

– Вот-вот, помни мою доброту...

На стоянке перед киностудией было по-прежнему многолюдно, Дина и Стас уехали, а Даша медленно пошла вперед. Она не могла найти объяснение тому, что с нею происходило. И это до чертиков её пугало.

– Хороший вечер...

Дашка испуганно обернулась. Оказалось, что Герман все это время следовал за ней.

– Ты тоже решил прогуляться?

Мужчина пожал плечами:

– Почему бы и нет? Мне нечасто выпадает такая возможность...

– Добро пожаловать во взрослую жизнь, – криво улыбнулась Даша, возобновляя движение.

– Это реплика твоей героини...

– Да, она мне нравится. Поначалу показалось, что мы с ней похожи, но – нет. Она другой человек. Мне действительно придется играть.

– А ты сомневалась? Доложу тебе, что работа актрисы в этом и заключается.

– Да, но... Если персонаж, похож на тебя, как две капли воды – играть не обязательно. Достаточно быть собой.

– И чем же моя героиня на тебя похожа?

– Казалось, что всем. Я, наверное, тогда только поэтому и согласилась сниматься...

– Она была неприкаянной сиротой.

– Угу... Как и я. Говорю же... Постой-постой... Ты разве не знал, что я – детдомовка?

Глава 14

– Нет. Не знал.

Герман остановился. И Даша тоже ненадолго замерла:

– Что? Почему ты так смотришь?

– Я должен был догадаться, – покачал головой мужчина, возобновляя движение.

– Почему? Разве у меня на лбу горит неоновая вывеска? – ощетинилась Даша.

– Нет... Все гораздо проще – в период подготовки к съемкам я общался со многими детдомовцами... Отирался в их компании, наблюдал за ними, прислушивался к их разговорам. И знаешь, что понял? В таких людях есть некая индивидуальность. То, что их выделяет из серой массы других людей...

– И что же это? – женщина ещё сильнее нахмурилась.

– Аура недоверия.

Даше совсем не нравилось то, что ей говорил Герман. Она не хотела углубляться в анализ и раздумывать над тем, что он имел в виду.

– Чушь.

Герман искоса взглянул на неё и покачал головой:

– Мне так не кажется.

– Аура недоверия? Ты серьёзно?

– Детдомовцы – одиночки, факт. Всегда держатся особня-

ком. Ни на кого на рассчитывают, и никого, по большому счёту, не любят.

Можно было бы поспорить, и Даша даже открыла рот. Но в тот самый момент, когда слова уже должны были сорваться с губ, поняла, что так и не нашла аргументов. Обладала ли она аурой недоверия? Черт, да какая там аура... Аура – это что-то эфемерное, бестелесное. А её недоверие можно было потрогать руками. Даша жила под ним, как под куполом, не боясь боли и потрясений. И её вполне устраивало, что эта жизнь была абсолютно стерильной. Недоверие и было тем самым стерилизатором. Дашка это понимала. Другое дело, что Герману вовсе необязательно было быть таким пронизательным...

– А если все так, как ты говоришь, то почему же ты не вычислил меня сразу?

Герман поддел носком шикарной туфли камешек и сухо прокомментировал:

– Наверное, потому, что в то время мои мысли были заняты совсем другим.

– Да, извини... Я знаю о трагедии, случившейся с твоей семьей.

– Я потерял сына.

Теперь первой остановилась Даша. Было ужасно непривычно идти вот так... и просто разговаривать. Как будто и не было всей той неприязни между ними.

– Не представляю, как ты это пережил. Просто не пред-

ставляю.

Герман не знал, что ответить. Он вообще не понимал, почему разоткровенничался. Не иначе, что-то повредило ему мозг. Или... дело было в том, что с течением времени Даша открывалась ему совершенно с новых сторон. Она была не только талантливой актрисой, но еще и удивительно непри-
вередливым, организованным человеком. Все члены команды, которые сталкивались с Дашей в процессе подготовки к съемкам, отзывались о ней, как о большой трудяге. За все время до него не дошло ни единой жалобы. Хотя, если признать, он довольно скрупулёзно отслеживал этот вопрос. Ну и, конечно, космической силы притяжение. Он не помнил, что так бывает. И не стал бы утверждать, а случилось ли с ним такое вообще... Когда любой жест, взгляд, движение ресниц пробуждали что-то низменное, возвращая к жизни. Герман столько лет жил работой, и только Даша совершенно непостижимым образом заставила его от нее оторваться. Заинтересоваться чем-то еще... Заинтересоваться ею. А ведь не делала для этого ничего. И не планировала даже...

– Как пережил? Не знаю... Тяжело пережил. Как сейчас помню день, когда сын родился. Как я впервые взял его на руки, удивляясь, почему все вокруг говорят, что он красивый. На самом деле Егор был красным, сморщенным и страшным... Господи, прости...

Дашка рассмеялась. Ей это было так знакомо! Ян тоже ей поначалу показался не слишком красивым. Но она постес-

нялась высказать свое мнение.

– Знакомая ситуация...

Зря она так редко улыбалась. Это было красиво. Даша вообще была невероятно, завораживающе прекрасна. Он то-нул, потеряв ориентиры.

– Ты родила...

– В пятнадцать. Не считай...

– Не каждый бы на такое решился.

– А я бы и не решилась, если бы не Люба и Ставр. Я им по гроб жизни обязана.

Если бы кто-то месяц назад сказал Даше, что она будет делиться с Германом самым сокровенным, она бы рассмеялась ему прямо в лицо. Но сегодня... что-то навсегда изменилось.

– Ты куда сейчас?

– В гостиницу...

– Давай, подкину?

Даша пожала плечами. Если есть такое желание – почему нет? Они свернули к стоянке, прошли к черному двухдверному BMW. Как и следовало ожидать, Герман открыл для нее дверь, и помог устроиться на пассажирском сидении. Даша в восхищении осмотрелась:

– Красивая машина.

– Спасибо.

Богатая отделка кожей двух цветов, детали из ценных пород дерева и безупречный эргономичный интерьер создавали в салоне атмосферу изысканного благородства. А мер-

ное урчание мотора просто кричало о феноменальной мощности двигателя... Автомобиль плавно тронулся и рванул вперед, отчего в животе женщины взволновались бабочки. Дашка тихонько выдохнула, сжала ноги, в попытке с ними совладать, и искоса взглянула на Германа. Он внимательно следил за дорогой, нацепив на нос шикарные очки. Вроде, Gucci... Но она не стала бы спорить. Люба разбиралась во всех этих дизайнерских штучках. Даша – нет. Последовав примеру мужчины, она извлекла из своего рюкзака гораздо более демократичные Ray Ban. Спрятав глаза за непроницаемыми стёклами очков, почувствовала себя намного увереннее. Так можно было наблюдать за водителем, не выказывая своей истинной заинтересованности. Красивая широкая ладонь переместилась с руля на колено, тихонько заиграла музыка. Что-то из классики. Возможно, Вагнер.

– Какие планы на вечер?

– Да, никаких. Съем свой дерьмовый ужин и завалюсь спать.

– Дерьмовый?

– Угу... – Даша прикусила губу изнутри. Пожалуй, теперь ей следовало лучше следить за своим языком. Герман был большим интеллигентом, и девушке не стоило осквернять его слух. – Понятия не имею, как в достаточно хорошей гостинице может быть настолько паршивый ресторан.

Герман не стал комментировать ее слова. Аккуратно перестроился в крайний ряд, и на первом же перекрестке свер-

нул. До гостиницы Даши оставался всего квартал.

– Эй, куда это мы?

– В одно хорошее место, где нас покормят.

Даша подняла очки на макушку:

– Я не напрашивалась, Герман.

– Я знаю. – Мужчина повернул к ней лицо. – Моя актриса не должна есть дерьмовый ужин.

– Это не настолько принципиально... – растерялась Дашка.

– А для меня – принципиально. И, на будущее, если тебя что-то не устраивает, сразу об этом говори ответственным.

– Господи, это всего лишь ужин...

– Дерьмовый ужин, заметь.

Ситуация была настолько абсурдной, что Даша нервно рассмеялась. Она не знала, что думать. Ей и без того оплачивали все расходы – гостиницу, еду, дорогу... Ей бы и в голову не пришло предъявлять какие бы то ни было претензии. Тем более, режиссеру. Но жалоба прозвучала. И вполне возможно, теперь кому-то влетит за то, что её не устроил ужин. Ведь за комфорт съёмочной группы кто-то, да отвечал. И теперь, у этого человека определенно будут неприятности...

– Герман, меня все устраивало. Правда. Никаких нареканий, все хорошо...

– Я понял... Приехали.

Ей показалось, или он действительно улыбнулся? Дашка была готова поклясться, что увидела его улыбку. Немного

насмешливое движение губ, которое сделало что-то странное с её пульсом. Она все еще пыталась разобраться, что же, черт возьми, произошло, когда дверца машины распахнулась:

– Пойдем...

Ее дрожащие пальцы доверчиво скользнули в его ладонь. После прохладного салона автомобиля раскаленный воздух улицы удушающим жаром проник в легкие. В горле пересохло, и Даша сглотнула.

– Что это за место? – немного скрипучим голосом поинтересовалась она.

– Ресторан моей бабки. Ты, должно быть, слышала о нем.

Даша бросила на мужчину испуганный взгляд. Почему-то сам факт того, что Герман привез её именно сюда, взволновал. К входу в заведение девушка шла на подгибающихся ногах, не в силах разобраться, а что же, собственно, её так сильно взбудоражило. Возможно ли, что всему виной – идущий рядом мужчина? Наверное, да... А ведь много лет назад Даша дала себе зарок, что больше никогда не позволит такому случиться. Мужчины, подобные Герману – слишком большое испытание для любой женщины. Ей такое счастье было абсолютно без надобности.

– Вечер добрый, Герман Маркович... Ох, и обрадуется Маргарита Александровна вашему визиту...

– А что, Марго еще здесь? – удивленно вскинул брови Герман, пожимая руку швейцару.

– В кабинете. Она сегодня не в духе, – прошептал Василич в усы.

– Разберемся...

Любезно пропустив спутницу вперед, Герман вошел в открытую дверь. Дашка осмотрелась. Ей пришлось по душе уютный интерьер ресторана. Выполненный в прованском стиле, он скорее напоминал загородный дом с просторной верандой, в окнах которой виднелась гостиная – главный зал ресторана. На стенах – открытый кирпич приятного белесого цвета. На полах – дубовый, с сединой, паркет. В тон ему – дверцы гардеробной и перила шикарной кованной лестницы.

– Гера! – Послышалось за спиной.

Даша медленно обернулась и встретилась взглядом с пожилой статной женщиной.

– Марго...

– Ты почему мне не сказал, что приедешь? Я бы приготовила что-нибудь вкусненькое...

– Нас прекрасно накормит твой шеф. А тебе бы следовало отдохнуть.

– Вот еще... – фыркнула Марго. – Он опять разговаривает со мной, как с выжившей из ума старухой, – пожаловалась Даше, будто бы они тысячу лет были знакомы. – Можете называть меня Марго...

– А я Дарья Иванова... Даша.

– Марго, девятый час... – вмешался в разговор Герман. – Ты обещала мне не задерживаться на работе так долго...

– Ай, Гера... Без меня здесь все идет кувырком, вот сегодня говядина... Из Новой Зеландии, Даша, представляешь... Мы ее так долго ждали, а она....

Герман шел за бабкой, которая, подхватив его спутницу за руку, вела ту в сторону своего кабинета, и не мог поверить тому, что видит перед собой. Абсолютно игнорируя внука, Марго сосредоточилась на Даше и довольно живо обсуждала с ней проблемы ресторанного бизнеса. Что-то спрашивала, рассказывала о чем-то своем, показывая той что-то в компьютере. Смеялась и спорила. Герман тысячу лет не видел бабку такой оживленной! А Даша? Немного освоившись в компании незнакомого человека, она вновь стала другой! Её изменчивость манила Германа со страшной силой. Заставляла хотеть большего – вызывала желание постичь до конца... Он тряхнул головой, но так и не смог избавиться от навяздения. Однажды он понял, что талант артиста – это не его умение петь или играть. Это, в первую очередь – сумасшедшая энергетика, которая затягивала окружающих, подобно тайфуну. Вот почему его притяжение к Даше в этом плане было вполне понятно... К чему он не был готов – так это к тому, что она затянет его совсем другим. Своими женскими тайнами, своей личностью, всей своей сутью...

Некоторое время спустя прямо в кабинете накрыли ужин, но женщин, похоже, он мало интересовал – настолько они увлеклись беседой. Хотя, нет... Даша получала истинное удовольствие от еды. И это выглядело чертовски сексуально!

Герман взгляда не мог отвести! А Даша, не замечая его пристального внимания, аккуратно отрезала очередной кусочек телячьего медальона, окунула его в их знаменитый вишневый соус и аккуратно сняла губами с вилки. Капелька соуса сорвалась вниз. В нарушение всех правил этикета, Даша подхватила ту пальцами, облизала их и, как ни в чем не бывало, вернулась к беседе о новозеландской говядине. А у него земля ушла из-под ног.

– Гера... Ге-е-ер!

– А, что, прости? – вернулся в реальность мужчина.

– Уже поздно, а у Даши завтра тяжелый день... Отвези девочку домой.

– Я могу и на такси, Марго...

– Вот еще. Я отвезу.

В гостиницу ехали в полнейшем молчании. Но оно было уютным, и нисколько не портило впечатление о проведенном совместно вечере. Пожалуй, еще никогда в жизни Герман не был настолько растерян.

– Ты улетаешь завтра?

– Да, вечером... После репетиций.

Это хорошо... Это просто отлично. Ему нужна пауза, чтобы все обдумать, как следует. Сейчас слишком много эмоций в душе. Слишком много чувств. Плохие советчики – с какой стороны ни посмотри.

– Тогда, наверное, до встречи на вашей территории?

– Ага... К вечеринке все уже готово.

- Хорошо...
- До встречи.
- Спокойной ночи.

Даша прошла через полупустой холл гостиницы, поднялась в лифте на свой этаж и открыла дверь. С удовольствием скинула свои кеды, и наступила на какую-то бумажку. Поднесла ту к глазам, и едва не задохнулась.

«Я все о тебе знаю, грязная шлюха. Убирайся – не то пожалеешь!»

Глава 15

Трясушимися руками Даша сложила записку пополам и запихнула ту в сумочку. Хотя больше всего ей, конечно, хотелось выбросить эту мерзость в мусорное ведро, предварительно разорвав на мелкие кусочки. Или сжечь... Но тогда бы она уничтожила единственную улику. А этого женщина допустить не могла. Медленно выдохнув, Даша проверила замки на двери и окнах. Воспоминания о прошлом нахлынули с новой силой, и все страхи, которые она прятала глубоко-глубоко в себе, ожили, устремляясь по нервам. И стало страшно... Дико, парализующе. Убедившись, что все, как следует, закрыто – резким движением задернула шторы и съехала на пол по стене. Почему-то эти последние суетливые движения отняли остатки сил. Прошедший день, такой интересный и насыщенный, сейчас казался далеким и ненастоящим. Будто бы в её жизни вообще не было места положительным эмоциям... Будто бы она совершила преступление – позволив их себе. Даше совершенно не стоило забывать, что её действительность – грязь. Из которой, похоже, не стоило и высовываться. Но ведь высунулась – мелькнула мысль. И что теперь? Черт, ведь у нее даже не было оружия, чтобы за себя постоять! Женщина вскочила на подгибающихся тонких ногах и кинулась к столику, на котором стояли стаканы и бутилированная вода. Открыла мини бар, по-

шарила в ящике. Ничего, что можно было бы использовать, как оружие... Ни канцелярского ножа, ни обеденного!

Поднялась. Уперлась обеими руками в стол, опустила низко голову, делая короткие рваные вдохи. Ей просто нужно успокоиться. Почему она вообще решила, что ее жизни хоть что-то угрожает? Из-за записки, которую кто угодно мог подбросить под дверь? Разве мало у нее завистников? Обычное дело в шоу-бизнесе. Так почему её так сильно накрыло? Только потому, что тринадцать лет назад, точно так же, ей угрожал Керимов?

Даша выпрямилась, прошла через комнату и, не раздеваясь, упала на кровать. Ей казалось, что она вернулась туда, куда ни за что на свете не хотела возвращаться. Во времена паранойи, вызванной приемом кокаина. Она так явно ощутила заново все те давно обузданные страхи... Глупая. Когда в первый раз Керимов предложил ей нюхнуть, Даша согласилась. Была уверена, что запросто сможет остановиться в нужный момент. Получить нужный эффект, расслабиться, отыграть, как следует, и... отказаться от допинга. Тогда она не понимала, что это самообман. Остановиться Дашка не смогла. Кокаиновое опьянение сопровождалось ощущением легкости и счастья. Она была на десятом небе. Ей так не хватало удовольствий в её прошлой жизни! А под кайфом казалось, что она испытывала весь их спектр... Но этот эффект сохранялся недолго. Максимум – полчаса в самом начале, и всего лишь четверть часа – в конце. На смену эйфории при-

шла депрессия. Вместо повышенной выносливости и работоспособности – упадок сил. У нее абсолютно пропали аппетит и сон, зато появились тахикардия, конвульсии и, самое страшное – паранойя. У Дашки возникли навязчивые идеи. Ей стало казаться, что все вокруг желают ей зла. Каждого человека она теперь рассматривала сквозь кривые стекла очков своей наркозависимости. У нее начался настоящий психоз. Стыдно признаться, но даже Люба и Ставр воспринимались врагами. Единственным человеком, которому она доверяла в тот момент – был Керимов. Плотно подсев на один из самых дорогих наркотиков, она впала в зависимость от его поставщика. Это была не столько финансовая зависимость, сколько психологическая. И он использовал свою власть, как мог.

Кокаин, помимо всего прочего, еще и сильнодействующий возбуждатель. В первый раз она переспала с Керимовым под кайфом. Дашке казалось, что она этого даже хотела. А потом... А потом её трахали все, кому не лень. Все дружки Керимова падкие на молоденьких девочек. За дозу. Она продавала себя за дозу.

Как-то Даша отказалась обслужить парочку престарелых ловеласов с явно нездоровыми пристрастиями в сексе. Видела однажды, как те обращались с женщинами. И то ли страх в ней выиграл, то ли остатки гордости, но – отказалась. Её решительности хватило ровно на полдня. Пока не началась ломка. И потом еще ровно сутки её держали на сухом пайке в качестве профилактики на будущее. Могли бы и долъ-

ше продержаться. Да только на следующий день ей нужно было появиться на озвучке. Охота сопротивляться ей пропала совсем. Даже, когда на нее надели поводок, и использовали в качестве домашней зверушки.

В действительность Дашку вернул звонок телефона. Она прикрыла неживые, будто бы стеклянные, глаза и мазнула пальцем по сенсору. Что угодно, только бы не вспоминать.

– Дашуля, привет. Извини, что поздно... Вот только освободилась. Без тебя тут такая круговерть...

Дашка внимательно слушала теплый ласковый голос приемной матери, и даже что-то ей отвечала. Вполне возможно, что невпопад. Но, если бы кто-то её спросил, о чем они разговаривали, Даша вряд ли бы сумела ответить. Она так и лежала на краю постели, не сводя воспаленных стеклянных глаз с шевелящихся на потолке теней. Они тянули к ней свои неласковые руки, разгоняли лунный свет по углам, усугубляя все её страхи. Эта ночь была бесконечно долгой.

Едва забрезжил рассвет, женщина спустила ноги с кровати. Из наконец-то разжатой ладони на пол упала чайная ложка. Её единственное оружие... Смешно... Даша встала и покачнулась – в комнате было невыносимо, удушающе жарко. Пот прозрачными капельками собирался на коже и стекал по спине и между грудями. Даша забыла включить кондиционер...

Жутко хотелось пить. На негнущихся ногах женщина прошла в ванную и встала под душ. Подставила лицо под про-

хладные струи, открыла рот, ловя их губами, смывала с себя соленый пот и вязкий кошмар этой ночи. Вышла из душа, оставилась на себя в зеркало. Лихорадочно горящие щеки, пустые глаза, мокрые, сосульками свисающие волосы, иску- санные до крови губы... Первые морщинки вокруг широко посаженных глаз и беспокойная складка между широкими ухоженными бровями. Помнится, Елена из-за них величала Дашку Брежневой. И надо же было такому случиться, что именно сегодня ей предстояла репетиция с этой особой? Как насмешка судьбы.

На секунду мелькнула мысль – отказаться. Сослаться больной, или придумать какую-то другую уважительную причину. Но гордость не дала смалодушничать. Даша быстро собралась, не утруждая себя макияжем, и поехала на студию.

Репетиция прошла не то, чтобы гладко, но и не так паршиво, как она поначалу думала. Елена вела себя... сносно. Не иначе, с заслуженной кто-то провел беседу. И Дашке даже казалось, что она знает, кто именно это был. Только один человек на площадке обладал подобного рода властью – Герман. А их разговор лишь только подтвердил все её догадки.

– Не отвлекаю?

– Нет. Я уже закончила. – Даша остановилась у выхода из павильона, опустив небольшой чемодан на землю. Она решила, что не будет возвращаться в отель, поэтому на репетицию поехала уже с вещами.

– Ну, как тебе? – поинтересовался режиссер.

– Вам лучше знать.

– Мы снова на «вы»? – удивился Герман.

Что она могла на это ответить? Сказать правду? Что им просто не стоит сближаться? Что вчерашний вечер был прекрасным, да... Но он был ошибкой? И нужно ли что-то объяснять, если Герман не хуже её самой знает обо всех тех причинах, по которым им не по пути?

– Рабочие отношения... – такая себе полуправда.

Герман смотрел на нее сквозь затемненные стекла очков. И она даже не догадывалась о том, что эти стекла скрывают.

– Рабочие, значит... Ладно. Только... давай все же на «ты».

Даша пожала плечами.

– Так, что скажешь по поводу репетиции?

– Скажу, что мы уже вывихнули весь мозг, но до сих пор так и не поняли, как снимать Долгих... В каком бы гриме она не была, и какой бы ракурс мы не выбрали – у нее все равно видны послеоперационные рубцы. Её кожа натянута, как презерватив на...

– Герман! – шокированно выдохнула Даша, не в силах поверить в то, что ОН это произнес. С его королевскими манерами и безупречным воспитанием...

– Ты сама спросила, – криво улыбнулся мужчина.

– Но... я ведь не это имела в виду! Меня интересовала моя игра – и только.

– Ну, если так... То мне ты сегодня показалась несколько

дерганой. У тебя ничего не случилось?

Дашка невольно вздрогнула.

– У меня все в полном порядке. Хочу поскорее домой. К сыну, и родне...

– Ты любишь их, да?

– Тебе ли не знать, как это бывает.

– О чем это ты?

– О Марго, конечно. Она совершенно удивительная женщина. И очень любит тебя. Спасибо, что познакомил нас.

– Ты ей тоже понравилась.

Герман хотел еще что-то добавить, но его кто-то окликнул, и мужчина был вынужден прервать разговор. Чему Даша даже обрадовалась. Полученная накануне записка с угрозами отрезвила женщину. Напомнила лишний раз о том, что ей нельзя заводить какие бы то ни было отношения. А тем более – отношения с известным, публичным человеком. Даже если закрыть глаза на то, что у него была официальная пассия... Даже если допустить, что они расстанутся... Связаться с Германом – значит подставить его под удар. Даша до сих пор не знала, куда подевались фотографии и ролики, которыми Керимов её шантажировал. У неё не было никакой гарантии, что они когда-нибудь не всплывут. Рано, или поздно. Дашка уже даже привыкла жить под этим дамокловым мечом. Хотя, казалось бы, разве можно к такому привыкнуть? Одно она понимала абсолютно отчетливо – ей не стоило марать в этой грязи кого-то еще.

Даша лишь на мгновение, лишь на сотую долю секунды позволила себе мечту... Зря, конечно. Потому что сейчас, прямо у нее на глазах, эта сверкающая прекрасная мечта разрушалась, разваливалась на миллионы сверкающих осколков, оставляя вместо себя лишь пустоту. Пустоту, с которой Дашка уже срослась.

В родных горах Дашу встречали Костя и Ян. Измученная дорогой и бессонной ночью женщина обняла сына, наплевав на любопытных, прижала его худющее тело к себе, каждой клеткой впитывая исходящее от него тепло. Когда-то давно, она могла зарыться носом в его русые волосы, вдохнуть тайком их детский аромат. С тех пор прошло много времени, сын вытянулся, и стал пахнуть далеко не так сладко, как в детстве. Одно не изменилось – обнимая Яна, Дашка испытывала чувство умиротворения и покоя.

Выдержки сына хватило ненадолго. Ян не слишком любил обниматься. Он вообще не любил терять время понапрасну.

– Мам Даш, ну, пойдём... Сколько можно тут стоять? Ты будто год меня не видела. А прошло всего-то четыре дня.

Даша покосилась на Костю, которому, наконец, сняли гипс:

– А кажется, будто вечность прошла.

Мужчина нахмурился:

– Что-нибудь произошло?

Дашке хотелось рассказать. Очень хотелось поделиться с кем-то случившимся, чтобы не чувствовать себя такой оди-

нокой и напуганной. Но... Что, если это была просто чья-то глупая шутка? Зачем волновать близких? Ведь Костя обязательно все расскажет Ставру, а тот... Тот не молодеет, несмотря ни на что. Ему и без Дашки забот хватает – Любимая болезнь никому не дает расслабиться. Нет. Она не будет спешить. Вот если угрозы повторятся – другое дело!

– Нет, Костя, все хорошо. Я только устала сильно. Эти примерки и походы по магазинам доконают, кого хочешь.

– Угу. Прямо дьявольские пытки. Как ты только выжила.

– Смейся-смейся. Ты ведь знаешь, как я это все не люблю.

– Святая женщина!

Впервые за долгое время Даша улыбнулась. Бросила на Костю многозначительный взгляд, обогнала его, прихрамывающего, и двинулась к выходу.

Глава 16

Дашка ужасно волновалась. Она уже тысячу раз пожалела о том, что киношный корпоратив решили провести на её территории. Ведь, как главный менеджер гостиничного комплекса, именно она несла полную ответственность за организацию мероприятия, и все в группе знали об этом. Поэтому ей ужасно не хотелось ударить лицом в грязь. Ситуация осложнялась еще и тем, что гости мероприятия были достаточно разношерстными. Начиная от простых ребят из техперсонала, заканчивая далеко не такими простыми продюсерами и режиссёром. И всем им нужно было как-то угодить. Задача, скажем прямо, не из легких, ведь Даше приходилось совмещать несовместимое. Радовало только то, что Люба изъявила желание помочь.

Вечеринка организовывалась сугубо для членов съемочной группы. Ни о каких мужьях или женах речь даже не шла. Поэтому Даше не пришлось ломать голову над тем, кто ее будет сопровождать. Этот факт её откровенно порадовал. Так же, как и отсутствие спутницы у Германа. Режиссер, видимо, решил не противопоставлять себя всем остальным. И Даше это его решение понравилось даже больше, чем она была готова признать. Одна беда – чем больше она себя убеждала, что радуется исключительно демократичности такого подхода, тем меньше в это верила сама. Дашка вообще не умела

себя обманывать...

Гости начали съезжаться уже утром. Даша гостеприимно встречала каждого у ресепшена, и все больше волновалась. Где же Герман? Когда он приедет? Злилась на себя за то, что опять о нем думает, и вновь вытягивала шею, выискивая его в толпе. Несмотря на все «но», забыть Германа почему-то не выходило... Она истомилась по нему. Сама себе удивлялась, но ничего не могла изменить. Таким странным и таким необратимым ей виделось все происходящее.

Едва ли не позже всех приехали Дина и Стас. Даша бросила нервный взгляд на часы. Еще немного... и она не успеет переодеться к вечеринке, а никто из высокого начальства так и не появился!

– Привет! Ну и красотища тут у вас! – громогласно заявила Дина, торопливо шагая к стойке через холл. – А ты почему еще здесь торчишь? Красоту не наводишь?! Ты же наша главная звезда!

– Звезда, скажешь тоже! – усмехнулась Дашка, протягивая Дине и Стасу ключ. Непонятно, какие у этих двух были отношения, но номер им полагался один на двоих.

– Слушай, а Долгих прикатила уже?

– Нет. Наши настоящие звезды запаздывают.

– Звезды?! Да, ну! В утиле она уже... И давно. В шестьдесят конкурировать уже сложно. Ролей все меньше, а она... Ну, ты сама видела. Никакой индивидуальности. Что тебе кукла резиновая.

– Зато самомнение – о-го-го...

– Этого у неё не отнять. Да только на пустом месте у нее самомнение.

– Главное, что она меня в этот раз не трогает.

– А что, было дело? – Дина заинтересованно наклонилась вперед. Даша пожала плечами:

– По-моему, она меня ненавидит.

– Она ненавидит всех женщин. Не переживай. Герман не даст ей распоясаться. Странно, что тогда это допустил. Ты ему, что, не жаловалась?

– Было дело. Он посоветовал забить...

– Вполне в духе Германа. Ох, кстати, а вот и он...

– И Ладка тут, – заметил до этого молчащий Стасик.

Дашка резко вскинула голову. И сразу же поймала взгляд Германа. Из глубин души поднялось нелепое желание закатить истерику. Накричать на него, ударить... Потому что в списке гостей не было никаких «Ладок». Герман должен был прийти один! Один... А теперь он был здесь в компании этой женщины... Которая держала его под руку и улыбалась во весь рот, демонстрируя слишком белые для того, чтобы быть настоящими, зубы. Непонятно, почему это их появление ударило Дашку в самое сердце. Безосновательно, в принципе, и совершенно неоправданно... Но боль была такой острой, что она едва устояла на ногах. Ухватилась за стойку, так, что даже пальцы побелели, в отчаянной попытке обуздать все эмоции и чувства. Опустила взгляд. Незаметно сделала пару глу-

боких вдохов. На смену собственной слабости так же неожиданно и необъяснимо пришла злость. Это он так решил её проучить?!

– Здравствуйте! – Поприветствовала гостей Даша. Прокашлялась. Собственный голос показался ей слишком высоким и ненатуральным, так же, как и сковавшая губы улыбка.

– Здравствуйте, Даша. Очень рада с вами наконец познакомиться. Герман очень лестно отзывается о вашем таланте.

Дашка ответила что-то подходящее, улыбнулась, и выдала парочке пластиковую ключ-карту.

– Добро пожаловать. Надеюсь, вам понравится наш отель. В случае необходимости, вы всегда можете вызвать горничную или техника по номерам, указанным в памятке, которая находится на мини-баре.

Дашка еще что-то говорила. Весело и непринуждённо, почти не задумываясь о том, что произносит. Отчаянно убеждая себя, что это просто очередные гости. Так, ничего особенного... Она видела, что Герман тоже был не в восторге от сложившейся ситуации, но... все ведь было в его руках? Не так ли?

Кое-как завершив беседу, и отослав гостей прочь, Дашка устало опустила голову, не замечая больше ничего вокруг. Потерла начинающие болеть виски. Перекинулась парой фраз с ничего не понимающими Диной и Стасом. Из коридора слева от входа, появилась Люба. Ну, хоть что-то хорошее в этот день! Вот, на кого можно положиться!

– Ты почему еще здесь? – удивилась женщина, бросив на часы удивленный взгляд.

– Биг боссы изволят задерживаться. Только что Германа встретила... А продюсеры и вовсе где-то на подъезде.

– Ну, а без тебя, что – вода не освятится?! Ну-ка, быстро иди, одевайся! Через полтора часа начало!

– А как же высокие гости? – робко поинтересовалась Даша.

– Какие гости, ну, какие гости, Даша?! Кто у нас главная звезда?! Ты забыла?

Дашка непонимающе уставилась на Любовь.

– Горе ты мое луковое! Да, ты! Ты у нас – звезда! Быстро иди – одевайся!

– Ты... Моя помощь точно не нужна?

– Сгинь! Сейчас же! Я не шучу, Дашка!

Криво улыбнувшись, Даша отколола бейджик, засунула тот в стол и, помахав рукой Любе, двинулась к выходу. Настроения веселиться не было совершенно. А ведь еще утром она замирала, в предвкушении праздника... Все изменилось, стоило ей увидеть Германа в сопровождении этой... Лады. Что он в ней только нашел?! Самая обыкновенная, без претензии на индивидуальность. Очередная кукла из числа многих. Все искусственное... все! Почему с ней, Господи Боже?!

К собственному домику подошла, взвинченная до невозможности. Хорошо, что Ян опять где-то пропадал, не нужно было ему видеть ее такой. Никому не нужно, собственно.

Вмиг просекут, что с ней что-то не так, и станут задавать вопросы. А Дашка не знала, что на них можно ответить... С ней впервые в жизни такое случилось. Сумасшествие чистой воды. Нельзя так... Нельзя!

Быстрый душ, скромное платье, которое они так долго выбирали с Любой... Дашка замерла посреди спальни, разглядывая себя в отражении большого – от пола до потолка – зеркала. Симпатичное платье. Неброское и элегантное. В нем можно было смело заявиться и на прием к королеве. Но... сейчас ей хотелось другого. Раздраженно разделась. Безжалостно отбросила платье в сторону. Открыла дверь гардеробной. Где-то здесь есть то, что ей нужно! Наверное, Люба удивится её наряду, ведь планировалось, что Даша оденется гораздо более скромно. Именно этот критерий был основным при подборе наряда, и этот выбор был настолько придирчив, что даже Любовь к моменту покупки уже заметно приуныла.

Ага! Вот оно... Совсем другое дело! Взгляд женщины снова скользнул по собственному отражению. От закрытого наглухо верха к экстремально короткому подолу, и дальше – по длинным стройным ногам. Люба утверждала, что они у нее красивые. Поэтому однажды, поддавшись совершенно неясному порыву, Даша и купила себе это, будто бы сотканное из тысяч металлических пластин, мини-платье. Что ж, оно действительно довольно неплохо на ней смотрелось... Немного агрессивно, но как раз этого она и хотела. Настроение было соответствующее!

С макияжем особенно усердствовать не стала. Придала форму бровям с помощью геля, нанесла тушь... Яркий акцент – красная помада. И в тон ей – лак на ногтях. А вот с прической пришлось повозиться. Зато результат того стоил – те красивыми волнами легли на плечи... Дашка редко когда себе нравилась. Сегодня был как раз такой случай.

К началу вечеринки немного опоздала. Имела полное право, учитывая, что весь день провела, встречая гостей. Пройдя к своему столику. Она специально отвела себе место возле Дины и Стаса, подальше от большого начальства, которое усадила за одним столом. К которому, кстати сказать, как раз сейчас пробирался Герман в компании генерального продюсера. Вот, кто не стал заморачиваться по поводу внешнего вида! Их режиссёр надел обычные джинсы и рубашку! Дашка невольно натянула платье пониже, вдруг некстати подумав о том, что, возможно, ее наряд слишком... экстравагантный для сегодняшнего вечера.

С появлением начальства вечер начался... Герман взял слово, поприветствовал всех собравшихся, рассказал, с каким нетерпением ждет начала съемок и пожелал всем удачи. Коротко и по существу, а после передал микрофон отцу Ладки – Давиду Семёновичу. Тот, очевидно, острил, судя по доносившимся отовсюду смешкам. Но Дашка его не слышала вовсе. Она крутила головой по сторонам, выискивая спутницу Германа. Да-да, ей ничего не оставалось, кроме, как в последний момент втиснуть за столик боссов стул

для нее. Но Лада не появлялась. Тем временем вечер шел своим чередом. Было весело и шумно. Киношники – что с них взять. Даша попыталась отвлечься и получить от происходящего хоть какое-то удовольствие, и в этом ей активно помогали искрометная Дина и неунывающий Стас. Интересно, этих двоих что-то связывает?

– Дин... попробуй вот этот кусочек... Ммм? Класс? А теперь глотни вина! Что скажешь?

Даша выжидающе уставилась на художницу. Ей тоже был интересен её ответ. Их дичь славилась на всю округу!

– И-зу-ми-тель-но! Разве это не преступление, что лучшие вещи в жизни делают нас либо жирными, либо пьяными, либо беременными?

Даша широко улыбнулась. Впервые за этот вечер. Но улыбка быстро слетела с губ, стоило ей только услышать за спиной:

– Значит, жирными, пьяными и беременными?

– Именно так! – не растерялась женщина, похлопав режиссера по плечу. Добрый вечер, Давид Семёныч.

Даша перевел взгляд на мужчину. Крупный, холеный... Белоснежная улыбка, такая же, как и у дочери, (интересно, у них, что, один дантист на двоих?). И взгляд... изучающий, неприятный, отталкивающий!

– Дамы! – кивнул головой мужчина, не сводя с Дашки пристального взгляда. Ей даже поежиться захотелось, или вообще – сбежать. Но она лишь разорвала зрительный кон-

такт, сосредоточив внимание на говорящем что-то Германе. Вроде бы неплохой предлог...

– Дарья, ну, вы, наверное, уже догадались, что этот неунывающий ловелас и есть наш генеральный продюсер... А это, Давид, наша будущая звезда – Дарья Иванова.

– Очень-очень приятно! К тому же, почему – будущая? Даша уже... уже – звезда. А нам нужно только об этом напомнить. Правильно, Дашенька?

Давид поймал Дашкину ладонь и сжал ее в своей ледяной влажной руке. Женщину чуть было не передернуло от отвращения. Она едва удерживала себя от того, чтобы не вырвать свою ладонь из его лап! И сделать это как-то ненавязчиво, менее демонстративно.

– Не думаю, что меня кто-то помнит... – нейтрально заметила она, аккуратно высвобождая конечность.

– О, вы ошибаетесь! Разве можно забыть такой непревзойденный талант, безупречную красоту...

Рука мужчины переместилась Дашке на спину, чуть ниже, чем позволяли правила приличия. И тут уж она не сдержалась. Отскочила резко. Бросила на Германа полный ярости взгляд и, что-то пробормотав, поспешила к выходу из ресторана. Хорошенькое начало! Ничего не скажешь. Домогающийся актрису продюсер-ловелас, и режиссер, готовый закрыть на это глаза. Господи, ну почему жизнь ничему её не учит?! Ведь проходила это уже... Про-хо-ди-ла!

Дашка миновала холл и свернула в коридор. Шла медлен-

но, задыхаясь от боли, будто бы по битому стеклу ступала. Она думала, что узнала истинного Германа в тот день, когда он привез ее ужинать в ресторан бабки. Открытого, любящего, преданного! Совершенно произвольно каждая её клеточка, каждый атом потянулись к нему, такому... А потом, эта дурацкая записка, и понимание того, что не быть им вместе ни при каких обстоятельствах! Не быть... Светлая тоска по несбыточному счастью. И вот, теперь, эта грязь... И он, позволивший ей случиться. Спустивший ситуацию на тормозах...

– Даша!

Женщина резко обернулась.

– Вы что-то хотели?

– Да. Извиниться за Давида. Его, бывает, заносит...

– Заносит? Он со всеми актрисами так себя ведёт? Или дело именно во мне? Он считает меня доступной?

Веко Германа дернулось, он зарылся рукой в, казалось, еще больше отросшие за время, что они не виделись, волосы.

– С некоторыми. И, как правило, барышни только радуются его вниманию. Не догадываешься, почему? Так что твое прошлое, на которое ты, по всей видимости, намекаешь – здесь совершенно не при чем.

Герман приблизился к Даше еще на шаг, медленно поднял руку и нежно провел по её скуле:

– Он больше не тронет тебя. Обещаю...

Что-то дрогнуло в ее лице, изменилось...

– Это было ужасно... Я ведь подвергалась и большим унижениям, но его рука на моей заднице – едва ли не самое кошмарное из них. Или... твоё молчание?

– Я не молчал. Не позволю тебя обижать.

– Правда? – почему-то больше всего на свете Даше хотелось ему поверить. Пусть... пусть им не по пути, лишь бы только все, что она в нём увидела, оказалось правдой!

Герман кивнул головой, подтверждая свои слова. Его рука, все еще находящаяся у Дашки на щеке, плавно спустилась по шее и обхватила затылок. Он медленно приблизился и обжег её горячим дыханием. А потом мир исчез – остались только его губы.

Глава 17

Сумасшествие. Целовать ее, стоя посреди коридора, куда в любой момент мог кто-то войти. Но иначе не получалось. Казалось, она стала его дыханием, его кислородом. И не было альтернативы, ведь альтернатива «не дышать» – смерть! Он скользил по Дашкиным губам, жадно впитывая в себя их вкус, зарывался руками в волосы, путал их. Он вообще сейчас всё запутывал...

Дашка что-то бессвязно шептала, сжимала его плечи, царапала шею... Он тонул в ее нежном, ненавязчивом аромате, вжимая все сильнее в себя. Оторвался ненадолго, впился взглядом. Эти глаза... Широко распахнутые ему навстречу, недоумевающие, какие-то потерянные. Будто бы она сама себя спрашивала, что же происходит, почему он остановился? Спрашивала, и не находила ответов.

С легким стоном Герман снова накинудся на Дашкин рот. Руки осмелели и двинулись вниз по телу, прошли по бокам, опустились на попку, словно стирая чужое неправильное прикосновение. Он едва не зарычал, когда понял, что себе позволил Давид. Сдержался из последних сил, собирая по крохам остатки цивилизованности. Ладони забрались под короткий подол платья, погладили нежную гладкую кожу. Оседлав бедро Германа в качестве дополнительной опоры, Дашка, которую не держали ноги, потерлась о него промеж-

ностью. Он пил её судорожные рваные вдохи и медленно сходил с ума.

Видимо, в помещении кухни что-то упало, отрезвляя обоих. Дашка, зажата между стеной и мужчиной, попыталась освободиться, и Герман нехотя ее отпустил. Она не знала, куда деть глаза, что вообще говорить, и как себя вести. Он здесь был не один. А она повела себя, как... как... Как та, кем он ее и считал еще совсем недавно!

– Даша...

Она отрицательно замотала головой:

– Не говори ничего. Пожалуйста!

– Но... Ты же не можешь отрицать, что...

– Этого не должно было случиться!

– Бред! И ты это знаешь. Между нами искрит с самой первой встречи! Этого не избежать! Скажешь, я не прав? Будешь отрицать очевидное?

Дашка покачала головой, судорожно одёргивая подол.

– Думаю, сейчас не время это все обсуждать. Тебя уже, наверное, потеряли, и...

Она вскинула на мужчину умоляющий взгляд. Если бы не он, Герман, наверное, стал бы спорить, но по какой-то совершенной непонятной причине этим глазам он не мог отказать. Или же, напротив, причина была на поверхности, и он просто испугался? В любом случае – отступил.

– Ладно. Ладно... Но не надейся, что мы не вернемся к этому вопросу.

– Когда спровадишь невесту? – не смогла не съязвить Дашка. – Я буду твоим маленьким грязным секретом? Ты это мне предлагаешь?

Герман смерил Дашку нечитабельным взглядом. Он был так же взлохмачен, как и Даша. На губах и вокруг рта красовались остатки ее помады. Рубашка, там, где она сжимала его плечи, была измята, а сверху, у самого горла, отсутствовала пуговица. Если его кто-то сейчас увидит, то сразу поймет, чем они занимались. Им обоим абсолютно точно стоило привести себя в порядок.

– Нет. Этого я тебе предлагать бы не стал.

– Ну, и на том спасибо... – горько рассмеялась Дашка.

Она понимала, что была неправа. Что все её претензии сейчас не имели ни единого основания. Но все же не находила в себе силы поступить здраво. Как бы это сделал взрослый человек. В душе занозой сидели обида и... страх. Даша повернулась спиной к мужчине, двинулась к туалету. Просто чудо, что их еще никто не увидел!

– Даша!

Женщина остановилась и немного повернула голову. Со всем чуть-чуть, так, что Герману стал виден лишь ее профиль. Красиво очерченная скула и немного вздернутый нос.

– Я не приглашал Ладу. Она приехала в аэропорт с Давидом. И я просто не мог её вытолкать из самолета.

В душе тоненькой противной стрункой что-то задрожало. И горло перехватил спазм. Она не знала... Просто не знала,

что было бы хуже для ее глупого сердца – если бы он взял с собой Ладу сознательно, чтобы указать Дашке на её место, или если бы он этого не делал... Сглотнула. Кивнула головой и медленно-медленно пошла дальше. Она была так сильно напряжена, что казалось, еще немного, и позвоночник просто сломается. Аккуратно, как ни в чем не бывало, открыла дверь в туалет, и тихо её за собой захлопнула. Стала перед зеркалом, методично стирая с лица «следы преступления». Слезы плескались в глазах, и поэтому изображение было размытым.

Она пыталась понять, в какой момент желание съездить Герману между ног обернулось желанием никогда его больше не отпускать? Что она пропустила? Как позволила такому случиться?! Почему вовремя не эвакуировалась? Ведь она каждой клеточкой ощущала приближение этой смертельно опасной стихии! Ведь сделала все, чтобы никто больше не смог застать ее врасплох! Почему же она так беспечно игнорировала сотни тревожных депеш, которые в срочном порядке отправлял её мозг?! Зачем сделала вид, что сейсмограф её сердца ошибся?! Не потому ли, что, наперекор всем прогнозам, решила упасть в этот шторм с головой? Пройти сквозь него, как через обряд инициации, чтобы потом... родиться новой, или... умереть. И к чертям здравый смысл! Да... Наверное, хотя бы раз в жизни – это неминуемый процесс для каждого человека. Вот и ее время пришло.

Даша моргнула несколько раз и еще раз прошлась взгля-

дом по собственному отражению. Вроде бы, все в порядке. Помаду она может освежить и за столиком. Нарушит этикет, подумаешь. Вряд ли кто-то на это обратит внимание. Сейчас уже гости порядком навеселе. Им совсем не до этого. Женщина вышла из туалета, прошла по коридору к залу, и на самом выходе столкнулась с Костей:

– Привет...

– Привет. Хорошо выглядишь.

– Спасибо.

– Все нормально?

– Да. А что?

Дашка на секунду замерла, почему-то вспомнив о камерах видеонаблюдения, которыми была напичкана база Ставших. Мог ли Костя увидеть их поцелуй с Германом?

– Да ничего, Даш. Бледная ты какая-то.

– Да? А говорил, что выгляжу хорошо. Ты уж определись, – попыталась сострить Даша, обходя друга.

– Одно другому не мешает. Слушай, ты когда это платье купила? Я такого не видел у тебя.

– Давно купила, Костя. Все не было случая надеть. Ну, я пошла?

Мужчина пожал плечами, Дашка еще раз ему улыбнулась, и скрылась за дверями ресторана. Как она и думала, веселье было в самом разгаре. Уже даже и танцы начались... Вон, как Дина со Стасом выплясывали! Если бы несколькими минутами раньше Даша не пережила такой стресс, она бы с удо-

вольствием к ним присоединилась, но сейчас было не то настроение.

Вообще, она не любила шумные вечеринки, не любила толпу. Однако сегодня все было совершенно по-другому. Ей было комфортно в компании ребят из съемочной группы, и только присутствие некоторых людей немного портило общее впечатление. Елена... Пожилой оператор Ефрем, пара звукорежиссёров, с которыми она работала тринадцать лет назад. В общем, все те люди, которые были свидетелями её позора.

Даша взяла бокал, сделала пару жадных глотков, и только потом поняла, что это было шампанское! Очевидно, ребята перебрали больше, чем следует, раз в бокал для воды налили вина. Холодок прошелся по позвоночнику, и первым делом захотелось избавиться от выпитого. Но потом, все же, восторжествовал разум. Дашка решила, что вряд ли она опьянеет от двух глотков некрепкого вина... Она наколола шпажкой клубнику, и отправила ее в рот, чтобы перебить вкус алкоголя. И вдруг почувствовала на себе сальный взгляд Давида. Её даже передернуло от отвращения, но внешне Дашка никак не выказала своего состояния. Как ни в чем не бывало, окинула взором присутствующих, пока не наткнулась на танцующего со своей помощницей Германа. Честно сказать, она не думала, что тот станет принимать участие во всеобщем веселье. А он, казалось, чувствовал себя, как рыба в воде, и отрывался по полной. Наверное, Герман и сам был неплохим

актером – вдруг подумала Даша. Почему-то она не верила, что в этот момент ему было действительно весело.

Вдруг Герман вскинул голову. Их разделял полутемный зал, и Дашка не была уверена, что он видит её. Она – так точно не могла прочесть выражение его лица из-за мигающей светомузыки.

Рядом на столе завибрировал телефон.

«Пойдем, потанцуем» – Герман! Нет... нет, она не могла. Только не тогда, когда пришло осознание случившегося. Слишком оголено все, слишком... на надрыве. Возможно, когда они поговорят, расставят все по своим местам, решат что-то, очертив границы дозволенного!

«Ну же, Дашка, решайся. Всего один танец.»

Дашка отрицательно качнула головой. Медленно-медленно, будто нехотя. Сердце сжималось и стучало в груди, как при тахикардии. Гормоны кипели, и гнали ее к нему! Но женщина не двигалась с места, вцепившись обеими руками в стол. Хорошо, что рядом никого не было. Иначе ее поведение смотрелось бы довольно странно. Как зачарованная, Дашка отвела взгляд, и тут же заметила, что к ней, пробираясь через толпу, шел тот, кого она меньше всего хотела видеть. Давид. Она вскочила, в попытке избежать с ним встречи, и двинулась к танцполу.

Все дальнейшие события происходили будто бы в замедленной съемке. Да, такие сцены, наверное, только в кино и встречаются. Он, она... И красивая тягучая музыка, кото-

рая, будто бы по заказу, пришла на смену очередному зажигательному хиту. Его руки на ней – так правильно. Ненавязчиво, деликатно... По-старомодному – одна рука на талии, другая сжимает её ладонь. Будто бы они собираются танцевать классический вальс.

– У тебя глаза перепуганного зайца.

– Это потому, что ты сейчас – вылитый волк.

– Волк?

– Да. Такой же опасный, взъерошенный и... Черт, да мы танцуем!

Герман иронично приподнял бровь.

– Это и подразумевалось.

– Может быть. Да только я не умею вальсировать...

Будто бы в подтверждение своих слов, Дашка сбилась с ритма и насупила мужчине на ногу. Хорошо, хоть, не каблучком!

– Доверься мне, хорошо?

Она смотрела в его прозрачные глаза и понимала, что он просит гораздо большего, чем просто танец. Довериться? А разве у нее был выбор?

– Мне нужно многое тебе рассказать. Если ты действительно хочешь попробовать...

– Хочу.

– Некоторые обстоятельства моей жизни... Ты должен узнать о них прежде, чем это сможет как-то тебе навредить.

– Ничего не в состоянии изменить моего к тебе отноше-

ния, – заметил Герман серьезно.

Даша только покачала головой. Перекрикивать музыку, и доказывать ему обратное – не имело никакого смысла. Им действительно нужно было немного времени. Просто осмыслить все еще раз и взвесить все риски. Герман может сколько угодно говорить, что все для себя решил, но Дашка слишком хорошо знала изнанку жизни, чтобы не понимать, как он в таком случае рискует. Рискует всем – репутацией, карьерой, положением в обществе... Она не могла допустить, чтобы из-за нее Герман потерял себя. К тому же, давным-давно Дашка усвоила – не стоит доверять словам мужчины, который хочет стащить с тебя трусики. В такие моменты они готовы пообещать все, что угодно... Пусть сначала выслушает её. Возможно, после этого все желание у него отпадет само. Девушка убеждала себя, что готова к такому развитию событий.

Музыка стихла. Дашку тут же кто-то подхватил за руку, и закружил. Германа тоже вовлекли в танец. Они натянуто улыбались своим партнерам, но каждый раз, поверх их голов, ловили взгляды друг друга. Даша знала, что завтра Герман уедет. А следующая их встреча произойдет уже на съёмочной площадке. И там, оставив весь свой актерский талант, сняв свои бесчисленные маски, ей предстоит полностью ему открыться.

Глава 18

– Ты очень напряжен, Гера, – заметила Лада, разминая плечи мужчины после того, как тот вернулся в номер. – Хорошо повеселились? – добавила тихонько, опалая жаром дыхания ухо.

Герман оглянулся. Несмотря на то, что он не взял её с собой на вечеринку, Лада определенно решила его сегодня порадовать. Пеньюар, обтягивающий внушительную круглую грудь, изысканные трусики... Все было призвано на то, чтобы соблазнить мужчину. Он отметил это на автомате, скользнув пристальным взглядом по шикарному женскому телу. Красиво... Но мимо! Гера ничего не почувствовал. Ничего, кроме неправильности происходящего.

– Нормально. Пойду в душ.

– Тебе потереть спинку?

Герман отрицательно качнул головой. Он не знал, что сказать, чтобы не обидеть Ладу, которая ничем не заслужила такого к себе отношения, но и быть с ней больше... не желал. И несмотря на то, что ему еще многое предстояло обдумать, в этом он был абсолютно точно уверен.

– Устал я, Лада. Очень устал.

Девушка кивнула головой. Как ни в чем не бывало. Будто бы не ей сейчас отказал мужчина, с которым они до этого не виделись недели три... Другая бы закатила истерику. Но не

Лада. Она никогда на него не давила. У Германа было подозрение, что их учат такому поведению на каких-то специальных курсах идеальных жен. Она все делала идеально, и, возможно, поэтому их отношения были как будто стерильными. В них не было никакой интриги, никакого накала. И в ней самой не было загадки... Еще неделю назад Герман считал, что такое положение вещей – оптимальный для него вариант. Но жизнь ткнула его носом в обратное. Он всем своим существом почувствовал, как терпит поражение его хваленое здравомыслие. Все так резко перевернулось... Возможно, годы всему виной... Или кризис среднего возраста... Как знать? Но его, словно магнитом, потянуло к живому... Настоящему. Нерафинированному. К Дашке... К ее сумасшедшим, будто бы говорящим, глазам. К её замкнутости, к ее непостижимым тайнам. К ее женским странностям, страхам, язвительности... Возможно, даже к обычным бабским истерикам, которые положены любой женщине по чертовому гормональному определению... Он этого хотел... Хотел так, что ничего бы не стал в ней менять, править и совершенствовать. Просто постигал бы Дашку такую, забираясь под каждый слой её многогранной личности все глубже, и глубже... пока бы не добрался до сути. Суты всего. Суты этой настоящей непритворной женщины.

Запрокинул голову, подставляя лицо теплым упругим струям. К сожалению, вода не смывала напряжение, которое отметила Лада. Тут уже вообще вряд ли что могло помочь.

Герман, как охотник в предвкушении самого интересного, затаился, напряженно прислушиваясь к происходящему. Все в нем подрагивало и звенело в ожидании, к которому он не был приучен – факт. Гера с детства получал все, что хотел. Но теперь между ним и его целью было столько преград... Будто бы их разделяла полоса препятствий. И лежащая в его кровати женщина являлась одной из таких помех...

Герман вышел из душа, обмотав бедра полотенцем. Чертыхнулся, потому что забыл взять чистое белье. Прошел через комнату к чемодану, который не стал распаковывать, выхватил трусы и трикотажные штаны. Вернулся в ванную одеться. Это выглядело, наверное, глупо, учитывая, что Ладка видела его голым тысячу раз, но по-другому почему-то не мог.

– Гера, что-нибудь случилось? – нерешительно спросила девушка, когда он закончил.

– Ничего. Говорю же, устал.

Он ей скажет. Обязательно скажет. Просто сейчас не время совсем, и, наверное, не место. Завтра Ладка опять укатит в Италию, а он приступит к съемкам. Будет время все хорошенько обдумать. Да и с Давидом не хотелось бы ссориться раньше времени. Им еще не раз работать вместе. А конфликт будет неминуем, если Ладка останется недовольной их расставанием. Значит, все нужно будет сделать красиво. В идеале, было бы неплохо, если бы она сама его бросила. Вот только как этого добиться?

Нет, не то, чтобы Герман не был готов пойти на конфликт с Давидом, если уж очень приспичит! Но и торопиться бить горшки не имело смысла. Бизнес – есть бизнес. И его интересы, в Германовой системе координат, имели не абы какое значение. Долгое время он жил работой, слишком много для него значило то, что он делал, слишком много людей от него зависели. Он не имел права на необдуманные поступки.

Эти мысли преследовали его ночью, и утром следующего дня, когда Герман за завтраком выискивал Дашку глазами.

– Гера, я опоздаю на самолет, если ты выпьешь еще хоть одну чашку кофе... – пожаловалась Лада.

– Да-да... Конечно, поехали... – Мужчина промокнул губы идеально белой салфеткой и неторопливо встал из-за стола. Лада была права. Он заигрался, едва ли не преследуя Дашку. Очевидно, что та была не готова к встрече с ним сегодня. Ей требовалось какое-то время для раздумий. Пространство... И ему тоже не следовало торопиться. Они в любом случае поговорят. И если сейчас – неподходящий момент – черт с ним. Пусть так. В любом случае, все решится на съемках. Он подождет. Даст себе остыть...

Первые дни всегда были самые тяжелые. Утомительные. Да и творчества в этой работе не было, а Герман ненавидел рутину. Делал все, что от него требовалось, и тихо сатанел. Так было всегда, ничего нового он в себе не открыл. Но на этот раз все усложнилось ожиданием... Ожиданием встречи

с ней. Никогда бы не подумал, что это будет так тяжело. Сам себе удивлялся, будто бы что-то новое открыл там, где уже не было места открытиям. Перебирал их короткие встречи в памяти. Возвращался на годы назад, и вспоминал... Сам с собой откровенничал. То нерешительно приоткрывая занавесу прошлого, то в страхе возвращая её назад. Будто бы актер с боязнью сцены – выглядывал из-за кулис, и в ужасе зажмурился, не решаясь выйти в ослепительный свет софитов. Хотя, вроде, и решился уже...

Было страшно. В прошлом осталось много боли, от которой Герман бежал. Тот период... непрекращающаяся агония. Невозможно было выудить из памяти Дашкин образ, не разворошив других мучительных воспоминаний. Да и воспоминания, связанные с ней самой, тоже были далеко не всегда радужными. Он помнил и ее расширенные от наркоты зрачки, и ее дрожащие руки, и засосы по всему телу, которые приходилось гримировать... И свою на это злость, природу которой он тогда не понимал, и даже не пытался анализировать...

– Герман, рельсы смонтированы.

– Хорошо, – кивнул головой. – Все приехали?

– Не все. Нет Игоря и Елены...

– А Дарья?

– Не знаю, она еще не отписывалась.

Когда Рада ушла, Герман достал телефон, открыл групповой чат в Viber – новых сообщений от Даши действительно

не было. Хотя, та активно участвовала во всех коллективных обсуждениях, для которых и была создана эта группа. Будто бы действуя сам по себе, палец скользнул вверх, открывая прошлые сообщения. Дашкины реплики терялись в сотнях других, но он их методично отыскивал и перечитывал. Вот она скинула фото своего обеда в ответ на жалобу дольщиков о том, что у них столько работы, что некогда пожрать. За это ее шутливо прозвали садисткой. Ну, правда, фото накрытых к обеду фуршетных столов пятизвездочного отеля больше походили на издевательство, чем на попытку поддержать голодающих. Дашка ответила коварно улыбающимся смайликом с рогами. Потом было долгое затишье, и снова фото от Даши – ответ на вопрос костюмеров, не у нее ли серая парка, которая куда-то исчезла. Та написала, что нет, но предложила взамен свою. Её-то она и демонстрировала, сделав селфи. Герман сохранил себе эту фотографию. Не знал, зачем, но сохранил... Дашка была удивительно фотогенична. И красива той красотой, которая абсолютно не нуждалась в каком бы то ни было дополнительном обрамлении. В серой парке, на фоне свинцово-серого, окутанного туманом озера, с растрепанными волосами, сосредоточенно закушенной губой, она выглядела так, что эту фотографию можно было смело отправлять на обложку журнала. Но Дину что-то не устроило, да и Стас влез в разговор. Тогда Даша выслала еще одно фото – на этот раз парка была изумрудно-зеленой. Комментарий к фото гласил о том, что, если им опять что-то не понра-

вится, у нее есть еще штук десять таких курток всех цветов радуги, чем привела художников по костюмам в полнейший экстаз. Далее с Дашкой переписывался локейшн менеджер, уточняя у той, как у местной, какие-то детали по выбранному месту съемок. Телефон пискнул, оповещая о новом сообщении, Герман обновил страницу и увидел заветных три слова «я на месте».

Он бросил все. К чертям... Выскочил из комнаты, оборудованной под кабинет, переступил через действительно смонтированные рельсы. Окунулся в царящий на съемочной площадке хаос. Работа кипела, в преддверии первого съемочного дня. Он бы сам еще недавно извелся в ожидании начала съемок, но теперь акценты сместились. Ничего не замечая на своем пути (он вообще никогда не замечал препятствий между собой и тем, к чему стремился), мужчина споткнулся о скрученный на полу кабель, и едва не упал. Бросил быстрый взгляд на сидящего возле бобины тощего патлатого мужика из числа нанятых на время подсобных рабочих, заметив:

– Из-под ног уберите провода.

Мужик, не глядя, кивнул головой, медленно встал и, похрамывая, пошел делать то, что ему было сказано. Не обращая больше на него никакого внимания, Герман вышел на улицу. Съёмочная группа разместилась неподалеку, на небольшой частной турбазе. Именно туда и лежал его путь.

Дашка едва успела распаковать небольшой чемодан, когда в дверь отрывисто постучали. Что-то тревожное ей почудилось в этом звуке. После той злосчастной записки она вообще беспокоилась по любому поводу. Именно поэтому, уезжая из дома, попросила Костю получше приглядывать за родными. Как она и думала, мужчина прицепился к ее словам, как клещ! Стал пытаться, не случилось ли чего, впиваясь в неё цепким взглядом. Даша поспешно заверила друга, что ничего не произошло. Просто волнительно уезжать, оставляя родню. Не привыкла она к такому. Костя, вроде бы, поверил. Собственно, почему бы и нет? Её объяснения выглядели достаточно убедительно, у него не было повода ей не верить.

Даша подошла к двери:

– Кто там?

– Открывай, Сова, Медведь пришел.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Рука метнулась к горлу, а вторая – будто бы живя своей жизнью, повернула защелку. Он стоял на пороге. Красивый какой-то совершенно хулиганской красотой, отчаянный и сумасбродный... Дашка не знала, что делать дальше, что спрашивать или говорить, а Герман не оставил ей времени на раздумья. Шагнул вперед, заставив её отступить, и закрыл за собой дверь.

– Что-то случилось? Ты... ты почему не на площадке? – выдавила из себя, настороженно всматриваясь в его голубые глаза. И тут же отшатнулась. Сделала шаг назад, сама

не понимая, что её на это сподвигло. Возможно, какое-то неистовство, вдруг проступившее сквозь привычную невозмутимость Германа. Бездна, рванувшая ей навстречу из его прозрачных глаз. Она не успела ничего осмыслить, обдумать, или хоть как-то подготовиться к тому, что случилось. Он обрушился на нее, как ураган. Оправдывая все её мысли о нем и представления. Соответствуя всем её ожиданиям. Ни больше, ни меньше... Стихия... Неуправляемая, безудержная... Как горная река, или снежная буря.

Это было слишком быстро... Или, напротив, медленно? Тысячи противоречивых эмоций. Электричество вверх по позвоночнику. Миллионы импульсов, воспаляющих кровь. Тринадцать лет она ждала... Этого ли? В ушах звенело, и сердце колотилось так, что, казалось, даже тело Германа, расплющившее её грудь, подпрыгивало от его ударов. Губы жгло...

Сквозь дымку сумасшедшего желания донесся какой-то стук. Даша уловила его краем сознания, но никак не отреагировала. И Герману было не до этого. Не сбавляя темпа, он терзал Дашкины губы, скользил по выпирающим острым лопаткам ладонями, мял одежду. Стук повторился.

- Кого черт принес? – шептал мужчина между поцелуями.
- Не знаю... Нужно открыть...
- К черту их! – рыкнул Гера.

Больше всего Даша хотела с ним согласиться. Но в голове будто бы что-то щелкнуло. Дашка резко отшатнулась. Гос-

поди! Ну, почему каждый раз рядом с ним у неё напрочь отказывали тормоза? Что за морок?

– Даш...

– Я открою...

– Дашка! Ну, наконец-то! У тебя, что, живот скрутило?! – затараторила Дина. – Пойдем на обед, я забила тебе место за нашим столиком. Знаешь, какой тут бограш готовят! Мммм. Ой, а ты не заболела? Щеки красные, будто в лихорадке...

– Нет, Дин, все нормально. Только волнуюсь немного по поводу завтрашнего дня.

– Ааа. Ну, так что, пойдём?

– Ты иди, а я догоню. Мне бы еще переодеться хотелось.

– Ну, давай, поторопись! Не то потом остынет все...

Дашка кивнула, закрыла за гостьей дверь, и прислонилась к ней лбом. Она поспешила... Не следовало позволять Герману думать, что она доступная. В прошлом – возможно. Сейчас – нет.

– Даша... – раздалось у самого уха, и тут же его теплые сильные руки легли ей на плечи, а дыхание обожгло затылок.

– Мы слишком спешим, – выдавила сипло. – Не могу! Не хочу... так.

Молчание ей было ответом. И она хотела уже избавиться от прикосновений Германа, когда он, зарывшись носом в пряди её волос, прошептал в ответ:

– Значит, спешить мы не будем...

Глава 19

– Тишина на площадке!

– Ну, с Богом, ребята!

– Мотор!

Вот и началось... Хвала Господу. Первый дубль – и сразу с Дашей. Сцены без нее они будут снимать двумя неделями позже. Когда Дашка вернется домой на празднование своего юбилея. График съемок был специально скорректирован так, чтобы у нее была пара свободных дней. Герман лично утверждал корректировки. Это было условие актрисы...

Камера наезжает на героиню, она вскидывает взгляд и встречается взглядом с героем. Смятение. По сценарию, в её глазах должно появиться смятение. То чувство, которое наполняло его кишки прямо сейчас.

Герман думал о ней постоянно. Думал так часто, что иногда казалось, будто вокруг Дашки вертятся не только его мысли, но и он сам. Все, что его наполняет и делает мужчиной. Абсолютно новое ощущение, которое еще не до конца уложилось в сознании, которому он даже не нашел объяснения, но перед которым, тем не менее, смиренно склонил голову. Подчиняясь. Сдаваясь в плен.

– Снято!

– Давайте на исходные. Даша, продолжай в том же духе. Артем, тебе нужно быть немного более заинтересованным.

Ты не был в этом городе пятнадцать лет...

Господи, какие у нее глаза... Ежесекундно, чем бы ни занимался, и какие бы вопросы ни решал – они преследовали его повсюду.

– Мотор!

Съемки первого эпизода не заняли много времени и прошли достаточно успешно. Если все пойдет так хорошо и дальше... если они не выбьются из графика, то съемочный процесс закончится за двенадцать недель. А значит, у него есть двенадцать недель на то, чтобы разобраться со всем происходящим. Всего двенадцать недель... Легко не будет – факт. Даша не собирается так просто сдаваться. Герман понимал это предельно ясно. Как и то, что им действительно не стоило откладывать разговор. Прояснить... Им следовало все прояснить.

Пока готовили новую сцену, над Дашей суетились стилисты. Она о чем-то переговаривалась с ребятами и пила принесенный ассистентом кофе. Герману нужно было просмотреть отснятые дубли – а он не мог отвести от нее глаз. Смеётся... Так красиво смеется... Дашка творила с ним что-то невероятное. Факт. Его лихорадило... Он был как никогда вдохновлен. Он горел... И заражал своим энтузиазмом всех вокруг. Коллективное обсуждение отснятых дублей вышло очень оживленным.

– Спасибо. Мы сегодня неплохо поработали.

Слова Германа были обращены ко всем членам съемоч-

ной группы, но смотрел он исключительно на Дашу. А она отводила взгляд. Так трогательно смущаясь...

После того, как все разошлись, Герману еще предстояло производственное совещание с операторами, а ведь как хотелось, наплевав на все, последовать вслед за Дашкой... Но, нет. Он не мог себе позволить такого. Просто не мог.

Освободился ближе к ночи. Не чувствуя ног от усталости. Съесть бы свой ужин, так уже, наверное, и ресторан закрыт...

– Герман...

Мужчина резко обернулся. Даша стояла в двух шагах от него.

– Ты чего не отдыхаешь? – удивился он.

– Не спится что-то... Вот и брожу.

В животе Германа громко заурчало. Даша растерянно хлопнула глазами:

– Ты так и не поел?

– Нет. Некогда было...

– Я и забыла, в каком бешеном темпе ты работаешь... Так нельзя.

– Иначе не умею.

– Я знаю... Забыла немного, но уже начинаю припоминать. – Дашкин голос упал практически до шепота.

– Что ж... Значит, не я один ударился в воспоминания.

Даша рассмеялась. Горько. Совсем не так, как смеялась до этого в кругу гримеров или ребят-техников:

– Да уж... Воспоминания. Столько лет пыталась забыть это все! Забыть, как страшный сон.

– Расскажешь?

– Сегодня? – Даша сглотнула, гипнотизируя его пристальным взглядом своих сумасшедших глаз.

– Этот вечер ничем не хуже любого другого. Ты ведь сама хотела поговорить... Или я тебя неправильно понял?

– Хотела... Только, знаешь, это совсем невеселый рассказ.

– Не все рассказы веселые, Даша. Не во всех фильмах есть хеппи энд...

– Хорошо... – решила женщина после секундной заминки. – Только сначала поешь. Не могу смотреть спокойно на голодного мужчину. Это противоестественно.

– Да где ж я тебе ужин раздобуду в такое-то время?

Она знала – где. Уже через несколько минут, сидя в Дашкином номере, Герман уплетал вкуснейший пирог с мясом, из её же запасов, и пил сладкий чай. А она нервничала. Это отчетливо просматривалось в ее торопливых, дерганных движениях, отрывистых жестах и звенящей речи. Дашка даже пальцы закусила. Видимо, так и не избавившись до конца от привычки грызть ногти...

– Не суетись. Сядь...

Даша рухнула на кресло, как будто только и ждала этой команды.

– Если ты все еще хочешь поговорить – начинай сейчас, чтобы поскорее с этим покончить. Или... может быть, я дол-

жен первый начать? Обозначить свою позицию?

– Нет. – Даша покачала головой. – Сначала послушай...

Она поёжилась, обхватила себя руками, будто бы ей стало холодно, и отошла к окну. Предельно собранная. Закрытая на все замки и засовы. Непроницаемая, как банковская ячейка... Готовая ко всему.

– Хочу сразу предупредить, что не стану оправдываться за то, что было в моем прошлом, и, тем более, исповедоваться перед тобой. Это... это только мое дело. И раз ты все ещё здесь, подозреваю, что оно тебя не слишком от меня отвернуло...

Герман пожал плечами. Не отвернуло – факт. Скорее, добавило лишних вопросов.

– Ты можешь вообще ничего не объяснять. Это – твой выбор, – заметил он.

– Нет. Не могу... Не хочу, чтобы ты пострадал из-за моих ошибок. Чтобы хоть кто-нибудь пострадал!

– Тогда я тебя внимательно слушаю.

Герман достал сигареты, щелчком выбил из пачки одну, сунул в рот.

Даша облизнула губы. Сделала глубокий вдох. Яростный, жадный... Правду ведь говорят, что перед смертью не надышишься. Но почему-то этот последний глоток воздуха всегда самый необходимый...

– Ты уже знаешь, что я детдомовка. Поэтому не буду рассказывать об этом периоде своей жизни и давить на жалость.

К тому, что со мной впоследствии приключилось, это не имеет никакого отношения... Так вот, Люба и Ставр забрали меня из приюта в четырнадцать. В то время я была уже взрослой барышней... Опытной! – с Дашкиных губ снова сорвался смешок, у Германа мороз шёл по коже, когда она так смеялась!

– Даш...

– Нет-нет! Это ведь самое начало... В самой лайтовой версии... Что же ты слабонервный такой, Герочка?!

Дашкино веселье и показная бравада были наигранными. Он не поверил им ни на секунду! А насмешливое «Герочка» так и вовсе пропустил мимо ушей. Загнанный в угол волк всегда кусается. Он это мог понять.

– Даш...

– Да послушай ты! Я прожила у них пару месяцев, и залетела. Хотела аборт сделать, вот только Люба не позволила. А потом родился Ян, и я, наконец, поняла, ради чего мне жить... И все было неплохо, пока я не попала на съемки.

– Даш...

– Я ужасно боялась, Герман. Так боялась! До регулярных панических атак... До бессонницы... Кажется, в то время я вообще не спала!

– Боязнь сцены?

– Нет! Что ты! Боязнь не справиться. Разочароваться и разочаровать... Я ведь считала себя полным ничтожеством, понимаешь? А тут такой шанс! И... Ты. Да-да, не смотри на

меня так... Мне ты виделся каким-то божеством. Или инопланетянином... Я не знала таких мужчин, не думала, что они вообще такими бывают. Как насмешка... Ведь через меня их столько прошло... Но ты был совершенно особенным. Другим. Нереальным. Уверенным в себе и в том, что делаешь... Самодостаточным. Ужасно красивым... Я так хотела произвести на тебя впечатление...

– Ты и произвела.

– Могу себе представить...

– Я говорю на полном серьезе. Ты зацепила меня. Очень. Только, после гибели сына все отошло на второй план.

Даша вздохнула, и прикрыла глаза.

– Ладно... Это сейчас неважно. Дело в другом... Мне угрожают. Или шантажируют, не знаю, как правильнее обозначить то, что происходит...

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Герман. И что-то в его голосе заставило Дашу обратить на себя внимание. Она подняла веки и натолкнулась на цепкий пронизывающий взгляд. В нем что-то неуловимо изменилось... Присущая Герману вальяжность испарилась в мгновение ока. Он стал совершенно другим. Собранным, отстраненным, жестким...

– Даша, не молчи!

Да... Она сама затеяла этот разговор. Поэтому играть в молчанку не имело смысла. Ей просто нужно собраться, и покончить со всем одним махом. Где только силы взять? Где

взять эти чертовы силы?

– Когда Керимов посадил меня на кокаин... Он стал меня использовать в качестве шлюхи для своих дружков. Вадик продавал меня самым отъявленным извращенцам. – Дашка облизала пересохшие губы. – Ничего нового, если честно, для меня не произошло. Малолеткой я продавала себя за кусок хлеба. Так что в этом плане, можно сказать, я даже выросла – доза-то стоила гораздо больше...

Дашкин голос был непривычно тихим и каким-то надломленным. Герман смотрел на неё в упор и слушал, не перебивая. Пытался осознать сказанное, но как-то не получалось. Только злость поднялась внутри. И во рту мерзкий привкус появился... Будто он съел что-то несвежее, или болотной воды хлебнул.

– Эти, с позволения сказать, «свидания» Керимов снимал на камеру. Я не знала, что он это делал! – закричала в отчаянии, но тут же сдулась, прошептав, задыхаясь: – А если бы и знала, то все равно не смогла бы ему помешать... В общем, он меня начал шантажировать этими пленками еще тогда... Чтобы сделать послушнее.

– Почему ты мне не сказала?! – возмутился Герман, и сразу же осознал, что не имел никакого права на эту претензию. И Дашкина иронично вскинутая бровь была лишь тому подтверждением.

– Ты был Богом для меня, помнишь? Мне было ужасно стыдно...

Девочка-девочка... Как же так? Герман отвернулся, якобы в поисках спичек. А на самом деле – просто не хотел, чтобы Даша увидела, как сильно его потряс её рассказ. Как в голову ударила ярость, и жажда мщения. И болезненно дикое сожаление, что он не смог тогда её защитить. Проклятые спички нашлись в ящике стола. Гера подкурил. Втянул в себя горький дым, выдохнул носом.

– Эти пленки исчезли из моей жизни вместе с самим Керимовым. Поначалу я вообще не задумывалась об их судьбе. Было не до этого. Меня так кошмарно ломало... – плотину сдержанности прорвала крохотная прозрачная капля. Но вряд ли Дашка заметила, что начала плакать. Она торопливо продолжила свой рассказ. – Понятия не имею, на чем держалась тогда. Ведь я даже жить не хотела. У меня была ужасная депрессия и совсем неутешительный диагноз – биполярное аффективное расстройство. БАП... Может, слышал? Сейчас это модный диагноз среди творческих личностей... – снова кривая улыбка напозгла на лицо. И Герману захотелось закричать: «Не надо! Не играй! Хочешь плакать – плачь. Только не играй, когда тебе так невыносимо больно. Не трать на это последние силы... Даша, Дашенька...», а Дашка, между тем, продолжала. – В общем, первые года полтора я просто пыталась выжить... Но со временем все улеглось. И так бы и продолжалось, если бы совсем недавно я не получила вот это...

Дашка прошла через комнату к тумбе, на которой стояла

сумка. Пошарила внутри, и достала порядком измятую записку. Она держала её аккуратно за самый край.

– Не хочу добавлять работы криминалистам на случай, если мне в дальнейшем придётся использовать её как вещдок, – пояснила свои действия, слизывая влагу с губ.

– Когда ты это обнаружила? Где это случилось? При каких обстоятельствах? – сыпал вопросами Герман, подойдя к Дашке вплотную. Приковав к себе её взгляд.

– В тот вечер, когда мы с тобой ужинали в ресторане Марго. Я вошла в номер – и увидела это под дверью.

– Почему ты мне сразу не рассказала?

– Потому что тогда это тебя не касалось.

– Бред...

– Нет, Герман. Тогда нас ничего не связывало. Но ты неминуемо окажешься под ударом, если между нами что-то произойдет...

Глава 20

Дашка была права, отчего ситуация еще сильнее запутывалась. Герман понимал это краем сознания. Просто не мог отрицать очевидные истины, как бы ему того не хотелось. Он слишком долго жил головой, слишком много прилагал усилий, выстраивая свое настоящее, чтобы вот так, запросто, поставить его под удар. Если пленки с компроматом на Дашку действительно существуют... Если они всплывут в разгар работы над фильмом, или, что еще хуже – перед премьерой – это погубит все. Несмотря на то, что он понятия не имел о том, что запечатлено на тех записях, Герман, тем не менее, абсолютно не сомневался в эффекте, который они произведут. Еще бы... Грязная изнанка кинематографа во всей красе. Шикарный информационный повод. Он уже видел кадры ток-шоу и гневные заголовки в прессе...

Затушив сигарету в пепельнице, он снова взглянул на Дашку. Сейчас она мало походила на ту женщину, которую он лицезрел еще пару часов назад на съемочной площадке. Она осунулась лицом, и даже как будто постарела. На ее щеках в тусклом свете гостиничного номера мерцали слезы, и Герман проклинал себя за то, что не может их осушить... Не может, махнув на все рукой, заявить, что всё сказанное Дашкой не имеет значения. Потому что, мать его так, оно имело... И не только для него. Для почти сотни душ съёмоч-

ной группы, для Марго, которая такого удара может не пережить, для продюсеров и спонсоров, которых он лишится, если фильм провалится в прокате из-за скандала...

– Да, ладно... Не нервничай так. Я ведь все понимаю, Герман. Собственно, для этого и рассказала. Ну, чтоб меньше искушения было... Ты понимаешь.

Черт. Как же чертовски стыдно... Стыдно за свое преступное молчание. За невозможность сказать – забей, я прикрою! Он не мог произнести этих слов! Не мог... Как и не мог отказаться от Даши или предложить ей тайную связь, после всего, что о ней узнал. Этой женщине нужно было совсем другое... А не интрижка, скрытая от глаз.

– Я понимаю... И ты совершенно права в том, что нам не стоит сейчас выставлять отношения напоказ.

Даша истерично хмыкнула:

– Конечно.

– Ты не поняла... Я не хочу тебя прятать...

– Да и не получится, Гер. Я сама на это не соглашусь. Не соглашусь... Понимаешь?

– Вот и не прошу...

– Тогда, о чем ты толкуешь?

– Время... Я прошу дать мне немного времени, чтобы со всем разобраться.

– Конечно... – повторила Даша, улыбнулась, и устало осела на кровать. И, вроде бы, она согласилась. Но что-то в её ответе не давало Герману покоя. Он снова подкурил, при-

стально наблюдая за её бесстрастным лицом.

– В первую очередь, нужно выяснить, кто подкинул записку. Возможно, это вообще никак не связано с Керимовым. Просто очередной повернутый... Разве мало таких? Потом... Нужно узнать, куда делись записи. У меня есть кое-какие связи в органах. Может быть, что-то получится...

– Ты сам себе веришь? – равнодушно спросила Даша.

– А почему нет?

– Столько лет прошло, Герман... Столько чертовых лет...

– Тем более, пришло время покончить со всем этим дерьмом! Я приложу для этого все усилия.

– Конечно... Герман, знаешь... я так устала. Давай... давай в другой раз продолжим, а?

Герман резко выдохнул дым, бросил на Дашку еще один пристальный взгляд, прекрасно осознавая, что та не поверила ни единому его слову! Она вообще вряд ли воспринимала их всерьез. Недоверчивая. Она была такая недоверчивая! И отстраненная... Герман преодолел комнату, присел на колени прямо перед ней и, обхватив ладонями лицо, спросил:

– Не веришь мне, да?

Даша опустила веки, отгораживаясь. Прячась, будто бы за чертовой ширмой. Это было бы так легко – поверить... Ведь рядом с ним больше всего хотелось отпустить себя, рассказать о боли, что столько лет сидела внутри! Поведасть обо всех своих кошмарах... Обо всех бессонных ночах. О том, как невыносимо ей было... Жить... ходить... дышать. О том,

как мучительно долго себя искала, однажды потеряв в свете софитов. О том, сколько раз сжимала лезвие бритвы, и в последний момент отбрасывала его, теряя рассудок от желания все прекратить. О том, как она боялась, что пленки когда-то всплывут, и их увидит сын...

– Даша!

– Уже ничего нельзя сделать. Слишком много времени прошло... Слишком поздно!

– А мы попробуем. Кто подкинул записку, уж точно можно узнать. Ты, главное, знай, что я рядом. Мы справимся, Даша. Найдем выход. Обещаю... Просто дай мне немного времени.

Даша всхлипнула. Непонятно, почему именно сейчас. Столько держалась, а тут... не смогла. Наверное, устала быть сильной. Устала от одиночества. Захотелось хоть на мгновение прислониться к кому-то... Коснуться едва-едва! Удивительно... У нее были близкие вроде бы люди, но на самом деле – не было никого. Даже Ян... сын... ей не принадлежал. Дашка прекрасно понимала, что может в любой момент подойти, обнять его, и он никогда её не оттолкнет, сожмет в объятиях в ответ, улыбнется... Но она также знала, что уже через пару секунд наступит тот самый момент, когда они вновь разойдутся в разные стороны... Сколько она себя помнила, Дашу не покидало чувство, будто бы она наблюдает за собственной жизнью со стороны. Наблюдает, но никогда не участвует. Одинокая. Ужасно одинокая!

Даша зажмурила глаза, устраиваясь на самом краю постели. Силы её окончательно покинули. Раз – и ничего не осталось. Ей требовался перерыв и некоторое время на то, чтобы восстановить душевное равновесие. Несмотря на знойное лето, казалось, что у неё внутри засела ледяная сосулька. Может быть, только на ней Дашка еще и держалась? На хрупкой, ломкой сосульке из непролитых слез...

– Эй... Ты в порядке, Даш?

– Да. Замерзла... только... немного. Захлопнешь за собой дверь?

Замерзла? Герман ничего не понимал. В комнате даже кондиционер не работал! И адская жара, несмотря на глубокую ночь, проникала в каждую щель. Он пять раз взмок за время их разговора! Но Даша... она и правда едва не стучала зубами. Гера коснулся её ладонью. Только температуры им и не хватало для полного счастья! Но опасения мужчины не подтвердились. Дашкин лоб оказался ледяным... Впрочем, как и руки женщины.

– Так ужасно холодно...

Психосоматика. Наверное, вот что с нею произошло. Организм странным образом отреагировал на стресс, и Герман понятия не имел, чем ей можно было помочь! А она нуждалась в участии, тут и к бабке ходить не надо!

– Перекатывайся!

– К-ку-да?

– На тот край, ну же, я стащу покрывало!

Даша послушно выполнила просьбу мужчины, сжалась в комок, надеясь, что таким образом ей удастся удержать в себе как можно больше тепла. Она не понимала, что с нею происходило. И не пыталась анализировать. Ей безумно хотелось спать.

Герман вытащил из шкафа теплое одеяло и набросил его на Дашку. А потом, недолго думая, забрался к ней сам. Где-то он читал, что человеческое тепло способно согреть гораздо лучше всяких одеял.

– Ну-ка, двигайся!

Дашка потрясённо распахнула глаза, но все-таки сдвинулась еще на несколько сантиметров.

– Что ты делаешь?

– Грею тебя... Спи!

В который раз за вечер её лицо дрогнуло. Только на этот раз Дашке не удалось взять ситуацию под контроль. Её маска пошла трещинами... Рот болезненно искривился, и с губ сорвался мучительный стон... А потом она заплакала. Тихо, не имея сил даже на истерику.

Герман обнял её двумя руками, прижал лицом к груди:

– Поплачь... Поплачь, маленькая... Тебе нужно.

Час спустя, когда, окончательно вымотавшись, Даша все же уснула, Герман выбрался из кровати. Нельзя было допустить, чтобы их увидели вместе. Сплетни сейчас ни к чему... Им следует держать при себе искрящиеся чувства, и не отвечивать. По крайней мере, пока не прояснится ситуация

с угрозами и Керимовым. Последние годы Гера ничего о нем не слышал. Тот просто исчез из мира кино, и до этих пор Германа не волновало, что послужило тому причиной. Его не заботила судьба этой твари... Но сейчас все изменилось. Оказалось, что Вадик зашел еще дальше, чем можно было предположить. Отбитый на всю голову моральный урод.

Герман посмотрел на часы и нетерпеливо притопнул ногой. Три часа ночи – не лучшее время для звонка бабке. Та уже явно спит, и видит десятый сон. Но утром, они все равно созвонятся, потому что в друзьях у Марго были такие люди, помощь которых им явно не помешает. Она подскажет, к кому обращаться... Она поймет! А пока:

– Валер... Доброй ночи. Серебрянский беспокоит. Нам нужно срочно усилить охрану на площадке.

– В три часа ночи? – прохрипел сонный голос на том конце провода.

– Именно. К утру все должно работать в усиленном режиме.

– Какая муха...

– Моей актрисе поступают угрозы. Дело серьезное.

– Эм... Ну, это, конечно, можно организовать, но никак не к утру. Да и бюджет придется пересматривать...

– Я это улажу.

– Ну... Значит, посмотрим, что с этим можно сделать.

– Сейчас...

– Три часа ночи, мужик... – застонал Капустин.

– Валер... Дело серьезное. Я ведь уже сказал.

– Встаю, – после короткой паузы простонали на том конце провода. Видимо, в Валере, наконец, проснулись инстинкты защитника. Ну и что, что это случилось на пару минут позже, чем проснулся он сам? – Давай по угрозам... более детально.

– Сейчас сфотографирую записку. Текст тебе ничего не даст. Отпечатана на принтере. Ничего особенного.

– Одна несчастная записка, и ты меня будишь посреди ночи?

– Разве не ты мне говорил, что лучше перебдеть?

– Охрану... к актрисе приставляем?

– Скрытую. Обязательно. Пусть кто-нибудь за ней присматривает. Пришли топтунов... Непокойно мне что-то.

– Лады. Будут тебе топтуны. И счет, в котором много цифр, – хмыкнул Капустин.

– Лады. Пришли сегодня, прямо сейчас, кого-нибудь к семнадцатому номеру.

– Угу. Жди. Доброй ночи.

На душе стало немного спокойнее. С отставным боевым офицером Капустиным и его охранной конторой Герман сотрудничал уже не первый год. Тот был профессионалом своего дела, поэтому, многие «звезды» прибегали к услугам его агентства. «Атлант» обеспечивал охрану всевозможных кинофестивалей, концертов и прочих шоу. Например, депутатские встречи с электоратом. В общем, клиентура Капустина была достаточно разношерстной.

Телефон дробно тенькнул. Пришла sms. «Ребята на посту. Можешь уходить, Терминатор». Герман хмыкнул. Провел по взмокшему лбу. Включить бы кондиционер, но Даша только начала согреваться. Мужчина осторожно подошел к кровати, коснулся курносого носа, который наконец-то стал теплым. Чуть не рассмеялся своему жесту, потому что таким образом обычно проверяли самочувствие собак, но никак не людей. Да так и замер. От её колдовской, совершенно нереальной какой-то красоты. Сколько же она пережила? Сколько мучительных воспоминаний были скрыты за толщей обобщенных слов? Вроде, и не таила ничего. Говорила, как есть... Не пыталась казаться лучше, выплевывая слова. Не щадила. Ни его, ни себя. Но сколько всего невысказанного осталось? Того, что в душе ядовитой стрелой сидело, отравляя всё? Каждый день, каждую чертову секунду и без того быстротечной жизни? Как она вообще с этим справлялась? Какой сильной должна была быть, чтобы нести всё в себе? Не просто нести... а карабкаться с этим грузом вверх по отвесной скале куда-то на вершину жизни? К чему она стремилась, какие цели для себя поставила? И что будет, когда она их достигнет?

Капелька пота медленно стекла по скуле. Через шею и дальше вниз – во впадину под горлом. Жарко... Было так невыносимо жарко. Будто бы у адских ворот. А может, так оно и было. Во что он ввязывался? Куда приведет его эта дорожка? Ответов не было, и не могло быть. Одно Герман

знал совершенно точно – он выбрал свой путь. В очередной раз проигнорировав разворачивающуюся под ногами дорогу. Свернул в никуда. Когда-то давно, когда над Герой еще довлела гениальность Андрона, а страх не соответствовать громкой дедовой фамилии скручивал внутренности в узлы, Марго дала ему бесценный совет. Именно он позволил Герману стать тем, кем он был. Бабка сказала: «Проще всего человеку идти по проторенной кем-то тропинке. Только, знаешь, что? На ней не остается следов... Они теряются в миллионах других... Но если ты хочешь оставить свой собственный яркий отпечаток присутствия... то у тебя нет иного выбора, кроме как пойти туда, где никто еще не ходил».

Сейчас Герман больше всего хотел оставить свой след в Дашкиной жизни. Да... ему не привыкать рисковать.

Глава 21

Герман не хотел, чтобы об усилении охраны на площадке хоть кто-нибудь узнал. Поэтому деньги на это дело выложил из собственного кармана, дополнительно проинструктировав Капустина не распространяться на данную тему. В противном случае, продюсеры могли заинтересоваться, с чего это он так расщедрился, а Гере сейчас это и даром было не нужно.

Для Капустина не имело значения, кто ему платит, поэтому охрана была усилена уже к утру. А ночью на площадке установили скрытые камеры, которые теперь вели непрерывную запись. Эти меры позволили Герману хоть немного расслабиться. Но больше всего его, конечно, успокоил разговор с Марго. Как он и думал, бабка помогла. Без разговоров, без всяких попыток отговорить... Просто выслушала – и позволила кому надо. Да, Герман сам был взрослым мальчиком. Имел связи, и связи немалые... Но существовали двери, в которые просто так не войти. Они открывались только для избранных, проверенных временем людей. Таким человеком и была его бабка.

– Герочка, ты хорошо понимаешь, во что ввязываешься? – только и спросила она.

– Отдаю себе полный отчет.

– Это хорошо... Дашу нельзя обижать. Нельзя.

– Она сильная, Марго. Стальная...

– Даже сталь ломается. Тебе ли не знать? Береги её и себя.

Я люблю тебя, дорогой, и невозможно скучаю.

– У нас любовь взаимная, Марго. Ты знаешь. И... да, спасибо тебе за все.

– Я еще ничего не сделала.

– Ты уже сделала даже больше, чем думаешь. Спасибо, что не пыталась меня отговорить.

– Это было бы так просто – отойти в сторону...

– Да... Но не для меня.

– Тогда жди новостей.

Новости поступили даже быстрее, чем Герман надеялся. Оказалось, что Керимова посадили. Давно. Практически сразу же после Дашкиного исчезновения с радаров светской жизни. Вадику инкриминировали сбыт наркотиков и распространение порнографии. Дали ему пятнадцать лет. Отсидел, правда, меньше. Вышел по амнистии чуть больше года назад.

– Откуда ты это всё узнал? Как удалось? – потрясенно поинтересовалась Дашка, когда Герман выложил ей всю известную на данный момент информацию.

– Несколько звонков нужным людям. Это ведь несложно совсем.

Он хлопнула глазами, как соенок совсем, и губы мужчины невольно растянулись в улыбке.

– Сидел... Керимов сидел... Надо же! Нет... Ну, разве это

не торжество справедливости? Я прямо чувствую, как во мне возрождается вера в добро...

– Он уже год на воле. Вот, что меня напрягает.

Дашка зарылась рукой в растрепанные, еще немного влажные после душа волосы и покосилась на собеседника. Её тоже многое напрягало. Выворачивало душу наизнанку, жгло мозг. Например, вера, которая капля по капле просачивалась в сердце, игнорируя все возведенные ею барьеры. Когда Герман сказал, что она может на него рассчитывать, Дашка не слишком прониклась его словами. В тот момент ей было совершенно не до них. Позже, анализируя сказанное, молодая женщина пришла к выводу, что, в силу своего врожденного благородства, он просто не мог поступить по-другому. Как-то иначе повести разговор. Но, все же, она практически не сомневалась, что, как только Герман в полной мере осознает масштаб возможных для себя негативных последствий, он найдет способ, как выйти из игры, сохранив лицо. Однако шли дни... А он все также был рядом. Более того – Герман воплощал в жизнь все свои обещания. Не зря ведь к ней приставили охрану, которую Дашка вычислила в первый же день. После того жизненного опыта, что она получила на базе Ставших, ей это не составило никакого труда. Выходит, Герман о ней позаботился, и несмотря на то, что Дашке присутствие двух надсмотрщиков было совершенно не по душе, она не могла не думать об этом, замирая от какой-то неведомой раньше щемящей нежности. Как не могла

не думать и о каждой ночи, что он провел рядом с ней, разгоняя её кошмары.

– Ты сегодня опять планируешь спать здесь?

– Угу... А у тебя имеются какие-нибудь возражения?

– Нет. Просто пытаюсь понять, что не так с твоим номером. Клопы? Течь в кране? Неисправный бачок унитаза? – острила, сама не зная, для чего. Возможно, в отчаянной попытке удержаться на краю пропасти.

– С моим номером все в полном порядке. Кроме того, что в нем нет тебя, – не стал ей подыгрывать Герман. – Ну, чего застыла? Ложись...

Закусив дрожащую губу, Дашка скользнула под одеяло. Тут же вокруг ее хрупкого тела в старой футболке обвились крепкие мужские руки. Она позволила себя обнимать. Как и три предыдущие ночи, которые он провел рядом с ней. Согревая Дашку своим теплом, окутывая исключительным, только ему присущим ароматом. Совершенно невольно она подтянула тело повыше. Спрятала лицо в пространстве между его плечом и шеей. Зажмурилась и медленно, будто бы еще до конца не решив, а надо ли, обвила его торс рукой. Герман замер. Сердце пропустило удар, и вновь оглушительно застучало.

– Думаешь, это все же Керимов подложил ту записку? – прошептала Дашка.

– Не могу утверждать. На тех записках, что находятся в нашем распоряжении, ничего толком не видно. Кепка, надви-

нутая на глаза, свободная одежда... Это мог быть как мужчина, так и женщина.

– Ты мне ничего не говорил о записях. – Даша привсталала, опираясь на локоть, чтобы заглянуть Гере прямо в глаза.

Он поцеловал её в макушку и плавным, но настойчивым движением руки вновь опустил Дашку на подушку:

– Не хотелось тебя волновать. Результата ведь нет.

– Но ты столько всего сделал, и...

– Я сделал недостаточно. Мы все еще не знаем, кто это был.

– А что, если окажется, что никакой опасности не было вообще?

– Для нас это будет самый лучший вариант.

– Но ведь компания потратила на дополнительную охрану столько средств, и ты... я ведь понимаю, что тебе пришлось задействовать связи... Кто знает, что от тебя потребуются, чтобы закрыть долги? – вновь забеспокоилась Дашка.

– Пусть это тебя не беспокоит.

Ага! Можно подумать, она могла бы об этом не думать. Дашке порой казалось, что её голова превратилась в огромный котел, в котором с громким шипением переваривалось все происходящее.

– Я так не могу.

– А ты учись, Даша, учись...

Она промолчала, втянула его аромат и прикрыла глаза – наслаждаясь. Даша не знала, что будет впереди. Поэтому по

крохам собирала моменты счастья. Складывала их в драгоценную шкатулку памяти, чтобы потом возвращаться к ним вновь и вновь.

– Герман... Что касается работы...

– Да?

– Я все делаю правильно, или ты ко мне слишком лояльно относишься?

– Разве я похож на человека, который стал бы так поступать?

– Ну... Я ведь тебя совершенно не знаю.

– Думаю, что ты сама себя пытаешься обмануть.

Даша не стала спорить, и на несколько минут в комнате установилась тишина. Вот если бы так и в голове... Раз – и никаких мыслей. Никаких страхов...

– Когда мы разберемся со всеми проблемами... Ты должна понимать, – вдруг нарушил молчание Герман, – что, будучи со мной, неважно, в каком качестве... Тебе нужно будет ежесекундно доказывать свой профессионализм. Не мне. Я в нем не сомневаюсь. Зрителю... Критикам... Злопыхателям. Твоя планка будет задрана так высоко, что в какой-то момент тебе просто захочется опустить руки. Потому что суставы будут невыносимо ныть, а мышцы дрожать от напряжения...

– Надеюсь, это аллегория? – Дашка потерлась носом о бок мужчины, не слишком серьезно воспринимая всё, что он сказал. Для неё в словах Германа ключевыми словами бы-

ли – «когда мы со всем разберемся». Все остальное не имело значения. Абсолютно. Потому что она банально не представляла, с чем тут вообще можно разобраться. Да, он приложил все усилия, чтобы докопаться до сути, но кто им сможет гарантировать, что компромата больше не существует, и что он никогда не всплывет? Нет таких гарантий, а значит, и будущего у них... Нет.

Утром Даша проснулась одна. Герман всегда уходил посреди ночи, не рискуя быть обнаруженным. Было бы обидно рассекретить то, что так и не случилось. В чужих глазах не случилось. Не в её... Не в Дашкиных. Для той, напротив, в происходящем было гораздо больше интимного, чем просто в сексе. Раскрываться перед кем-то, медленно, неторопливо... Наступив на горло собственным страхам, затолкнув поглубже горькие слезы... Стирая руки в кровь, слой за слоем сдирать стальную броню с души. И противиться этому изо всех сил, впрочем, уже смирившись с неизбежным.

Сегодня был не самый лучший день. Съёмки с Еленой... Дашка была к ним готова, и одновременно не была... Она выросла во всех смыслах, и вот что поняла – если такой талантливый человек, как Герман, не имеет к её игре никаких претензий, значит она действительно не такая уж и плохая актриса. И это оказалось очень легко – играть, отпустив все свои комплексы. Не дергаясь по каждому поводу и без такового. А просто получать удовольствие от всего происходящего. Сегодня с этим было сложнее.

Даша появилась на площадке, когда все уже собрались. Прислушавшись к разговору, поняла, что среди членов команды завязался нешуточный спор. Одни защищали главную героиню ленты, которая сумела завязать с наркотиками, а вторые доказывали, что такое только в кино и бывает. Была среди них и Елена, которая, завидев Дашку, не удержалась:

– А вы бы, ребятки, у нашей звезды спросили. Лучшего эксперта вам точно не найти. Так, что скажешь, Дашенька, можно ли завязать с наркотой?

На подсознательном уровне Даша была готова к чему-то подобному. Было даже удивительно, что она так долго продержалась без всего этого дерьма. И, наверное, поэтому укол заслуженной не достиг своей цели. Даша пожалала худыми плечами, взяла предложенный смущенной ассистенткой кофе, отпила его, и только тогда заговорила:

– Для человека в этой жизни возможно все, Елена. Для человека...

Даша спокойно отошла в сторону, достав из сумки распечатки с описанием сцены. Просмотрела их, в который раз. Спустя пару минут её пригласили в гримерную. И без того разговорчивые девочки-художницы сегодня были особенно шумными. Таким образом, те, по-видимому, старались загладить неловкость от слов Елены, которая сидела здесь же – в соседнем кресле. Даша их щебетание слушала краем уха и листала журнал.

Уже привычные «камера», «мотор»... И Даша входит в

кадр. Сцена натурная, а потому довольно сложная. Завидев героиню, мать героя перебегает оживленную улицу и, ухватив ту за руку, требует оставить ее сына в покое. У Даши в этой сцене короткая реплика «мы это уже проходили», и, конечно же, для нее нет ничего сложного в том, чтобы запомнить эти слова. Но когда запыхавшаяся Елена с испариной на лбу выбегает на тротуар, Даша безучастно ее выслушивает и... молчит.

– Стоп, ребята... Я кажется, забыла свою реплику.

– Ок, Даша, твоя фраза «мы это уже проходили». Сосредоточься...

– Конечно. Извините...

– Все на исходные позиции... Сцена тридцать четыре. Дубль два.

Щелчок девочки-хлопушки, Елена снова несется через улицу, неуклюже перепрыгивает ограждение и хватает Дашу за руку. И та снова молчит.

– Извините... Сегодня, видимо, не мой день. Не могу вспомнить слова, – сокрушенно качает головой Дашка, но ей ни капли не жаль. Она получает удовольствие от того, как эта полностью перекроенная, гнилая тетка, обливаясь потом, бегает туда-сюда. Она запоролла еще три дубля, и на пятый раз Елена не выдержала:

– Да ты издеваешься надо мной!

– И ты это только сейчас поняла? – равнодушно заметила Дашка, пригубив из бутылки воду.

– Ну, ты и сука...

– Ага... Имей в виду на будущее. А то, мало ли...

– Даша, ну что опять не так?! – к ним подбежал оператор и требовательно уставился на актрису. – Тебе просто нужно произнести «мы это уже проходили» и отойти на вот эту метку.

– На метку, Даша! В твоей деревне знают, что это такое? – завелась Елена. – Ну-ка, смотри... Мастер-класс... Мы это уже проходили! – кричит актриса и отступает назад. Решетка, на которой крепились осветительные приборы, начала неестественно раскачиваться. На площадке поднялся крик, заглушаемый шумом большого города. Огромные софиты сорвались, как листья с дерева, и полетели прямо на застывшую в ужасе Елену. В последнюю секунду Дашка успела резко дернуть женщину на себя, тем самым спасая ей жизнь. А потом лежала прямо на асфальте, придавленная тушей рыдающей народной артистки, и разглядывала пустыми глазами серое, неласковое небо.

Глава 22

К вечеру пошел дождь и значительно похолодало. Но ничто в этом мире не заставило бы Германа остыть. Или хоть как-то взять себя в руки. Все его попытки обуздать клокочущую внутри ярость терпели сокрушительное фиаско. Пожалуй, впервые в жизни он был так зол. И так сильно напуган.

Притихшая команда настороженно следила за метаниями своего режиссёра. В павильоне присутствовали все. Не было только Даши и впавшей в истерику Елены. Хоть как-то держаться Герману позволяло лишь понимание того, что его люди не пострадали. Нет, не так... Понимание того, что не пострадала Даша. На остальных в данный момент ему было плевать. Хотя это было и неправильно, с какой стороны ни посмотри. Никогда в жизни он так не боялся. Не знал настолько всепоглощающего, сковывающего тело страха. Он оцепенел. Замер, не в силах пошевелиться. Вечерний город жил своей жизнью, сигналили машины, гремел проезжающий по соседней улице трамвай, на площадке поднялся крик, кто-то куда-то бежал... А Герман не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Пока второй режиссер не потрепал его по плечу:

– Гера, нам нужно быть там.

Герман моргнул, провел ладонями по лицу, стряхивая с себя ужас произошедшего, и побежал. Вокруг Дашки и Еле-

ны собралась толпа.

– Разойдитесь! – рявкнул. Его горло до сих пор было спазмировано, отчего голос вышел сиплым и каким-то надтреснутым.

Кто-то неподалеку отдавал команды не мешать работе охраны. Те уже включились в процесс осмотра места происшествия. Герман отмечал все происходящее, но пока не вникал. Все его внимание было сосредоточено на девушке, которую закутали в плед и отпаивали сладким чаем. Он следил за ней взглядом, отмечая, что Дашка неплохо держится. Даже пытается вымученно улыбаться, в отличие от той же Елены, которая абсолютно себя не контролировала.

Сердце болезненно заныло. Казалось, еще немного, и оно разорвется на части от переполняющих чувств. Чувств, подчиняющих себе, лишаящих воли. Когда ты сам себе не принадлежишь, не контролируешь собственное тело, которое рвется к ней. Она была такой мужественной, такой сильной... И плевать, что им не стоит выпячивать свои отношения. Плевать... Сделав шаг:

– Ты как?

– Ничего. Все обошлось...

Герман ступил еще ближе. Сжал руками тонкие Дашкины руки чуть выше локтей и повторил зачем-то:

– Ты как?

Она улыбнулась дрожащими губами:

– В норме. Хотя это и не самый лучший день в моей жиз-

ни.

Он не стал ничего больше спрашивать. Просто смотрел. И такое в его глазах сумасшествие творилось! Что, если бы могла, Дашка, наверное бы, отступила... Прочь от этой бездны! Но льдистая пропасть его глаз закручивала и манила... Не оставляя ни единого шанса на спасение.

– Герман Маркович... Вам следует кое-что знать.

Кто-то настойчиво дергал Германа за руку, но он не сразу смог отвести взгляд от Дашки. Ну, что там опять? Почему их прерывают? Зачем?! Моргнул:

– Что-то случилось?

– Еще бы. Где мы можем переговорить без свидетелей?

Гера снова перевел взгляд на Дашку.

– Иди, – шепнула она, в глубине души радуясь, что получила отсрочку. – Иди. У меня все хорошо.

Герман послушно кивнул и пошел вслед за начальником охраны. Как он и думал, с крепежами все было в полном порядке. В отличие от большинства отечественных режиссеров, Герман не экономил на крепежном оборудовании. В арсенале его съемочной группы находились лучшие крепежные приспособления, которые только можно было приобрести. Такие вещи не ломались! Не выходили из строя!

– Вы хотите сказать, что их просто не закрепили, как следует?

– Данный факт не вызывает сомнений, – нахмурился мужчина. – И учитывая то, что Дарье угрожали, думаю, что это

произошло не случайно.

Герман вскинул голову.

– Конструкция бы рухнула прямо на Дашу, подойди она к ней...

– Наверное, так бы и случилось.

– Рада, зови сюда гаффера и всех осветителей, – рыкнул Герман на застывшую в дверях помощницу.

Разговор с поникшим гаффером ничего не дал. Тот, едва не плача, заверил режиссера, что лично проверял все крепления перед началом съемок. У Германа не было оснований ему не доверять. С Самойловым они работали уже добрый десяток лет. Он был асом своего дела, который не мог допустить подобного рода ошибку. Значит, на площадке случилась намеренная диверсия.

– Куда смотрела охрана? – рыкнул мужчина.

– Герман Маркович, мы и предположить не могли, что опасность может исходить...

– А должны были! – перебил начальника охраны режиссер. – Я плачу вам чертову уйму денег! Иваныч, ты когда проводил финальную проверку осветительных приборов?

– Минут за сорок до начала... – дернул кадыком пожилой гаффер.

– Тебе плохо, что ли? – с опаской покосился на мужчину Гера.

– Понятия не имею, как такое произошло... Со мной никогда такого не случилось... – бормотал тот, вытирая плат-

ком пот со лба.

– Мне нужно задать вам пару вопросов, возможно, вы видели что-то подозрительное...

– Нет, ничего такого! Я бы в жизни никого не подпустил к своему оборудованию.

– Может, твои ребята что-то видели?

– Они бы сказали...

– Все равно, я всех опрошусь, – настаивал начальник охраны. – Нам бы криминалиста толкового, Герман Маркович. Пока не поздно...

– Звони Капустину. Пусть всех на ноги поднимает...

Герман отошел к стене, и устало провел рукой по лицу. Теперь не имело смысла скрывать причину усиления мер безопасности на площадке. Умолчать о сложившейся ситуации не получится. Испорчено дорогостоящее оборудование, да и Елену в жизни не заткнешь. А значит, впереди неприятный разговор с продюсерами, к которому следовало основательно подготовиться. Нужно было постараться извернуться так, чтобы объяснить ситуацию, умолчав о том, что тревожило Дашку. Умолчав о шантаже... Никто не должен был узнать правду.

– Герман Маркович, мы закончили с осветителями. Те клянутся, что ничего подозрительного не видели. И подтверждают слова Самойлова о том, что он проверял конструкцию перед началом съемок.

– Значит, опросите всех присутствующих. Мне ли вас

учить?

– Уже... Так и делаем.

Весь вечер Герман провел на ногах. Он переговорил с Давидом, Марго и рекомендованным им человеком. Тот пообещал прислать компетентных людей, которые помогут бы разобраться со сложившейся ситуацией. Слова Германа о том, что на месте уже работают профессионалы, Николай Иванович – именно так представился незнакомец, тихонько хмыкнул, заметив:

– Мои люди – профессионалы.

Видимо, это должно было объяснить всё. И, черт побери, у Геры не было никаких сомнений в его словах!

– Герман Маркович, – вдруг снова заговорил Николай Иванович, когда Герман уже решил повесить трубку.

– Да?!

– А что вам известно о самой Дарье? В курсе ли вы, к какой семье она принадлежит?

– Даша – сирота. Её удочерили Ставские. Мы, кажется, уже говорили об этом.

– Говорить-то говорили... Вот только, учитывая возможности её семьи, для меня несколько удивительно лично мое участие во всем происходящем.

– Почему? – растерялся Герман. Нет, конечно, у приёмной матери Любы была очень непростая семья. Очень богатая... Но порой даже деньги ничего не решали.

– Ставр Ставший... Что вам известно об этом человеке?

Герман напрягся:

– Ничего. А что должно быть?

– Он поможет. Обратитесь к нему.

– Это означает, что вы отказываетесь с нами работать? – не понял ситуацию Герман.

– Я не отказываюсь. Я лишь говорю о том, что Ставр Ставший может знать гораздо больше, чем мы хоть когда-нибудь узнаем. Введите его в курс дела. Мой вам совет.

Николай Иванович положил трубку, а Герман, окинув взглядом толпу, устало потер виски.

– Расходитесь, ребята. Завтра нас ждет тяжелый день. Пока мы не выяснили, что, мать его, происходит, будьте, пожалуйста, предельно внимательны и осторожны.

Толпа одобрительно загудела и двинулась к выходу из павильона. Дождавшись, пока все уйдут, Герман судорожно втянул воздух, и устало откинулся на стену. Наконец этот день закончился. Наконец он может пойти к Дашке... Никто не скажет, что он бросил команду в самый ответственный момент. Он был с ними до конца и делал то, что должен был делать. Исполнял свой долг... Так почему на душе скребли кошки? Почему в животе все скручивалось в тугой узел от неправильности происходящего? Почему весь сегодняшний день он больше всего хотел все бросить к чертям, и пойти к ней?! Наверняка, напуганной и несчастной.

Непогода усиливалась. Дождь лил, как из ведра. Герман продрог до костей, пока добрался до гостиницы. Медленно

поднялся по ступенькам и замер возле самой двери, не решаясь сделать последний шаг. Давая себе еще немного времени, потому, что потом... ничего не останется. Будет только она...

Вдохнул в последний раз поглубже, и будто бы в омут бросился, распахивая дверь. Свет не горел... Только луна купала в своем прозрачном серебряном свете хрупкий женский силуэт. Сердце пропустило удар. Герман сделал шаг вперед и замер от нереальности происходящего.

– Ты пришел...

– Недостаточно быстро...

– Ты... пришел.

Шаг, еще один, и вот она уже так близко... Легкие наполнились её свежим хмельным ароматом. Вдохнул его глубже, до черных точек перед глазами... Но все равно было мало. Хотелось еще... Чтобы молекулы её феромонов по его крови текли. Вместо никому не нужного сейчас кислорода...

Его трясло. И непонятно, холод тому был виной, или её присутствие. Скорее последнее. Несколько миллиметров между их телами – совершенно недостаточно, чтобы хоть как-то собой овладеть. А потому страшно... Невыносимо страшно. Будто бы в огненном кольце находишься. Некуда отступать. Нет возможности противостоять стихии... Да и такого желания нет... Ещё на миллиметр ближе. Почти у самых губ. Так близко, что её дыхание ожогами опаляло кожу. Клеймило... Вот оно как... бывает! Сердце выбивало

добрь. Веки отяжелели настолько, что Герман с трудом удерживал глаза открытыми. И смотрел, смотрел, смотрел... Как замороженный. В открытое окно ворвался горный прохладный ветер, бросил в лицо Дашкины волосы, окутал её ароматом, еще сильнее раздувая пламя желаний. В голову бухнула мысль – с ней все хорошо... Вот она – рядом подрагивает... От облегчения подкосились колени. Захотелось упасть на них и прошептать: Господи боже, спасибо... С ней и правда все хорошо... Но вместо этого в оглушающей тишине прозвучало:

– Я не отступлю.

Это могло означать что угодно, но Герман очень надеялся, что Дашка поймет его правильно. Сейчас он не смог бы точнее выразиться, не было слов...

– Я знаю... – прошептала тихонько, у самых губ.

Он все же сдался – прикрыл глаза, опасаясь напугать Дашку их сумасшедшей прорвой. И балансируя у черты, коснулся искушенных губ. Он ошибался. Ни один пожар в мире не сравнился бы с нею... Она, как вулкан... По телу раскаленной лавой растекалась. Меняя все... Меняя его навсегда.

– Девочка, Дашенька...

Скользнул руками под тонкое платье, прошелся вверх по ногам, сминая юбку. Губы коснулись колотящегося пульса, прикусили ключицу. Она застонала и, откинувшись в его руках, вплотную прижалась бедрами. Герман зашипел, впился пальцами в нежную кожу. Всем лицом потерся о ее шею, на-

верняка оставляя на ней свои метки. Сильнее прикусил, не в силах сдержать дикую примитивную потребность в ней. В ее горле завибрировал крик. Он почувствовал его скорее, чем услышал. Рыкнул в ответ, нетерпеливо стаскивая через голову футболку. Промокшая одежда раздражала кожу и была абсолютно лишней.

Дашка смотрела во все глаза. Подрагивающими пальцами зарылась в короткие волосы у него на груди, провела по соскам. Лизнула сжавшиеся бусины, так и не отведя взгляда. Герман дернул застежку на платье, но молния не поддалась.

– Сними эту тряпку, или я её разорву...

Дашка мигом выполнила команду, и тут же оказалась лежащей на спине. Его торопливые пальцы проникли в трусики и провели по гладкой промежности, разделяя ее сердцевину. Нетерпеливо скользнули внутрь, но тут же упругая плоть заняла их место.

– Бл*дь! – выругался куда-то в подушку, прежде чем жадно толкнулся в нее. – Не могу без тебя, Дашка... Уже не могу.

Он двигался и двигался, подгоняемый сумасшедшим удовольствием, он сгорал в ее пламени. Дашка хрипела, царапала спину, сотрясаемая его мощными толчками. Герман просунул руку между их телами и принялся настойчиво поглаживать ее налившийся, скользкий от выделений, клитор. Кольцо мышц вокруг него сжалось. Задыхаясь, и едва не скуля от невыносимого наслаждения, толкнулся сквозь этот захват – раз, другой, и... с хриплым стоном кончил.

Глава 23

Даша проснулась позже обычного. Солнце ярко светило в окно, и уже ничего не напоминало о разыгравшейся ночью буре. Только отголоски удовольствия, которые сладкими волнами все еще расходились по телу. Стихия вчера разыгралась не только за окном...

Взгляд скользнул по темной вихрастой макушке. Нежная улыбка растянула губы. Умаялся её мужчина... Проспал. Даша нерешительно занесла руку над головой любовника. Ей до зуда в пальцах хотелось провести по его мягким густым волосам, приласкать... Но почему-то не решалась.

– Смелей... – хриплым со сна голосом пробормотал Герман и, как большой породистый кот, сам «боднул» головой ее руку.

Даша тихонько рассмеялась и сделала, наконец, то, о чем давно мечтала. Погладила. С каким-то бесшабашным задором. Сегодня ей не хотелось думать о плохом, хотя за прошедшие сутки все усложнилось донельзя. Ей в кои-то веки захотелось стать безответственной, наплевав на всех и вся. Не вспоминать о подстерегающей опасности, о палаче, которого так и не смогли вычислить... И который угрожал ее жизни. Ей захотелось побыть живой, на случай, если эта самая жизнь оборвется...

Герман ластился... И ласкал сам.

– Эй... Мне нужно в душ...

– Потом...

– И в туалет...

– Фууу... Как неромантично.

Даша снова заулыбалась, так и продолжая медленно-медленно, едва касаясь, поглаживать мужчину. Впрочем, все веселье её покинуло, когда, будто бы протестуя против её несерьезности, Герман куснул сосок, который совершенно бесстыдно показался из-за съехавшей простыни.

– Гера... – выдохнула она.

– Да-да, я помню... В туалет. Только знаешь, что? Я где-то слышал, что в таком случае удовольствие гораздо более интенсивное. Давай проверим? – искушал он.

Даша всхлипнула. Выгнулась дугой, когда он, сжав руками обе ее вершинки, по очереди стал те посасывать. Помогал себе пальцами, превращая соски в острые, жаждущие ласки пики. Ему удалось отвлечь Дашку от ненужных мыслей. Уже через пару минут она вообще обо всем забыла. Стонала под ним, выгибалась, терлась, как кошка, всем телом.

Герман сходил с ума от ее податливости. Целовал хрупкие плечи, скользил губами вдоль живота. Одним плавным движением развел в стороны её длинные ноги, нажал большим пальцем на возбужденную горошину клитора. Даша зашипела, рефлекторно подкинув бедра, чем он тут же воспользовался, скользнув двумя пальцами внутрь. Поднялся выше, оперся лбом о ее лоб, просипел:

– Тугая, такая тугая...

– У меня давно никого не было.

Герман шевельнул пальцами. Еще, и еще. Наслаждаясь обволакивающей их влагой и жаром. Поймал ртом Дашины губы, куснул нижнюю. Он бы всю ее съел...

– Насколько давно? – требовательно поинтересовался мужчина.

– Очень давно.

– Год? – Герман добавил третий палец, и снова сосредоточил внимание на напряженной тугой груди.

Даша всхлипнула, раскинула ноги шире.

– Два?

Замер на секунду, и она протестующе замотала головой, одновременно с этим надавливая своей ладонью на его неподвижную руку.

– Сколько? – Герман не знал, почему это было так важно. Никогда раньше его не интересовали такие вопросы. Но только не сейчас.

– Почти тринадцать лет! – закричала Дашка и расплакалась. То ли от того, что пришлось в этом сознаться, то ли от удовольствия, которого её лишили.

Герман закашлялся. Просто подавился воздухом, который до этого яростно вдохнул. В бронхах жгло. И этот болезненный огонь распространялся по всему его телу виной. Сжигал в своем пламени все оправдания. Выносил приговор. Виновен... Виновен... Виновен! Нелогично и, если мыслить

рассудочно – безосновательно. Так раньше он и считал. Вот только теперь ко всему происходящему подключилось сердце, и все воспринималось совсем по-другому. Абсолютно иначе. Виновен... Мог уберечь ведь, мог... Почему, Господи? Почему так случилось? Какие ты выбираешь дороги, чтобы свести людей в одной точке? Почему отмеряешь им столько боли?

– Герман...

– Молчи...

– Ты ни в чем не виноват.

Он вскинул взгляд. Дернул кадыком, сглатывая застрявший в горле ком.

– Очень виноват. Очень...

– И зря... Я не хочу, чтобы между нами стояло еще и это. Я вообще не хочу, чтобы между нами хоть что-то стояло...

Даша отчаянно зажмурилась и призывно повела бедрами.

– Даша...

– Я хочу, чтобы ты меня любил, а не жалел, в попытке искупить вину. Я хочу, чтобы ты меня хотел.

– Твою ж мать... Можешь в этом не сомневаться. – Герман толкнулся горячей головкой в ее влажность и хрипло выругался, когда она оплела его поясницу ногами.

– Тогда люби меня... Люби... Как вчера.

Герман не мог отказаться от такого предложения. Сцепил зубы, погружаясь в нее медленно, по миллиметру. Вчера он не знал, какой перерыв был у Даши, а потому ненароком

мог причинить ей боль. Сегодня он будет осторожен. Плавно скользнув внутрь, замер окруженный подрагивающей тесной плотью. Закинул худые сильные ноги повыше. Медленно вышел, сводя Дашку с ума своей неспешностью. Она нетерпеливо толкалась навстречу, царапала ногтями сбившиеся простыни и его влажную от усилий сдержаться спину. Качнулся вперед, внимательно наблюдая за ее разгоряченным, наполненным страстью лицом. Погружался глубоко внутрь и, отступая, практически выходил, пока в один прекрасный момент не выскользнул вовсе.

– Герман... – захныкала Дашка, шаря рукой, чтобы помочь ему вернуться... Гера перехватил ее запястье, отвел в сторону и всей длиной проехался по ее сердцевине.

Даша сходила с ума. Терялась. Даже дышала через раз, когда вспоминала, как надо. Захлебывалась от удовольствия, но пила его, и пила... Чтобы утолить жажду. Чтобы хоть как-то притушить разгорающийся внизу пожар. А Герман раздувал его все сильнее, надавливая налившейся до предела головкой на её нежную плоть. Он бы еще долго ей дразнил, если бы Дашка не взяла ситуацию в свои руки. Изогнулась, как йог, качнула бедрами и, наконец, снова ощутила его глубоко в себе. Стиснула мышцами, не позволяя выйти. Заставляя его хрипеть от бешеного удовольствия...

Целую вечность спустя, Герман нашел в себе силы приподняться. Для тоненькой, измученной сексом Даши его вес был тем еще испытанием, но все равно она протестующе за-

стонала. Герман отвел волосы от ее лица, пристально всматриваясь в осоловевшие глаза:

– Что?

– Так хорошо с тобой... Не уходи.

– А работать кто будет?

– Ууу... Разве можно в такие моменты о работе вспоминать?

Герман улыбнулся, перекатился на бок, спустив ноги с кровати.

– Вот и не вспоминай. К тебе это не относится.

– Это почему же?

– У тебя законный выходной. Как и у всей съемочной группы. После вчерашнего вряд ли нам удастся сконцентрироваться на работе, а значит, не стоит и пытаться.

– А ты тогда куда торопишься? – нахмурила брови Даша. Воспоминания о вчерашнем нахлынули с новой силой. Никакие блоки их больше не сдерживали.

– Нужно разузнать, что и как. Попытаться ребят из охраны. Может быть, им что-то удалось выведать.

А еще следовало встретить спецов Николая Ивановича. Но об этом Дашке знать не обязательно. Не нужны ей лишние переживания.

– Держи меня в курсе, хорошо?

– Хорошо... – скупо улыбнулся Герман и, наплевав на все, вновь прижал Дашу к себе. – Не переживай, только... Теперь за тобой, как за хрустальной, приглядывать будут.

– Хорошо... – шепнула та. – Ты тоже береги себя...

Герман ушел, приняв душ. Дашка искупалась и вызвала горничную сменить белье, которое выглядело далеко не так презентабельно, как накануне. Переделав все дела, замерла посреди комнаты. Она не знала, чем заняться. Прятаться в комнате женщина не могла. Потому что никогда бы не позволила себя запугать. Кем бы ни был человек, планирующий покушение, она не даст ему насладиться собственным страхом. Не на ту напали! Уже через несколько минут, гордо вскинув голову, Даша вышла из номера. За ней тут же последовал ничем не примечательный человек. Мало кто мог разглядеть в нем профессионального охранника.

Несмотря на то, что Герман объявил выходной, в павильоне кипела работа. Послonyaвшись немного без дела, а также заверив каждого повстречавшегося на пути в собственном добром здравии, Даша примкнула к операторской группе. Те как раз просматривали отснятые вчера эпизоды и оживленно о чем-то беседовали. Даша тихонько примостилась на стул, прислушиваясь к обсуждению. Было интересно, хотя многого она все еще не понимала. Для нее то, что делали эти люди, было чем-то совершенно непостижимым. Как истинные художники, они творили магию. Именно их глазами зритель впоследствии видел фильм... Очень сложная работа, требующая стольких навыков и знаний! Если Герман решал, ЧТО показать в очередной сцене, то Ефрем принимал решение, КАК это сделать. Он, как самый настоящий художник, рисо-

вал фильм с помощью света и кинокамер. Именно поэтому у них на площадке порой находилось настолько огромное количество осветительных приборов, что они подчас занимали гораздо большую площадь, чем сам снимаемый кадр. И, как у любого художника, у Ефрема был свой, только ему присущий почерк. С помощью композиции, цвета, света и фактуры кадра он мог запросто воплотить в жизнь все замыслы режиссера, и даже придумать что-то свое. Очень сложная работа, очень интересная...

Даша сама не заметила, как влилась в обсуждение. Видимо, спросила что-то, а Ефрем ответил. Будто бы и не было этих лет. Тринадцать лет назад Даша также интересовалась всем-всем на площадке.

– Значит, ты считаешь, здесь лучше сверху снимать?

Даша резко вскинула голову. Когда здесь успел появиться Герман?

– Ну... я... Я ведь не профессионал...

– Это да. Но Ефрем мне еще в самом начале предлагал то же самое.

Вот те раз. Даша вскинула глаза на оператора, который буквально пять минут назад спорил с ней по этому поводу. Тот ухмыльнулся в густую бороду и поднял руки кверху:

– Поймали... Сдаюсь. На самом деле я хотел увидеть сцену твоими глазами. Ты ведь ее будешь играть.

– И как? – оживился Герман.

– Даше не хватало знаний, чтобы предложить свой вари-

ант, что, впрочем, полностью компенсировалось ее живым воображением. Подозреваю, мы видим эту сцену приблизительно одинаково.

Герман задумался. Ковырнул носком туфли щербинку на плитке, покрывающей пол.

– Я подумаю над этим... – прозвучал задумчивый ответ. – Даш, можешь отвлечься на пару минут? Ты мне нужна...

Даша кивнула головой и, попрощавшись с операторской группой, с которой провела без малого три часа, двинулась к выходу из павильона.

– Ну, узнал что-нибудь новенькое?

– Ничего...

Герман психовал. Она это чувствовала кожей. Нелегко такому человеку давалось бессилие. Он закипал. Дашке даже неудобно стало – ведь из-за нее это все. И ведь знала, что не должна была себя винить, но все равно винила...

– Слушай, Даш... А поехали куда-нибудь... погуляем? – предложил вдруг мужчина.

– Погуляем?

– Да! Осточертело это все... Просто погуляем. Ты и я. Думаю, для тебя нет никакой опасности. Никто ведь не знает о наших планах...

Провести время с Германом? Просто погулять? Как обычные люди? Забыв о вчерашнем происшествии и нависшей над всеми опасности? Она бы хотела... Дашу волновал лишь один вопрос – вопрос безопасности. Не своей, а окружа-

ющих её людей. Вчера уже чуть было не пострадал ни в чем неповинный человек. На чьей совести это было? Только лишь на совести преступника? Или... Дашина вина в том тоже присутствовала? Вина... Гадкое чувство, которое она гнала от себя все утро.

– Пойдем, Даш...

И они пошли. Даже машину не стали брать. Доехали на древнем гроыхающем трамвайчике до центра. И вышли у средневекового величественного костела. Шагали медленно, держась за руки, по тихим мощеным улочкам. Переговаривались время от времени, и останавливались, чтобы рассмотреть достопримечательности. Даша, голосом заправского экскурсовода, рассказывала спутнику местные легенды, которыми была богата эта земля, и во весь рот улыбалась. Но было что-то наигранное в этой улыбке. В ее душе все смешалось. И счастье, и горечь, и какая-то совершенно необъяснимая тяжесть, которую Даша не могла отнести на счет вчерашнего происшествия, как ни пыталась. Что-то засело в сердце занозой и не давало покоя. Чувство какой-то ужасной необратимости...

– Смотри, может, присядем?

Даша очнулась от собственных мыслей. Встряхнула головой. С ней рядом был великолепный мужчина. Мужчина, который дал ей так много! Который был готов бороться за нее, несмотря ни на что!

– Да. Давай... Здесь отличный кофе. И штрудель. Давай

закажем?

Они уселись в уличном кафе, из которого открывался фантастический вид на старый город, и сделали свой заказ. Без всякого стеснения Герман закинул Дашкины ноги себе на колени и принялся разминать уставшие ступни.

– Ну, рассказывай... О чем ты весь день думаешь? – серьезно глядя на спутницу, поинтересовался он.

– О чем? Не знаю. Наверное, о смысле жизни... Я всегда об этом думаю, гуляя по этим древним улочкам. Глупо, правда?

– Конечно. О чем здесь думать? Никакого смысла в жизни нет.

– То есть, как это? – удивилась Даша, переплетая свои пальцы с его.

– А вот так. Мы сами наполняем жизнь смыслом.

Даша моргнула, обдумывая сказанное. Растерянно провела по волосам, задумчиво прикусила пальцы...

– Что, озадачил? – Герман нежно провел по выпирающей косточке на запястье и, не удержавшись, поцеловал.

– Немного. Знаешь, я теперь понимаю, почему тебя причисляют к великим...

– О мамочкибожемой... – застонал Герман.

– Гений Серебрянского... – передразнила любимого Даша.

Герман громко рассмеялся, и уже у самых желанных на свете губ прошептал:

– Заткнись и поцелуй меня.

Глава 24

– Ну, вы посмотрите, кто домой вернулся! – закричала Люба, сбегая по ступенькам крыльца Даше навстречу. С ее рук прямо им на одежду сыпалась мука, но разве это имело значение? Даша тоже соскучилась... Вдохнула теплый Любин аромат, подмигнула вышедшему из дома Яну.

– Привет...

– Ну-ка, дай на тебя посмотрю... – Люба отстранилась от приемной дочери, внимательно её разглядывая. – Все хорошо? Тебя никто не обижает? – требовательно поинтересовалась она, воинственно нахмутив брови. С губ Даши сорвался смешок, а потом она и вовсе захохотала.

– Нет, ну, а что? – растерянно пробормотала женщина. – Ставр, вот чего она ржет?

– Наверное, потому, что считает себя взрослой и умудренной жизненным опытом, – хмыкнул Ставший, отставив в сторону ящик с овощами.

– Вот-вот. А ты со мной, как с первоклашкой, – улыбнулась Даша, выбирая из ящика свежий хрустящий огурчик.

– Я просто переживаю за тебя, – смутилась Люба, поглядывая на мужа.

– Не стоит, Люб, правда. У меня все хорошо... Даже лучше, чем я могла бы подумать, – заверила Дашка, переключаясь на сына: – А ты как, красавчик? Что нового? Не звонишь

мне даже... Совсем старушку забыл.

– Ну, извини, старушка, – передразнил мать Ян, – мы тут все в мыле. Готовим кое-кому праздник... – подмигнул игриво сынок.

Дашка опять рассмеялась. Вот же... вырастили сердцеда, девкам на погибель. Потрепав сына по плечу, женщина потянулась сладко, раскинула руки в стороны, будто бы в попытке обнять все кругом. Как же хорошо дома! Как замечательно, что ей всегда есть, куда вернуться. Место, где ее любят и ждут. Просто так, без всяких для себя выгод. Здесь было так тихо и спокойно... Умиротворяюще.

Этим утром Даша проснулась разбитой. Ей часто снились странные, подернутые дымкой сны, в которых она искала кого-то, звала, блуждала в одиночестве по запутанному лабиринту, не в силах найти выход. Сегодня ей тоже приснился лабиринт... Герман уже ушел, и в голову снова полезли всякие мысли. За прошедшие полторы недели им так и не удалось пролить свет на случившееся на площадке несчастье. Не удалось выяснить, кто подкинул Дашке записку, как и не удалось найти Керимова. Он как будто сквозь землю провалился, после того, как у него закончился срок испытания. Надежда на то, что правда откроется – таяла с каждым днем. А место надежды в душе потихоньку заполнялось страхом. Записи могли всплыть в любой момент. Но боялась Даша не этого. Напротив, она уже даже хотела вскрыть поскорее нарывы. В ее случае, ожидание смерти было хуже её самой. Она

столько лет боялась, что в какой-то момент страх разоблачения полностью исчерпался. Однако появились новые поводы для волнений. Даша опасалась навредить Герману. Страшилась, что ее счета с Керимовым коснутся кого-то еще... За себя так никогда не переживала, как за других...

Она стала чаще задумываться о смерти. То есть тема смерти и раньше занимала ее мысли, но теперь Даша размышляла о ней постоянно. Думала о том, что после всего, случившегося с ней, наверное, и не жила... Нет, жизнь, конечно, продолжалась, и в ней происходило много чего хорошего, но... Она как будто зависла в прошлом, наблюдая за всем со стороны, просеивая все происходящее через сито пережитого ею кошмара. И не чувствовала в полной мере вкуса жизни.

С появлением Германа все изменилось. Он дал ей то, чего у Даши никогда не было. Будто бы вывел из комы. Обрушил на нее тысячи различных эмоций... Наполнил её иссушенную душу счастьем. И ей понравился его вкус.

– О чем задумалась?

Даша обернулась на голос.

– Даже не знаю. В голове столько всего... Но... все хорошо, правда.

– Я рада за тебя. Очень рада...

– Спасибо, Люб. И еще раз извини, что сбросила на тебя подготовку праздника.

– Вот еще. Начнем с того, что ты вовсе его не хотела. Так что, все происходящее целиком и полностью на нашей с

Яном совести. Да и готово уже все. Не о чем переживать.

– И ромашками зал украшен? – подколола женщину Даша.

– Нет... – рассмеялась та. – Ромашками все украсят ночью. Иначе, задохнемся от их запаха. Знаешь, эти цветы имеют не очень приятный аромат.

– Как-то я не подумала об этом...

– Ну, и пусть! Это сейчас не важно. Лучше скажи, ждешь ли нам новых гостей.

– Новых гостей? – удивилась Дашка.

– Ну, я подумала, что ты, возможно, захочешь пригласить кого-то из съёмочной группы. Вдруг ты с кем-то успела познакомиться... Что скажешь? Нет?

Даша пожала плечами. Это был тот праздник, который бы она хотела провести исключительно в кругу семьи. Родных, тысячу лет знакомых людей. Она даже и не задумывалась о том, чтобы пригласить кого-то из своих новых приятелей. Единственным человеком, которого она хотела бы видеть сверх утвержденного списка, был, разве что, Герман. Но он не мог присутствовать на вечеринке. Они и без этого выбились из графика. В общем, Дашка даже предлагать ему ничего не стала. Не хотела ставить в неловкое положение. Все равно, работа Германа бы не отпустила. Он был той одержим...

– Нет. Никаких новых гостей.

– Ну, и ладно... Ты не передумала надевать то шикарное

платье от Zuhair Murad?

– Не-а. Оно висит в шкафу и ждет своего часа.

Дашке было немного неловко, что она не может разделить с Любой ее любовь к шикарным дизайнерским тряпкам, поскольку сама была к ним равнодушна. Но наряд, подаренный ей Любой на прошлый Новый год, вызывал трепет даже у нее. Произведение искусства, а не платье!

– Ты будешь в нем великолепна!

– Ага...

Дашка отвела взгляд. Удивительно, ей столько раз делали комплименты, но она до сих пор не научилась их принимать достойно. Воистину, комплексы родом из детства неистребимы...

– Ну, ладно... Я тогда пойду, ты, наверное, с дороги отдохнуть хочешь?

– Немного. Но потом можешь рассчитывать на меня. Я помочь не отказываюсь.

– Да, в принципе, все уже готово... – растерялась Люба. – Но ты можешь мне рассказать что-нибудь интересное о съемках...

– Хорошо, – улыбнулась Дашка Любиному энтузиазму. – Дай мне пару часов.

Вечер накануне Дашкиного тридцатилетия так и прошел – она рассказывала Любе киношные байки и помогала готовить ужин. В тот день они разошлись по домам довольно рано. Ян изъявил желание ночевать с Дашкой, и они еще

немного погоняли с ним в приставку. Однако уже через час, несмотря на протесты сына, та отправилась спать. Давно у нее не было такой возможности – лечь пораньше. С тех самых пор, как она стала спать с Германом. Интересно, как он сам выдерживал такой темп? И на площадке, и в постели?

Дома спалось хорошо. Родные стены тому способствовали. А может, и правда вымоталась сверх меры, да и напряжение спало. Все-таки только здесь Дашка чувствовала себя в полнейшей безопасности. А там... Несмотря на наличие профессиональной охраны – все равно оставалась настороже. Привыкла сама о себе заботиться и не изменяла своим привычкам.

Не успела Дашка проснуться, как на пороге ее спальни возник сначала сервировочный столик, а затем и Ян, собственной персоной. Сын первым решил поздравить ее с тридцатилетием. Улыбка сама собой напоззла на лицо.

– Хеппи бездей ту ю...

– О, Боже...

– Хеппи бездей ту ю...

Если в этой жизни и существовало что-нибудь такое, что не давалось Яну ни при каких обстоятельствах, так это – пение. Ему не то, что на ухо медведь наступил – он там брейк-данс станцевал. Или выбил чечетку.

– Знаю-знаю, – нисколько не смущаясь, оскалил зубы парень. – Пение – не мой конек. Зато я приготовил для тебя завтрак... С юбилеем, мама!

– Спасибо, дорогой, – расчувствовалась Дашка. Шмыгнула носом и сняла крышку с блюда. – Хоть кто-то мне принес завтрак в постель.

– Хм... Не просто кто-то, а сын! Это две большие разницы! Хотя, я не против, если кто-нибудь другой возьмет на себя эту функцию.

Ян игриво пошевелил бровями, и Даша закашлялась.

– Ты на что намекаешь?

– Ты – красотка, мам Даш. А вокруг полно нормальных парней.

– Да, неужели? – Даша смущенно отвела взгляд.

– Ага... Ну, ты давай... Ешь, и отправляйся в СПА. Там тебя уже ждут.

– В СПА?

– Угу. Подарок от фирмы! – рассмеялся сынок.

– Ух, ты! Живем!

Ян помахал матери рукой на прощание и вышел из комнаты. Дашка тут же схватилась за телефон. Герман!

«С днем рождения!»

«Ты уже спишь?»

«Спишь... А мне, вот, не спится... Непривычно без тебя. Возвращайся. У меня есть для тебя подарок»

Даша прикусила щеку. Сердце мучительно сжалось. Послевкусием пряной сладости накатила тоска. Горчинка – которой она не находила объяснения.

«Спасибо. Мне тоже без тебя как-то не так»

Оправила, не раздумывая, едва написала. Иначе – передумала бы, стерла бы набранное сообщение.

В гостиной послышался шум – с поздравлениями заявились Люба и Ставр. Ее вообще все поздравляли. Куда бы она ни пошла, наталкивалась на широкие улыбки и теплые пожелания. Ужасно трогательно. Почти до слез.

Герман перезвонил, когда за нее уже взялись девочки-косметологи, из-за чего разговор вышел скомканным и пустым... Хотя одно обстоятельство Дашку все же порадовало... Герман очень бурно отреагировал на ее рассказ о шоколадном обертывании. Она никогда не слышала, чтобы он так ругался.

– Оставь для меня чуточку шоколада... – прохрипел он.

Даша тихонько рассмеялась и положила трубку. Дабы не искушать. Его. И себя...

Сама вечеринка проходила на веранде центрального ресторана, которая действительно была украшена ромашками и зелеными веточками иглицы. Вместе с декоративными фонариками и шикарными кружевными скатертями на столах – они создавали поистине сказочную атмосферу.

– Очень красиво, – в полном восторге пробормотала именинница и, не сдержавшись, сжала приемную мать в крепких объятьях. – Спасибо, Любаш... Спасибо.

– Ну, а слезы чего на глазах?

– Нет-нет... Никаких слез. Это фонарики отсвечивают... – смущенно пробормотала Дашка и тут же сменила те-

му, завидев друга. – Привет, Костя! Ну, наконец-то... А я думала, где тебя носит?

– С днем рождения, Даша. С юбилеем.

– Не напоминай...

– Шикарно выглядишь, – неловко приобняв именинницу, добавил мужчина.

– Ага... Ничего, для такой старушки. Правда?

Даша подхватила платье и медленно повернулась, сияя, как утренняя звезда.

– Правда, – серьезно согласился Константин.

– Мам Даш... Вы чего застыли на ступенях, у нас с отцом уже слюнки текут!

– Кому что, а некоторым – лишь бы пожрать, – пробубнил Константин.

Дашка рассмеялась, подхватила его под руку:

– Пройдемте, сударь. Не будем задерживать голодающих...

Тот вечер навсегда врезался в Дашкину память. Лилась тихая музыка, вспоминались байки из жизни юбилярши, тосты затягивались, то и дело прерываясь взрывами смеха, щелкали фотоаппараты. Такие редкие моменты абсолютного, безграничного счастья. Она как раз вернулась к столу после медленного танца, на который Дашку пригласил Ян, когда Ставр, кряхтя, встал со своего места. В руке у него был зажат бокал, как будто он собирался произнести тост. Впрочем, так оно и было. Дашка взволнованно вытерла руки о

подол.

– Сегодня тебе тридцать. И хоть шестнадцать лет назад, помнится, ты считала этот возраст глубокой старостью, теперь, надеюсь, все изменилось.

Даша улыбнулась шутке приемного отца и дурашливо кивнула головой.

– Тридцать – это только начало. И несмотря на то, что ты уже многого в этой жизни добилась, еще большее тебя ждет впереди. Потому что ты этого достойна. Как никто другой. Я горжусь тобой, дочка... Я тобою горжусь.

Даша закусилла дрожащую губу. Горечь слез подступила к горлу. Это было настолько трогательно, что она забыла, как нужно дышать. Кислород застрял в легких и жег их... И она не могла выдавить из себя ни слова! А потому злилась... так злилась на себя!

– Кстати, о прошлых заслугах... Мы тут подумали, что тебе, может, будет приятно, если эта штука вернется к тебе...

Ставр сделал пару шагов к Дашке, ставя на стол перед ней подарочную коробку. Даша оставила губы в покое и до крови прикусила изнутри щеку, на которой яростно бился нерв.

– Откроешь? – поднял бровь мужчина.

Она не знала, где нашла в себе силы, чтобы просто пошевелить руками. Будто бы утопающий в поисках спасательного круга, осмотрелась, поймав Костин взгляд. Он одобряюще кивнул. Не решаясь снять крышку с коробки, посмотрела на Любу и сына. Те тоже кивали ей головой и улыбались. Это

немного отрезвило. В конце концов, ей и раньше дарили подарки. Почему же в этот раз её так накрыло? Только ли от слов Ставра, которых она совсем не ждала?

Коробка открылась легко. И Даша даже сумела натянуто улыбнуться родным, перед тем, как взглянуть на ее содержимое.

– О, мой Бог... О, мой Бог... Извините... Я... О, черт... Спасибо. О, черт... Извините... пожалуйста, мне просто нужна минуточка...

Дашка подхватила подол и побежала прочь из ресторана.

Глава 25

Они нашли ее статуэтку. Каким-то непостижимым образом, спустя столько лет, нашли... Ее Пальмовую ветвь. Самое большое жизненное достижение. И самый большой позор. Как? Как у них получилось? Сколько для этого потребовалось усилий, если даже сама Дашка не знала, где ее потеряла? Обдолбанная до абсолютной невменяемости, она вообще не помнила, что происходило в тот вечер...

За спиной раздались мягкие, практически бесшумные шаги. В иной ситуации Даша бы их и не услышала, но после перелома Костя передвигался несколько тяжеловато. Она очень бы хотела, чтобы к нему вернулась присущая ему легкость... Много бы за это отдала.

– Сыро на земле, Даш...

– А я на досточке.

– На, вот... Подстели. Застудишься еще, чего доброго.

Дашка шмыгнула носом и послушно села на Костин пиджак. Плечом вытерла слезы, которые никак не хотели оставаться.

– Я выставила себя полнейшей идиоткой, да?

Мужчина не спешил с ответом. Кряхтя, он уселся рядом, вытянул длинные ноги.

– Нет. Идиотами себя выставили мы со Ставром.

– Да, ты что?! – вскочила Дашка. – Как ты можешь гово-

рить такое? Вы... вы... А, черт! Твою ж мать... – Дашка задрала голову к звездному небу. Слезы не хотели останавливаться. А она не привыкла давать им волю. – Это... Это просто ужасно трогательно. Я... не ожидала... Мне даже в голову не приходило, что ее в принципе можно отыскать.

Даша сглотнула, сделала пару шагов к озеру. Блики фонарей отсвечивали на его зеркальной глади, и плеск воды был слышен едва-едва...

– Нам нужно было подумать о том, что тебя такой подарок может взбудоражить, и как-то к этому подготовить.

– К такому не подготовишься, Костя... Это... Вы все сделали правильно. Прости, что я такая... Прости, что не нахожу слов, чтобы высказать, как это для меня... ценно. Бесценно даже...

– Это была идея Ставра.

– Угу... А ты просто воплотил ее в жизнь. Всего лишь... – Даша обернулась вполоборота и криво улыбнулась мужчине. – Сколько ты на это потратил времени, Костя? Сколько дней, недель, месяцев... длились твои поиски?

– Да, какая разница! Главное, что тебе понравилось. Ведь понравилось же?

Костя не смог усидеть на месте. Поднялся, подошел поближе и заглянул ей в глаза.

– Очень. Нет слов, чтобы выразить, как...

Мужчина еще недолго помолчал, выискивая подтверждение сказанного в ее глазах, а потом все же заметил:

– А так и не скажешь... Реветь, вон, удумала. А я бабьих слез до трясушки боюсь.

Дашка уткнулась мокрым носом в белоснежную Костину рубашки и тихонько рассмеялась. Всхлипнула...

– У тебя истерика?

– Нет! – снова улыбнулась. – Я просто счастлива безумно. И, кажется, что сердце такого счастья не выдержит... Разорвется просто.

На голову Дашки легла ладонь. Погладила по волосам. Прижала вплотную к груди. И несмотря на то, что потекший макияж практически наверняка испортит Косте рубашку, Даша не нашла в себе сил отстраниться, или хоть как-то запротестовать. Она стояла так долго... И он стоял, не шевелясь.

– Я была тогда невменяемая... Вот и все, что я помню о том дне. А ты мне так и не рассказал, как Ставр меня нашел.

Грудь под щекой напряглась.

– Ты не интересовалась.

– Да... Не хотела вспоминать.

– А теперь, хочешь? – в голосе Кости скользнуло легкое недоумение.

– Не хочу... Вот только прошлое, порой, напоминает о себе...

– Ты сейчас о чем?

Костя убрал руку, лежащую у Дашки на затылке, и она тихонько вздохнула, лишившись ее согревающей тяжести.

– Да так, ни о чем конкретном...

– Даша... скажи, ты бы не стала ничего от меня утаивать, правда? Ничего серьезного? – Костя аккуратно взял ее чуть повыше локтей и легонько встряхнул.

– Нет... Нет. Конечно, нет! Просто... Мне кажется, я полюбила, – прошептала Даша, глядя в серые беспокойные, с тонкими лучиками морщинок глаза друга. – А потому очень боюсь, что прошлое разрушит мое настоящее.

Он смотрел на нее и молчал. И Даша смотрела. Выжидая, пытаюсь понять, что у него на уме.

– Тебя беспокоит только это?

Даша кивнула головой. Она не собиралась пока рассказывать о записке и обрушившейся конструкции с осветительными приборами.

– Тогда расслабься. Прошлое в прошлом. Веришь мне? Веришь?! – встряхнул сильнее.

– Да!

– Не бойся ничего, тебя не достанут. Живи смело, дыши полной грудью, и ничего, слышишь? Ничего не бойся.

– Вся эта грязь... Она гвоздями меня к земле... понимаешь?

Дашка ни с кем, кроме психолога, не говорила о том периоде своей жизни. Вообще не считала, что может обсуждать эту тему с кем-то, кроме него. В общих чертах, как с Германом – и то тяжело... А, вот, чтобы в деталях... Все то, что душу изматывает... Ни с кем. Никогда. А сейчас почему-то

захотелось...

– Их столько было, Костя... Столько. Бесчисленная вереница лиц, преследующих меня повсюду. То ли правда, то ли игра сознания... По прошествии времени особенно тяжело разобрать, что было в действительности, а что привиделось... И так хочется все отнести на счет больного воображения. Но... Нет, ведь... Нет. Были... Меня били, меня пытали, меня пускали по кругу, использовали, как писсуар... Как думаешь, какой мужчина выдержит это, увидев своими глазами?

– Он не увидит, – тихо ответил мужчина, играя желваками на ставших колючими к вечеру скулах. И он сам стал как будто колючим.

– Но я все равно буду думать, как бы он отреагировал. Понимаешь?

– Нет. Забудь все, как страшный сон. Если любит – поймет.

– Я рассказала ему... Без деталей, конечно, но рассказала. Если можно было напрячься еще сильнее, то это случилось. Костя будто бы окаменел.

– Зачем? Зачем ты себя насильовала? Тебя же трясет от этих бесед. Зачем... Дашка?

– Он должен узнать об этом от меня. Ладно...

– Да, ничего и никому ты не должна! – заорал Костя. – Только себе! Быть... счастливой! – последние слова он произнес тише. Но звучали они не менее весомо.

Даша в который раз всхлипнула. Потом зло стряхнула со щек слезы. Не на Костю злясь, на себя! Как не вовремя ее прорвало. И на разговоры бессмысленные потянуло... Зачем вспомнила? Зачем на него это все вывалила?! И как он станет к ней теперь относиться? Если отвернется – она не переживет!

– Костенька... А пойдем ко всем, а? Нас уже заждались, наверное? – робко сменила тему Дашка.

Мужчина отстранился на мгновение. Отодвинулся, чтобы посмотреть на нее со стороны.

– А может, ну его?

– Нет. Я в норме, правда. Только умыться надо.

– А если так, то пойдем умываться, горе ты мое, луковое.

Когда они снова появились в зале, веселье продолжалось. Или гости только делали вид, что веселятся, чтобы лишний раз не смущать юбиляршу. Вдохнув поглубже, Даша подошла к Ставр. Она кое-что ему задолжала.

– Успокоилась? – поинтересовался он, глядя куда-то поверх Дашкиной головы. По всей видимости, на Костю.

– Насколько это было возможно, – честно ответила Даша, чем порядком удивила собеседника. – Я пришла... Я пришла поблагодарить тебя...

– Пустое.

– Нет! Нет, Ставр... – прошептала Дашка. – Я хочу сказать спасибо. Не только за этот подарок. За все... Мне давно следовало это сделать, но, почему-то, было так трудно! А

теперь, вот, легко... Спасибо... папа.

Второй раз за вечер на затылок Даши легла рука. Второй раз за вечер таким ненавязчивым жестом ее прижали к широкой мужской груди, в которой яростными короткими ударами билось сердце. Черт... Похоже, Ставр тоже волнуется. Ох, ничего себе... Сзади на тонкие, открытые платьем плечи легли теплые Любины руки. Сбоку прижался Ян. И не было больше сомнений. И отступила боль. Хорошо было... Так хорошо!

Разомкнуть объятия получилось не сразу. Первым не выдержал Ян. Постучал пальцем по плечу матери и пригласил ту на очередной танец. Даша нехотя отступила. И, бросив на Ставра последний смущенный взгляд, отправилась вслед за сыном.

Только поздно ночью, когда гости, наконец, разошлись, вспомнила, что обещала созвониться с Германом. Посмотрела на телефон. Он звонил!

– Не спишь?

– Нет. Заработался что-то... Как прошел праздник?

– Отлично. Тепло и очень душевно.

– Я рад. Извини, что не смог вырваться.

– Твой рабочий график не предусматривал появления любовницы. Я понимаю.

– Даша! Зачем ты так?

– Я просто называю вещи своими именами. В этом нет ничего такого.

– Ты значишь для меня намного больше. Ты же чувствуешь. Не можешь не чувствовать.

– Все так запутано, Герман...

– Мы все решим. Обещаю. Ты мне веришь?

Что у нее сегодня за день? Что за вопросы...

– Я не знаю, – шепнула Дашка. – И очень боюсь... Знаешь, этим летом... рядом с тобой во мне что-то изменилось. Без медикаментов, выписанных врачом, просто... Впервые за долгое время мне захотелось жить. Открыться, позволив кому-то себя узнать. Люди ведь ни черта друг о друге не знают! – Даша уселась на подоконник, и провела пальцем по стеклу, тихонько продолжая: – А я хочу о себе рассказать... О себе, настоящей. Той, которая провела тысячи бессонных ночей у окна... Знал бы ты, как тяжело – открываться, когда ты всё еще жива только потому, что однажды заперлась на все засовы... Это по-настоящему страшно. Но больше всего я боюсь, что состояние, когда жить не хочется, изо дня в день одинаково не хочется, не хочется начинать новый день, подниматься с кровати, мыть голову... быть хорошей матерью и крутым профессионалом, быть кем-то, кем себя не чувствуешь – вернется вновь. Я боюсь... так отчаянно боюсь. Но знаю, что ничего уже не изменить...

– Ты и сейчас у окна? – раздался хриплый голос в трубке, возвращая Дашу в реальность.

– Да...

– И я тоже. Ты не одна. Чувствуешь? Я рядом. Только про-

тyani руку.

Что-то зашипело, видимо, спичка... Герман опять закурил. Она как будто наяву увидела его склонившийся к огню профиль, длинные красивой формы пальцы, сжимающие ко-ричневую сигарету. Ощутила ее вкус на губах...

– Ты рядом... – как под гипнозом, прошептала Даша.

– И всегда буду. Слышишь? Я всегда буду рядом. Даже надоест успею.

– Это вряд ли...

– Почему же? Марго утверждает, что я абсолютно неснос-ный.

– Черт... Против Марго не попрешь... – впервые за весь их разговор Даша улыбнулась.

– Ох, она передавала тебе поздравления! А я забыл пере-дать...

– Еще не поздно.

– Уже второе...

– Да... уже ночь. Давно пора спать.

– Иди... А если уснуть не получится, пусть я буду твоей бессонницей.

– Хорошо... Доброй ночи, Герман.

Глава 26

Даша возвращалась на съемки со смешанными чувствами. В душе творилась полная неразбериха. Эмоции, от которых она годами скрывалась, пробрили брешь в обороне и заполнили собой каждую пустоту в ее теле. Хотя, видит Бог, в нем было много пустот...

Только в последнее время все настолько резко менялось, что Дашка даже не успевала осмысливать происходящее. Все нарастало, подобно снежному кому. Одно цепляло другое, и на свет из небытия возвращались давно забытые чувства. А может, и те, которых она не знала ранее. Любовь к мужчине... Любовь к отцу... Любовь к сыну... Любовь к другу... Такая разная любовь... Казалось, она распирала Дашку изнутри. Странное ощущение.

Аккуратно повернув на извилистой горной дороге, Дашка сбавила ход и потянулась к большому стакану кофе, о котором позаботился сынок. Сделала пару глотков, наблюдая за плетущимся вслед за ней трактором. Те часто колесили по сельским дорогам. В этих краях было много фермерских угодий, так что появление сельскохозяйственной техники женщину несколько не удивило. Спокойно вернув стакан в специальный держатель, Даша сосредоточилась на дороге – впереди был высокий мост. Она знала эти места, как свои пять пальцев. Трактор тоже прибавил хода. Этот ненор-

мальный, что, планирует соревноваться с ней на мосту? Бывают же идиоты... Даша взяла правее и сбросила скорость. Пусть этот урод видит, что она не собирается учувствовать в гонках. Спустя несколько секунд трактор поравнялся с ее автомобилем, и тут же сокрушительный удар сотряс машину. Только мгновенная реакция спасла Дашку от падения вниз. Реакция и бесконечные Костины уроки экстремального вождения. Проклиная друга за издевательства (коими она считала их сумасбродные гонки), Даша даже представить не могла, что те, когда-нибудь, спасут ее жизнь. Изо всех сил выкрутив руль, она ударила по тормозам, и тут рванула вперед. Мерзкий скрежет металла свидетельствовал о том, что её машине здорово досталось. Но кого это волновало? Уж точно не Дашку.

Вместе с кровью по телу растекался адреналин. И судя по его количеству – надпочечники Дашки работали в авральном режиме. Время замедлило ход. Пространство сузилось. Все лишнее отсеклось. Все ресурсы организма мобилизовались для устранения опасной для жизни ситуации. Паники не было. Даша прекрасно понимала, что трактору ни за что не удастся догнать ее внедорожник. Расчет был совсем на другое – столкнуть ее вниз. И этот расчет не оправдался. Вжимая в пол педаль газа, она наблюдала за все увеличивающимся расстоянием между двумя машинами. В этой схватке она вышла победительницей. Пока фортуна была не её стороне.

Увеличив отрыв, Дашка пошарила рукой в поисках телефона. Нужно позвонить в полицию... Возможно, им удастся задержать виновного. Глупая, конечно, надежда, что те кинутся кого-то искать, не получив официального заявления, но попытаться все же стоило. Однако связи не было, как обычно в горах. Будь все проклято! Кусая губы, Даша мчала по серой ленте дороги и с тревогой поглядывала в зеркало заднего вида. Почему-то подумалось, что здесь очень легко было бы устроить засаду. Стоило только этой мысли мелькнуть в голове, и в душе все сжалось от страха. Он ударил в голову, волной прокатился по спинному мозгу, поднимая волосы на затылке. Дашка снова покосилась на телефон – ничего.

Ко всем прочим бедам, стала резко портиться погода. В этих местах такое происходило с молниеносной скоростью. Небо затянуло свинцом. Поднялся жуткий ветер. И первые капли упали на лобовое стекло. Дашка включила дворники. Уже через несколько минут те едва справлялись с поставленной задачей. На горы обрушился ливень. И резко похолодало... Или этот могильный холод шел изнутри? Подрагивающими руками женщина включила обогрев.

Едва живая доехала до гостиницы. Даже когда связь появилась, Даша не стала никому звонить. Время было потеряно, а возможные следы – смыты дождем. Доказательством произошедшего были только борозды на дверях и крыльях машины. Из салона не вышла – вывалилась. Сумку доста-

вать не стала, потому что не была уверена, что сможет ее дотащить. Ей хотелось одного – упасть Герману на руки, и плакать навзрыд. Но, оказалось, и с этим вышла загвоздка... Герман был не один.

– Даша! Ну, наконец! Я звоню тебе весь день, а ты вне зоны!

Дашка покосилась на Ладу, с которой Герман сидел за одним столом в лобби-баре. Перевела бесстрастный взгляд на мужчину.

– Извините. В горах всегда проблемы со связью. Что-то срочное?

– Даша... – Герман нерешительно замер. Зарылся рукой в свои завивающиеся на концах растрепанные волосы, – ты... ничего такого не думай, ладно? Я хотел предупредить, что Лада приехала, но ты была вне зоны...

– Вы не обязаны передо мной отчитываться, Герман Маркович.

– Прекрати! – рявкнул Герман. – Это по работе, и ничего больше. Мы ведь обсуждали, что не будем афишировать отношения... Не могу же я ее выгнать взащей!

Он был прав. Именно об этом они и договаривались. Просто увидеть Ладу сейчас... было вообще последним делом. Как-то не осталось сил на игру. И на черную ревность, которая вдруг всколыхнулась в душе. Как сквозь пелену, Дашка услышала, что с ней поздоровалась подошедшая Лада. Она ответила на приветствие и даже улыбнулась, рассказывая о

ливне, в который попала. Но всем сердцем Даша мечтала очутиться где-нибудь далеко. Одной... Снова одной... Чтобы можно было перестать играть, а прислонившись к окну, залитому слезами дождя, и себе тихонько повить от невыносимой боли.

Наконец, протокол был соблюден, и Даша смогла откланяться. Она пошла к номеру, и только там, закрыв за собой дверь, без сил сползла на пол. Грязные кеды оставляли серые следы на безупречном напольном покрытии – плевать. Всхлипнула. Закрыла ладошкой рот. Слезы обожгли холодную с улицы кожу. Даша, кажется, даже поскуливала... Тихонько, чтоб, не дай бог, никто не услышал. Было ужасно больно. Хотя и понимала, что Герман не сделал ничего такого. Просто она так хотела его утешения, так нуждалась в нем. Сейчас... После всего, что ей довелось пережить! Так нуждалась...

Она не знала, сколько так просидела. И не совсем отчетливо запомнила, как встала и дошла до кровати. Нервы окончательно сдали. Сознание уплыло. Она провалилась в сон. Странный, вязкий, как полузабытье. В себя Дашу привел какой-то грохот. Женщина резко вскочила на постели, ничего не соображая. Провела рукой по лицу, будто бы стряхивая остатки сна. С удивлением отметила, что опять плакала... Как еще объяснить влагу на щеках? Грохот повторился, и только тогда Даша поняла, что это стучали в дверь.

– Герман? – удивилась Дашка непривычной панике, напи-

санной на лице любовника.

Он ничего не ответил. Отодвинул ее от входа, чтобы пройти самому. Захлопнул дверь, и только потом, схватив Дашку чуть повыше локтей, взволнованно поинтересовался:

– Что, мать его, произошло?

– Ты о чем?

– О твоей, мать его, машине! Ты почему не сказала, что попала в аварию?! С тобой все хорошо?

Даша отстраненно наблюдала за действиями любовника. Тот в панике её ощупывал, и она не знала, чего в его взгляде было больше – тревоги или бессильной злости.

– Со мной все хорошо, как видишь. И я не попадала в аварию.

– Тогда что произошло с твоей машиной?!

– Ничего такого. Один парень решил, что будет весело столкнуть меня с моста.

Герман застыл, видимо, обдумывая ее слова. А Дашка, на которую вновь обрушились воспоминания о случившемся ужасе, нервно провела ладонями по волосам.

– Почему ты мне сразу ничего не сказала? Как это произошло?! Даша! – Герман снова встряхнул Дашку, едва не рыча от того, что снова увидел в ней. Совершенно спокойное, какое-то отрешенное даже лицо, широко распахнутые глаза... Она снова от него закрылась! Будто бы вновь стала чужой. В один момент...

А Дашка смотрела на него, не мигая. Секунды складыва-

лись в минуты, в окна стучал дождь... Мыслей не было, не было слов. Только звенящая пустота. Опять пустота... Так было, сколько она себя помнила. Может быть, даже всегда... И теперь, рядом с ним. Она снова была сгустком пустоты, по какому-то недоразумению окруженной оболочкой.

– Да, как-то не зашел разговор.

– Твою мать, Дашка!

– А что мне надо было делать? При твоей невесте рассказывать?!

– Она не невеста мне! Я все объяснил Ладе еще вчера! И ты бы узнала об этом, если бы не накрутила себя, абсолютно без причины!

– Почему ты сразу не сказал мне, что она заявила?! – закричала Дашка. Знала... Знала, что была не права. И ничего не могла с собою поделать.

– Я не хотел портить тебе день рождения! – проорал Герман в ответ. – Черт! – выругался он, нервно откидывая волосы ото лба. Достал сигарету, подкурил. – Черт... Дашка... Ты что думаешь? Я вот так, запросто, могу... С тобой, с ней? Считаешь, мне без разницы? Может, когда-то так и было... Только, сейчас все по-другому! Я думал, ты понимаешь это. Осознаешь...

– Осознаю что? – без всякого видимого интереса спросила Дашка.

– Что я люблю тебя...

Даша вскинула взгляд. Затравленный. Недоверчивый. За-

чем он так говорит, боже? Она ведь не переживет... Что может быть хуже всего, что с нею случилось? Только поверить вновь! Боль обрушилась с новой силой. Заставила вспомнить то, от чего она тщетно пыталась скрыться...

– Герман...

– Я люблю тебя... Люблю, глупая!

Это случилось... То, чего она так долго хотела... С тех самых пор, как какой-то маньяк попытался отправить ее на тот свет. Она упала в его объятия!

– Герман...

– Люблю... Чуть с ума не сошел, когда твою машину увидел... – шептал в промежутках между короткими, жадными поцелуями, которыми он собирал ее слезы.

– На мосту... Он пытался столкнуть меня с моста... Если бы не Костя, меня бы и не было уже... Это так страшно, Герман. Так ужасно страшно! Ты бы знал...

Он знал... В голову бахнуло так, что на секунду он вообще будто ослеп. От понимания того, что мог в любой момент её потерять, не сумев защитить, несмотря на все попытки... Чувство вины пригвоздило к земле.

– Даша... Дашенька... – шептал, целуя макушку, вдыхая нежный, в подкорку въевшийся аромат. Воспламеняясь рядом с ней. Он уже пробрался руками под Дашкину футболку, когда вдруг опомнился. Стоп... Что он творит?!

– Эй... Ты почему...

– Погоди, сладкая... Не сейчас...

– Почему? – удивилась Даша.

– Потому, что нам не следует оставлять случившееся без внимания. Пока еще не слишком поздно.

– Поздно. Дождь смыл все следы.

– Все равно. Ты должна написать заявление в полицию и рассказать все моим людям. Это профессионалы. Они смогут помочь.

– Не хочу об этом вспоминать... – прошептала Дашка куда-то в шею Германа.

– Ты справишься. Я буду рядом. Всегда. Чтобы ни случилось, я буду рядом.

Даша кивнула, и уже через несколько минут они сидели напротив людей Николая Ивановича. Герман ужасно злился, видя, как по мере рассказа из Дашки по капле вытекает жизнь.

– Дарья... А вы никогда не думали рассказать обо всем своему отцу? – спросил напоследок один из присутствующих мужчин.

– Ставр? – Даша оживилась, облизнув пересохшие губы. – Знаете... Мне бы не хотелось его волновать. Папа... Он не молодеет... И еще Люба... Она тяжело больна. Ставр ей нужнее. Не хочу перетягивать одеяло на себя.

– Тогда постараемся сработать без него.

Герман посмотрел на следователя. Перевел взгляд на белую, как мел, Дашку. И понял, что сделает все, чтобы ее убедить. Абсолютно все. Даже подключит тех, кто, вполне воз-

можно, посчитает его слабаком, не способным защитить собственную женщину. По х*ру. Лишь бы с нею все было хорошо. Он наступит на хвост собственной «самости». Он, вообще, что угодно сделает, лишь бы только её защитить...

– Ну, что? Пойдем уже? – едва слышно прошептала измученная Даша, когда спецы закончили свою работу.

– Да, конечно... Пойдем. Слушай, Даш... Ты не хочешь выпить, а?

– Я не пью... – растерялась та. – Совсем, – добавила зачем-то.

– Совсем? Ну, а мне точно не помешает... Слушай, ты иди... Тебя проводят, – Герман покосился на вездесущих охранников. – А я сейчас в бар за бутылкой сгоняю... И подтянусь.

Дашка растерянно кивнула и в сопровождении мужчин, все также неуверенно оглядываясь, двинулась дальше по коридору. Дождавшись, когда она скроется за поворотом, Герман резко развернулся:

– У вас есть контакты Ставшего?

– Конечно.

– Отлично. Просто отлично.

И еще, минутой спустя:

– Ставр Яныч, добрый вечер. Герман Серебрянский. Уделите мне пару минут?

Глава 27

Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Их встреча со Ставшим была такой же законспирированной, как свидание Штирлица с женой в кафе Элефант. Причину этой таинственности Герман пока не понимал. Да и не слишком пытался в ней разобраться, потому что сам не хотел лишний раз беспокоить Дашку. А она бы обязательно стала переживать, если бы узнала, что он решил подключить к решению их проблем Ставра.

В назначенное место Герман приехал на несколько минут раньше, но его уже ждали. Дашкин приемный отец и еще один мужик, которого Гера уже видел на базе Ставших, но с которым так и не удосужился познакомиться. Обменявшись рукопожатиями с мужчинами, Герман уселся напротив, заметив:

– Я думал, это будет конфиденциальный разговор.

– Так и есть. Костя не посторонний. Выкладывай... Что случилось?

– На жизнь Даши покушаются.

Собеседники одинаково подобрались. Вроде, и не поменялось ничего: ни позы, ни выражения лиц, но Герман, привыкший работать с эмоциями людей, мгновенно уловил произошедшие изменения.

– Покушаются, значит?

Герман кивнул и в деталях описал все, что ему было известно на данный момент. Четко, по делу, как ему казалось, вдаваясь в детали. Но все равно после ему устроили настоящий перекрёстный допрос.

– Чьих людей, говоришь, подключили? – спросил тот, кого Ставший представил как «Костя».

– Охранное агентство Капустина. А после первого покушения нам стали помогать люди Сватова Николая Ивановича.

– Я встречу с их главным, – бросил Ставшему Константин.

– Да... И наших людей подтянем. Медведь... Старый... Нужно разузнать, кто где.

Эти двое переговаривались между собой так, как будто Германа здесь не было вовсе. Будто бы это не он стал инициатором встречи.

– Подождите... Я не перекидываю на вас свои проблемы!

– Свои? А когда Даша стала твоей проблемой? – бесстрастно поинтересовался Ставший.

– Не важно, когда. Главное, что стала. И теперь она напугана. Не показывает этого, но... – Гера махнул рукой и, нервно щелкнув зажигалкой, продолжил. – Мне сказали, что вы можете помочь покончить с этим как можно скорее. Я бы справился сам... Но не хочу подвергать Дашу опасности. Испытывать судьбу! Если вы сможете сработать быстрее... Если вам известно что-то, что может помочь... Я буду по гроб

жизни обязан.

– Ты ничего мне не должен. Она моя дочь. Я буду защищать её. Всегда.

– А лучше бы выпорол, – буркнул Константин.

– Извини? – переспросил Ставший у друга.

– Выпороть, говорю, её надо! За то, что сама все не сказала... Я еще на празднике заметил, что что-то не так. Но списал все на Дашкину истерику из-за этой чертовой статуэтки!

Герман наблюдал за их разговором, но мало что в нем понимал. О какой статуэтке шла речь? О какой истерике? Даша ничего такого ему не рассказывала. Впрочем, и времени на это у них не было...

– Поздно уже пороть... – устало потер глаза Ставр. – Ты еще не понял, что она никогда ни о чем не попросит? Она ж, бл*дь, самостоятельная!

– Даша не хотела вас беспокоить, – вступился за Дашку Герман.

– Она никогда не хочет... Только дурость это все, – отмахнулся Ставр и тут же, без всяких пауз: – Костя, ты остаешься здесь. Держишь руку на пульсе. Организуешь ребят. Пусть шуршат, как они умеют. Выяснят, где этот кусок дерьма залег. Если это, конечно, он. Охрану постоянную, круглосуточную. Проверяете все. От оборудования до транспорта, на котором Дашка передвигается. Еду, питье... Все!

– Это все уже делается, – жестко заметил Герман.

– Хреново делается, режиссер. – Ставший смерил его холодным взглядом льдистых глаз.

Герман проглотил упрек. В конце концов, в нем была некая доля истины. Меры безопасности не срабатывали. Они и на шаг не приблизились к разгадке. Хотя все прекрасно понимали, что убийца затаился среди членов команды.

– Мне понадобится поименный список всех членов съёмочной группы... – влез в разговор Костя. – И данные о тех, кто отсутствовал на съемках в тот же день, что и Дашка.

– Эта информация уже собрана. Я скажу своим людям, чтобы они переслали её вам. Только без толку все. Отсутствовали всего два человека, алиби которых уже подтвердили. У нас нет зацепок. Просто нет...

– Дерьмово. Но не критично. И не с таким справлялись, – уверенно кивнул головой Ставр.

Герман пожал плечами. Он очень надеялся, что эти люди знали, о чем говорили. Очень рассчитывал, что они смогут помочь. Он дал им все вводные. Умолчав разве что о пленках и фотографиях. Мужчина понимал, что Дашка никогда его не простит, если узнает, что он рассказал её родным о грязи, от которой она их всех оберегала столько лет. Возможно, конечно, такое решение было ошибкой. Но... Она искренне верила, что поступает правильно. И Герман был не вправе раскрывать ее секреты.

– Где вы остановитесь? – спросил Герман у Кости перед тем, как уйти.

– Неподалеку.

– Неподалеку?

– Да. Рядом.

Он так и не понял, что тот имел в виду. Пожал плечами и встал из-за стола. Ему предстояла куча дел. И еще один разговор с Ладой. Он не соврал Даше, когда сказал, что поговорил с бывшей невестой. Только Герман до конца не был уверен, что та нужным образом оценила его решительность. Она свела разговор к тому, что им обоим просто нужно все еще раз обдумать. Может, это была и его вина. Гера не стал вдаваться в подробности своего решения. Не хотел накалять обстановку. Мужчина просто сослался на то, что в ближайшие полгода ему предстоит большая изматывающая работа над фильмом, а потому времени на отношения у него просто не останется. Лада согласно кивала головой и твердила, что она все понимает. Но разговора не вышло. К моменту его приезда Лада уехала на какую-то встречу. Ну, и черт с ней.

Недолго думая, Герман переоделся и пошел к Дашке. Она открыла ему дверь, разговаривая с кем-то по телефону. Вроде бы, ей удалось успокоиться. По крайней мере, её лицо выглядело уже не таким измученным.

– Нет, Люб... Пусть дома будет... Да, на полочке над камином самое то... Ага... Знаешь, я как подумаю, сколько трудов Косте и Ставру потребовалось, чтобы ее найти, сколько времени... Сколько? – Даша удивленно распахнула глаза и плавно осела на кровать. – Я даже и подумать не могла...

Да, нет, Люб, не волнуйся. Я в норме. Просто... Просто поверить не могу, что они... А, черт, давай о чем-нибудь другом, не то я опять разревусь.

Дашка еще поболтала о чем-то с приемной матерью, попрощалась с ней и посмотрела на Германа, который так и стоял в сторонке, внимательно за ней наблюдая.

– Поверить не могу... – прошептала она, покачивая головой.

– Что случилось?

Герман подошел поближе, сел рядом на кровать и, обхватив руками Дашкино лицо, внимательно на нее уставился.

– Ничего плохого... Просто каким-то образом Косте и Ставру удалось разыскать мою Пальмовую ветвь. Они искали статуэтку все эти годы, а сейчас нашли... Представляешь?!

– Спустя годы это, очевидно, было нелегко сделать, – согласился мужчина, отвел волосы от лица и нежно коснулся ее губ пальцем.

– Нет, ты не понимаешь... Они все эти годы ее искали. Тринадцать лет, Гера... Только для того, чтобы меня порадовать...

– Твоя семья очень любит тебя.

– Да... – казалось, Дашка только сейчас до конца осознала эту простую истину, – а ведь меня совершенно точно не за что любить. Знал бы ты, как моя семья со мной намучилась... О том, что я подседа на кокс, они узнали слишком поздно. Не знаю, как мне столько времени удавалось их ду-

рачить. Наверное, они списывали мое состояние на радость от съемок. Да и не виделись мы почти. Я тогда даже сына не видела. Сбагрила Любе и Ставр – и рада стараться...

– Даш... – начал было Герман, но Даша не позволила себя прервать. Коснулась тонкими пальцами его губ и продолжила:

– Но в Каннах мое состояние уже было невозможно скрыть. Они, как мне кажется, сразу догадались, что происходит. Ставр – так точно. Я плохо помню те дни... Это был какой-то непрекращающийся ужас. Вечеринки, пьянки, наркотики, секс... Керимов и компания...

– Даш, не надо, девочка...

– После вручения Люба и Ставр пригласили меня в ресторан, но мне было совершенно не до них. Я уехала с Вадиком и какими-то мужиками. Он хотел меня представить какому-то важному человеку... Не помню, удалось ли ему... Я вообще ничего не помню... Очнулась в больнице, после того, как меня нашли в какой-то канаве. В тот день я чуть не сдохла от передоза...

– Девочка, моя ласковая девочка... Я люблю тебя.

Даша уткнулась ему в плечо. Обвила шею своими тонкими руками.

– За что вы только меня все любите? За что?

– За все... За все, Дашка!

Она ничего не ответила. Подняла взгляд. Влажный, немного испуганный. Со слипшимися стрелочками ресниц.

Герман снова коснулся пальцами губ, немного придавил:

– Ну, вот зачем ты их искусала?

И своими нежными поцелуями принялся врачевать ее раны. Лизнул, толкнулся языком в рот, аккуратно запрокинув голову руками. Даша сместилась, встала на постели на колени и, обхватив его плечи руками, жадно ответила на поцелуй.

– Я так скучала...

– Правда?

– Очень... Поцелуй меня!

Разве он мог ей отказать? Одежда полетела куда-то в сторону. Губы слились. Страсть вырвалась наружу. Вот только на этот раз все было как-то иначе. Даша стала другой. Более несдержанной, что ли? Она как будто себя отпустила. Герман немного отстранился. Поймал ее расфокусированный взгляд. Скользнул костяшками пальцев по лицу, шее, задел острый сосок, прошелся по животу. Дашка дробно подрагивала. И жадно, отчаянно втягивала в себя воздух. Не отрывая от нее взгляда, скользнул пальцами между ног. Прижал клитор.

Даша сходила с ума. Она была настолько напряжена, что не могла двигаться, не могла дышать, не могла думать... Полностью поглощённая силой своего желания, она наблюдала за Германом, боясь того, что он с нею делает, но еще сильнее боясь, что он остановится. Ее губы раскрылись, и он тут же этим воспользовался, подарив ей еще один поцелуй. Едва их тела соприкоснулись, хриплый стон вырвался

из Дашкиного горла.

– Да, сладкая... Вот так.

Она плавилась. Грудь отяжелела, бедра невольно качнулись вперед, прижимаясь к его. Даша всем телом чувствовала желание Германа, его твердость и болезненную потребность в ней. В прикосновениях ее рук и рта к телу. Она успела полюбить эти моменты прелюдии. Этот постепенный переход от едва ощутимого томления к безумной, лишающей воли потребности.

Даша отстранилась. Облизнула губы, наслаждаясь его вкусом.

– Можно я...

– Да! Все, что угодно...

Даша скользнула руками вдоль его тела. Поцелуями провела дорожку от скулы, вниз по шее к крохотным бусинкам сосков. Замерла, прижавшись щекой к груди, слушая, как колотится сердце Германа. Пальцами погладила выступающую косточку на бедре, прошлась по подтянутому животу и обхватила его бархатистый член.

Его ласкали так тысячу раз. И даже гораздо более изощренно... Но когда Дашкины губы несмело накрыли его головку, он испытал то, что никогда до этого не испытывал. Где-то здесь был его рай...

Глава 28

Время шло, съемки перевалили за половину и двигались к своему логическому завершению, но они так и не отыскивали мразь, покушавшуюся на Дашку. Носом землю рыли, но так и не нашли зацепок. Никто из членов съемочной группы не мог быть в тот день на мосту. Однако никто из посторонних не мог ослабить крепления на решетке. Непонятно также было, зачем кому-то подбрасывать Даше записку. Обычно те, кто угрожали людям таким образом, в действительности не были способны на какие-либо реальные действия. А тут два покушения... Факты не складывались. И это только подтверждали психологи-криминалисты, которых к делу подключил Ставр.

Охраны на площадке было едва ли не больше, чем членов съемочной группы и, наверное, поэтому никаких эксцессов больше не происходило. У преступника просто не было шансов. Что, безусловно, не могло не радовать. И Герман, конечно, радовался, но как-то без особого энтузиазма. Он не мог избавиться от мысли, что все происходящее – всего лишь затишь перед бурей. А тут еще и мероприятие намечалось, на котором он был обязан присутствовать... Ежегодный кинофестиваль. По такому случаю у него даже был освобожден день между съёмками.

– Даш... А хочешь поехать со мной?

– Куда? – роющая в шкафу Дашка вскинула голову и растерянно посмотрела на мужчину.

– На открытие фестиваля. Я только мелькну, где надо, представив свою последнюю картину, и сбежим... Хочешь?

– Не знаю... Мы ведь решили пока не выпячивать наши отношения... А кинофестиваль – это пресса. Тем и повода особенного давать не надо. Увидят вместе, и насочиняю даже то, чего отродясь не было.

Герман потянулся, как кот, и, улыбаясь во весь рот, поинтересовался:

– А что, существует что-то такое, чего между нами еще не было?

– Гера! Я же серьезно!

– Я тоже... – мужчина лениво встал с кровати и подошел к любимой. Обнял ее со спины. Сжал пальцами соски под рубашкой, потерся носом о светленькую макушку, – мне жуть как понравилась та вчерашняя штучка...

– Это – комбидресс... – выдохнула Дашка.

– Угу... ты в нем была такая горячая...

– Гера... Через две минуты нужно быть на площадке.

– Угу... Ну, так ты поедешь со мной? Мы могли бы не светиться перед камерами вместе. Тебе тоже полезно мелькать на мероприятиях такого рода. Налаживать связи...

– Я не знаю. Мне нужно подумать. И платье... Это ведь нужно платье красивое!

Герман рассмеялся. Когда они познакомились, Даша была

такой сложной девочкой. Со столькими трещинками, столькими ранами... И теперь он так радовался, когда она вела себя, как самая обычная женщина, и беспокоилась о всякой чепухе.

– Платье будет, какое только захочешь! Может быть, даже выгуляешь мой подарок.

Даша обернулась и кивнула. За всеми событиями, последовавшими за покушением, о своем подарке Герман вспомнил не сразу. Но через пару дней опомнился и вручил Дашке красивый винтажный браслет. Белое золото, усыпанное бриллиантами. Вряд ли его презент мог соперничать с вернувшейся к хозяйке статуэткой Пальмовой ветви, но... Даша была очень тронута. А ему так нравилось ее радовать! За время, проведенное с нею, Герман понял, что осчастливить Дашку могло что угодно. Она, как никто, умела радоваться мелочам. Каким-то совершенно обыденным вещам... Тем, что он раньше не замечал вовсе. А рядом с ней научился.

Даша подружилась с Марго... Они регулярно созванивались и о чем-то болтали. Герман с каким-то удивлением наблюдал за этими разговорами и все сильнее падал в любовь. Это было странное падение. Падение вверх...

Где-то спустя пару недель после покушения Дашка познакомилась с Германом кое с кем особенным. С сыном. Точнее, они уже встречались с Яном, но это было совсем другое. На этот раз его представили официально. Как свою пару. Он знал, как нелегко далось Даше это решение, знал... И не мог не

восхищаться её решительностью. Впрочем, он и сам волновался. Знакомство с Яном всколыхнуло давно утихшую боль. У него самого мог бы быть ребенок такого возраста. Мог бы быть...

Дашкин сын оказался совершенно удивительным человеком. И за мать он стоял горой. Поэтому Герман подвергся своеобразному допросу. Довольно тактичному и завуалированному. Он даже не сразу сообразил, что его пытаются. Тем веселее было, когда до него, наконец, дошло, как ловко парнишка все провернул.

– Ловок ты... – в восхищении протянул мужчина.

– Отца школа, – пояснил Ян, улыбаясь на все тридцать два. – Ты хотя бы засек. Другой бы и не догадался.

– Значит, не совсем плох...

– А вот это мы еще посмотрим. Отец меня не только разговаривать учил, – все так же улыбаясь, заметил парень, однако на этот раз улыбка не коснулась его глаз.

Герман кивнул, признавая право...

– Я никогда ее не обижу.

– Вот и хорошо! – и без всякого перехода, – мам Даш, ну, что ты застряла? Скоро кино начнется!

Тот вечер прошел замечательно. Впервые Герман ощутил свою причастность к Дашиной реальной жизни. И было так интересно наблюдать за ней такой: домашней, расслабленной, веселой... Они сидели в зале рядового кинотеатра, ели пересоленный попкорн и смотрели какой-то третьесортный

ужастик. Яну нравилось. Даше, по всей видимости, тоже. А ему для счастья было достаточно ее улыбки.

Несколько раз к ним навевались Ставшие. Вроде, просто... поведать дочь. Но Герман понимал, что это всего лишь предлог. Когда Дашка с Любой выбирались по магазинам или на выставку, за закрытыми дверями номера Константина шла упорная, кропотливая работа по поимке преступника.

– А этот тип? – вскинул бровь Ставр, постукивая по фотографии одного из подозреваемых. – Не нравится он мне...

– Мы приглядываем за ним. Этот парень – один из тех, кого наняли на месте для подсобных работ, – отчитался Костя и тут же покачал головой. – Местных мы проверяли в первую очередь.

– Мутный он. Дергается...

Костя, соглашаясь, качнул головой.

– Но он не мог быть на мосту. Порядка десяти человек подтвердили его присутствие совсем в другом месте. Они как раз переустанавливали оборудование.

Ставр покосился на Германа. Тот кивнул:

– Я лично его видел несколько раз в тот день.

– Все равно, Костя... Не спускайте с него глаз.

– Обижаешь...

– У меня плохое предчувствие, – нахмурился Ставр. – А с камерами что?

– Да ни х*ра. Время упущено. Никто не хранит записи так

долго. – Костя перевёл нечитаемый взгляд на Германа. Тот пожал плечами. Оправдываться категорически не хотелось, не в его это было стиле. Да и вины мужчины в том не было, если так разобраться. Даша даже ему не сразу во всем призналась. Хорошо, хоть в самой гостинице записи сохранились. Им удалось запечатлеть предполагаемого преступника.

– Ложный след, Костя.

Ставр все время повторял, что они не от того пляшут. Твердил, что записка, скорее всего, не связана с покушениями.

– Я бы скорее подумал на твою бабу... – заметил небрежно Герману.

– Кого?

– На кого-нибудь из твоих бывших, – пояснил Ставр. – Что смотришь? – добавил хмуро. – Из ревности бабу и не такое творят.

– Нет, – покачал головой Герман после недолгих раздумий. – Между мной и Дашей на тот момент ничего не было. С чего бы кому-то меня к ней ревновать? Да и не такой уж я подарок, чтобы так стараться, – улыбнулся криво.

Ставр только хмыкнул в ответ.

Это было давно. И с тех пор ничего не поменялось. Напряжение с каждым днем все возрастало. Все они жили, будто на пороховой бочке. Атмосфера накалялась.

– Да есть у меня платье... Только дома, – задумчиво проборотала Дашка, возвращая Геру в реальность.

– Не проще ли здесь что-нибудь купить?

– Нет. Здесь выбор – никакой... Попрошу Любашу, чтобы передала мне что-нибудь из дома.

Если бы Герман знал, как потом пожалеет о своем решении позвать Дашку с собой! Если бы он знал... Чтобы не привлекать к себе внимания, они с ней отправились на премьеру порознь. Ему, в числе прочих создателей фильма, нужно было выйти на красную дорожку для традиционной фотосессии. Все уже собрались, и ждали только его. Герман поприветствовал исполнителей главных ролей, кивнул оператору и режиссеру, с которым виделся на площадке с утра, пожал руку Давиду и замер напряженным взглядом на Ладе.

– Ну, наконец-то, дорогой... – сладко улыбнулась женщина, подхватывая его под локоть.

– Лада? А ты здесь... какими судьбами? – нахмурился Гера, напряженно осматриваясь по сторонам.

– Ну, как же... Все только и ждут нашего нового выхода!

– Это кто же?

– Все! Посмотри, как они оживились... – Лада окинула взглядом группку фотографов и послала им воздушный поцелуй.

– Не думаю, что это уместно...

– Да, брось! Каждый наш выход в свет – это пиар твоего фильма. Нас считают идеальной парой. Помнишь?

Черт! Да, как тут забыть, когда в прошлом году звание идеальной пары им одновременно присудили сразу несколь-

ко глянецв?!

– О чем шепчетесь, молодежь?

– Да так. Ничего серьезного. Правда, дорогой?

Не сводя с Лады тяжелого взгляда, Герман кивнул:

– Действительно. Ничего...

– А раз так, давайте поторапливаться. Показ вот-вот начнется. Улыбаемся и машем... – скомандовал Давид, нацепив на лицо улыбку.

Герману ничего не оставалось, кроме, как последовать за ним. Лада, естественно, не отлеплялась. Так и шагала, просунув руку ему под локоть. И широко улыбалась фотографам, в отличие от спутника, который то и дело оглядывался. Где же Даша? Как она воспримет появление Лады, будь та проклята?! Поймет ли его? Примет ли ситуацию?

– Ой, смотри, Гера, это, случайно, не Даша Ив?

Герман оглянулся. Даша одиноко стояла в проходе. Их разделял целый зал и сотни лиц. Но он так отчетливо её видел! Видел все, что она прятала в глубине своих широко распахнутых глаз... Видел боль.

– Даша Иванова... Нет никакой Даши Ив, – заметил Герман, чтобы хоть что-то сказать. А потом сделал шаг в сторону, освобождая руку. – Вы идите, Давид. Мне нужно ненадолго отойти.

Он преодолел последние пару ступеней, то и дело с кем-то здороваясь, двинулся вперед по проходу. Ему понадобилась какая-то минута, чтобы добраться до нужного места, но

Дашки там уже не оказалось. Мужчина осмотрелся, сделал еще несколько шагов, приложил телефон к уху, но Даша была вне зоны. Сердце подпрыгнуло вверх. Страх сковал тело. Со своих мест Давид и Ефрем изо всех сил размахивали руками, тем самым показывая, видимо, что ему следует вернуться к ним. Герман помнил, что, по договоренности с организаторами, он должен был лично представить свой фильм. Вдруг трубка в руках завибрировала.

– Да!

– У вас все в порядке?

– Костя?! Нет! Ничего не в порядке. Я Дашку потерял в толпе!

– Как это потерял?! Где ваша охрана?!

– Не знаю. Мы заходили в зал порознь. Парни где-то поблизости, но у меня нет с ними связи....

– Твою мать! – выругался мужчина. – Какого черта у вас случилось, можешь мне объяснить?!

– Она увидела мою бывшую, и... А, черт! Найди ее, слышишь?! Пообещай мне, что ты ее найдешь!

На том конце провода хмыкнули. Герман мог поклясться, что увидел снисходительную улыбку в уголках обычно неулыбчивого рта.

– Можешь даже не сомневаться, режиссер.

Глава 29

Даша сидела на самом краю крыши, прислонившись спиной к бетонному ограждению. Ее немигающий взгляд застыл где-то на уровне шпилей величественного костела, шикарный вид на который когда-то и заставил Костю приобрести именно эту квартиру. Напряженная и неподвижная, она как будто сама стала частью окружающего пейзажа. Осторожно ступая, лишь бы не напугать, Костя приблизился и тихонько заметил:

– Так и знал, что найду тебя здесь.

Дашка удивленно оглянулась:

– Костя? А ты... ты что здесь делаешь? – будто бы очнувшись, спросила она.

– Живу? – насмешливо повел бровью мужчина, бесцеремонно ее разглядывая.

Даша вытерла нос рукой и аккуратно встала со своего места. Она понимала, что было глупо спрашивать у хозяина квартиры о том, что он в ней забыл, но...

– У тебя дела в городе, или...

– Ага, дела... Даш, отойди от края, а?

Женщина послушно отступила. Оглянулась, будто бы прощаясь с городом, втянула со всхлипом воздух.

– Эй... Ну, ты чего?

– Ничего... Ничего, Костя... Все хорошо. Не бери в голо-

ву...

– Ну, да... – хмыкнул мужчина.

– Кость... Не надо, а? Я просто хотела побыть одна. Помнится, ты сам мне разрешил сюда приходить, когда приспи-чит... Даже ключ дал.

– Значит, побыть одной... Гхм... Не самое твое умное решение.

Даша вскинула взгляд. Что ему ответить? Вот, что? Сейчас ей меньше всего было нужно чье-либо общество. Она хотела забиться в угол и выть... Чтобы никто... никто не догадался, как ей на самом деле плохо. Как страшно, и одиноко. Чтобы никто не догадался... Да.

И было так хорошо сидеть, наблюдая за тем, как в узких окнах древнего храма переливаются в заходящем солнце пестрые витражи... Прислушиваться к размеренным ударам собственного сердца. Стучит... А значит, жизнь продолжается. Несмотря ни на что, жизнь берет свое... Минуту за минутой, пока можно не шевелиться и ни о чем не думать. Не думать о боли...

Костя смотрел на нее не мигая. И почему-то молчал. Это было очень необычно и странно. Ведь раньше он всегда находил слова. Отведя взгляд, Даша попыталась представить, что его здесь нет, и вернуть себе прежний покой. Отстраниться...

– Дашка... Ну, ты чего, мелкая?

– Оставь меня, а? – жалобно попросила женщина.

– Не могу. Не могу оставить... Ты лучше расскажи, что случилось. Может быть, я чем-то смогу помочь.

– Помочь... – отстраненно повторила женщина. – Нет, Костя... Здесь не сможешь... Да и не случилось ничего. Так... Психанула на ровном месте. Даже не о чем и говорить.

Он посмотрел на нее, снисходительно вздернув бровь. Как смотрел все шестнадцать лет до этого. Будто бы давно-давно постиг то, что она еще даже не начала...

– А ты все равно расскажи.

Ну, зачем ты, Костя? Зачем? И без того тошно. Внезапной волной накатила боль, от которой она так долго бежала. Даша вскинула руку в беззащитном жесте и отступила к краю.

– Дашка, пойдем в дом... Поговорим, а? – увещевал ее мужчина, делая шаг навстречу.

– О чем, Костенька? Ну, о чем, милый? О том, что дура я? Да разве ты этого не знаешь...

– Нет. Не знаю... ну-ка, иди сюда и по-человечески все объясни. А если не хочешь – черт с ним. Не объясняй, только отойди от этого чертового края!

Стремительным движением Костя ухватил Дашку за руку и дернул на себя. Поднял вверх, будто она ничего не весила, и, как мешок с картошкой, закинул себе на плечо.

– Ты что творишь?!

– Я?! Я, что творю?! А ты, дура безмозглая, что делаешь?! Тридцать лет отметила, а ума так и не набралась! Вот ты что здесь забыла, когда твой мужик в другом месте? А?! – разь-

ярился мужчина, ставя ее на ноги.

– Он не мой! – заорала в ответ Дашка. – Не мой, понимаешь?! И никогда не будет моим! А я люблю его, Костя! Если бы ты знал, как люблю...

Мужчина замер. Глядя ему в глаза, Даша увидела, как из них ушла злость, будто ее там не было вовсе. Костя отвернулся в сторону.

– Тогда тем более я ничего не понимаю. Герман поднял на ноги всех... И сейчас, я уверен, места себе не находит, не зная, где ты, и что с тобой.

– Кого поднял? Ты о ком, вообще? – в недоумении моргнула Дашка.

– О топтунах, конечно же, которые, сбившись с ног, ищут тебя по всему городу.

– Подожди... Так ты в курсе о...

Костя скривился, будто бы иначе и быть не могло, и снова посмотрел на нее тем самым снисходительным взглядом.

– Как давно?

– Как давно, что?

– Как давно ты в курсе того, что происходит? И откуда вообще?!

– Твой режиссер обладает гораздо большим здравомыслием, чем ты сама.

– Ты хочешь сказать, что это Герман...

– Я уже сказал.

– А Ставр... Ставр тоже знает?!

Ответом Дашке была иронично вздернутая бровь Константина. Понятно... Значит – без вариантов. А Герман? Почему он ей ничего не сказал?! Мысли в голове скакали от одной к другой. До той поры, пока не пришло понимание – если и люди Ставшего не нашли несостоявшегося убийцу, то для нее все обстояло гораздо хуже, чем она изначально предполагала. Зябко поежившись, Дашка обхватила себя за плечи и, опустив голову, прошептала:

– Дело – дрянь, да?

– Все под контролем. Зря, конечно, ты сразу к нам не пришла.

– Не хотела волновать...

– Угу... Не хотела она...

Костя отошел к кухонной зоне, пошарил в шкафчиках, достал бутылку виски. Покрутил ее и тут же резко отставил. Оперся широко расставленными руками о столешницу, опустил низко голову.

Дашкино сердце разрывалось. И она сама будто рушилась изнутри. Даша не хотела становиться чьей-то проблемой, но в жизни так получалось, что только ею она и была. Для всех. И даже для Германа, который гораздо более уместно смотрелся в объятьях Лады, чем в ее собственных. Эта картинка до сих пор стояла перед глазами. Ее Герман, и эта... женщина. Дашкин мир перевернулся... Все страхи, которые она задвигала, вся ревность, все то, что между ними стояло – вышло на первый план. И это больше не получалось игнориро-

вать...

– Я ни х*я не понимаю, Дашка. Объясни, мне, дураку... У тебя, наконец, все хорошо. Все живы, здоровы, ты занимаешься любимым делом, ты влюблена... Так какого хрена, Даш? Какого хрена ты мечешься?

Даша откинула волосы ото лба. Неуверенно пожала плечами. Она не умела делиться своими проблемами. Не могла вот так, запросто, выложить все, что на сердце. Но... это был Костя. И после их последнего разговора на озере... После всего, что она ему о себе рассказала... Почему бы и нет?

– Ты знаешь, почему мы с Германом скрываем свои отношения?

– Чтобы не спровоцировать убийцу.

– Не только. – Даша тяжело вздохнула, уселась на деревянный стул и, отвернувшись к окну, продолжила, – помнишь, на озере, я тебе рассказала...

– Да.

– Это не все, Костя... Не вся грязь...

– Даш...

– Послушай, ты либо хочешь узнать, либо нет!

– Иначе бы не спрашивал. Нам действительно нужно во всем разобраться.

– Тогда слушай... и не перебивай, пожалуйста, ладно?

Костя задержал на ней взгляд и медленно-медленно кивнул:

– Выкладывай.

– Ты видел текст записки? – спросила женщина и, дождав-
шись еще одного кивка, продолжила, – но ты не знаешь, Гер-
ман вряд ли бы тебе признался... что речь, скорее всего, шла
о пленках, которыми меня уже шантажировали тринадцать
лет назад. – Дашка откашлялась, – Пленках порнографиче-
ского содержания, на которых я запечатлена в самом непри-
глядном виде. Если эти записи всплывут – карьере Герма-
на придет конец... Ты спрашиваешь, почему я несчастна? А
какой мне быть, если мой удел – встречи тайком... Какой
мне быть, если у нас нет будущего? Если прошлое в любой
момент может разрушить наше настоящее? Какой мне быть,
Костя, какой?!

На последних своих словах Дашка вскочила. Ей, навер-
ное, уже следовало заткнуться, но отчего-то не получалось.
Не осталось сил нести этот груз одной. Ведь все это время,
все это чертово время – она не могла не думать, что её сказ-
ка в любой момент может обернуться кошмаром. Каждый
раз, засыпая в объятьях Германа, она благодарила Небо за
то, что подарило ей еще один день рядом с ним. Но каждый
раз, просыпаясь одна, она задыхалась от боли...

– Нет никаких пленок.

– Есть! Я их своими глазами видела...

– Их уничтожили практически сразу же, после твоего воз-
вращения домой.

Даша открыла рот, но не смогла ничего из себя выдавить.
Она осмысливала сказанное Костей и, похоже, сходила с ума.

– Что значит «уничтожили»? Когда?!

– Я ведь говорю – сразу же, после того, как вы со Ставшами вернулись из Канн.

– Подожди... Вы узнали о пленках еще тогда? От кого?! Как...

Она ничего не понимала. Абсолютно. Только боль в сердце усиливалась. И что-то необъяснимое происходило в душе. По телу прокатилась дрожь. О чем он говорит, господи? О чем он говорит?!

– Да какая разница, как узнали?! Факт в том – что мы все подчистили еще тогда. Говорил ведь тебе на озере, чтобы ты не оглядывалась на прошлое. Да только разве ты меня слушаешь?!

Дашка потрянула головой. Она не знала, какое желание в ней сейчас преобладало – закричать на него, что есть мочи, или... придушить.

– Почему вы мне ничего не сказали? Тогда... Почему вы мне ничего не сказали? – повторила, как попугай.

– Зачем? – изумился Костя. – Понятно, что мы бы все решили...

– Понятно? – истерически закричала Дашка. – Кому понятно, Костя?! Я тринадцать лет жила в страхе! Тринадцать чертовых лет я засыпала и просыпалась с мыслью, что мой сын может увидеть, как меня тр*хают во все дыры, а ты мне говоришь «понятно»?!

Крылья тонкого породистого носа мужчины дрогнули, но

Дашка, которую трясло от переполняющих душу эмоций, этого даже не заметила. Однако, тем временем Костя и сам закипал...

– А как, ты думала, мы поступим, докопавшись до сути?! Оставим все, как есть?!

– Я не знаю! Я тогда ни о чем не думала! Не думала, что вы вообще до чего-то докапывались. Я выжить пыталась!

– А мы делали все, чтобы у тебя это получилось! – Костя взмахнул рукой и сбил со стола пару чашек. Выругался от души. – Думаешь, мы увидели тебя, обдолбанную и за*банную, покачали головами и просто вернулись домой?! Схавали? Да, ни ху*!

– Господи... – покачала головой Дашка. Она уже давно вскочила со своего места, и теперь металась по комнате, в попытке уложить в голове слова друга. Что он имел в виду? Как много ему в действительности было известно? Обхватила себя руками, только сейчас осознав, что, вполне возможно, Костя знал о ней гораздо больше, чем она предполагала. Все самое постыдное, самое мерзкое и тошнотворное... Боль стала практически нестерпимой. Мучительной. Невыносимой. Будто бы вся она стала концентрацией боли...

А потом молнией мелькнула страшная догадка:

– Костя... Ты... ты все знаешь обо мне, да? Вообще... все?

Он дернул плечом:

– Да брось... – отмахнулся, как будто это, и правда, было

неважно. Но это было не так! Абсолютно.

– Костя... Костенька...

– О боже, ты опять собираешься плакать?

– Нет! – хлюпнула носом Дашка, – нет, не собираюсь. Я просто... Костя, я...

– Даш, слушай... Мне нужно позвонить. Сказать Герману, что с тобой все в порядке. Дать отбой спецам... Дай мне пару минут, и мы обсудим все, что тебе захочется. И не плачь, ладно?

Даша прошептала робкое «да». Глядя на нее, Костя кивнул, нерешительно отвернулся, потянувшись к телефону, и бросил на женщину еще один взгляд из-за плеча. Вконец ослабевшая, она упала в кресло. Зарылась лицом в подрагивающие ладони. Прикусила губу. Дашка не могла поверить в то, что все оказалось так просто! Старалась убедить себя, что её счастью с Германом уже ничего не угрожает... Что можно перестать таиться, и начать двигаться вперед, можно планировать будущее! То будущее, куда они вообще старались не заглядывать, будто бы оно никогда не настанет. А теперь, вот, могли... Но почему-то мысли то и дело возвращались совсем к другому – все это время, все эти годы... Костя знал...

Глава 30

В тот день они не стали больше ничего обсуждать, хотя, наверное, и нужно было. Но сил не осталось. Их как будто выкачали подчистую. Если бы не Костя, она бы и в гостиницу ни за что бы сама не добралась. А Костя помог.

Герман выскочил навстречу. Взволнованный и подавленный.

– Дашка... Ну, что ж ты творишь, а? Что же ты делаешь? Я так волновался...

– Извини...

– Это ты меня извини. Я не мог ее оттолкнуть перед камерами! Но мы поговорили после. Она никогда больше такого себе не позволит. Обещаю...

– Хорошо... Я спать пойду, ладно?

Герман оглянулся на Костю и медленно кивнул головой.

– Можно тебя на минутку? – поинтересовался Костя.

– Конечно... Что-то случилось?

– Мы вычислили нашего писаря, – кивнул головой Костя, уверенно шагая по коридору.

– Писаря?

– Угу. Автора записки. Как мы и думали, никакого отношения к покушениям он не имел. Ставр был прав, когда предположил, что это женщина. Но ошибся в том, что она была твоей любовницей.

– Тогда кто это был? – свел брови Герман.

– Начинаящая актриса, которая пробовалась вместе с Дашкой на роль. С карьерой у дамочки не сложилось. И теперь она, как переходящее знамя, кочует от одного любовника к другому. В тот день она остановилась с одним из них в той же гостинице, что и Даша.

– И чего она добивалась?

– Да ничего, Герман! Обычный порыв. Как и любая завистливая баба, она лишь хотела испортить Дашке жизнь. Заставить поволноваться.

– Но текст...

– Эта дамочка когда-то с Дашей и Керимовым на каких-то тусовках... Отсюда и текст.

Герман на секунду остановился, обдумывая ситуацию. Он не мог наверняка сказать, облегчала ли данная информация поиски преступника, или, напротив – только усугубляла все.

– Не поймешь, радоваться нам или огорчаться по этому поводу?

– Есть такое дело.

– Радоваться. Одной версией меньше – уже хорошо. Тем более, что у нас появились новые зацепки.

– Какие? – вскинулся Герман.

– Еще рано о чем-либо говорить. Но, вполне возможно, мы вышли на след Керимова. Нужно еще немного времени, чтобы все проверить.

– Но съемки практически завершены...

– Вот и хорошо. Когда это все закончится, за Дашкой будет проще приглядывать.

– И то так...

– У тебя, вообще, какие планы насчет нее? – вдруг поинтересовался Константин.

Герман перевел взгляд на мужчину. Больше всего ему хотелось ответить, что его это никоим образом не касается. Но, в то же время, на него давило чувство признательности к этому человеку. Да и понимал он, что тот задавал подобные вопросы не из праздного любопытства. И это меняло все.

– Самые серьезные, – ответил, закуривая.

– А как же пленки? Карьера?

Герман вскинулся:

– Ты знаешь?

Костя пожал плечами:

– Дашке пришлось объяснить, почему, встречаясь с одной женщиной, на людях ты появляешься с другой.

– Больше этого не повторится, – отрезал Герман.

– Даже так? – вскинул бровь Костя.

– Не сомневайся. После съемок Даша переедет ко мне.

Герман выдержал пристальный взгляд мужчины. Дождался его не слишком уверенного кивка.

– Что, думаешь, я ей не пара? – спросил за чем-то.

– То, что я думаю, не имеет ровным счетом никакого значения. Главное, что думает Даша, – бросил Константин, перед тем, как уйти. Герман сделал еще пару затяжек и после-

довал его примеру.

Съемки заканчивались. Все шло настолько гладко, что это не могло не настораживать.

– Рада, у нас все готово?

– Уже давно. Ну, ты чего дерганый-то такой в последнее время?

– Не знаю. Предчувствие какое-то... Дашу уже подготовили?

– Все сделали... – мягко улыбнулась помощница.

– Пластины хорошо закрепили?

– Гера... Ты невыносим.

– Ладно, я сам проверю.

Финальная сцена с выстрелом напрягала Германа невероятно. Вызывала чувство какой-то фатальной неизбежности. Будто бы он сам накликал беду. Странные чувства. Особенно учитывая тот факт, что он никогда не был особо суеверным.

– Ну, ты как, готова? – поинтересовался у Дашки, заходя в трейлер.

– Ага. – Даша обернулась и одарила режиссера сияющей улыбкой. – Ужас, сколько скотча на меня намотали!

– Дай, посмотрю...

– Эй, – улыбнулась та, – ты всех своих актрис об этом про- сишь?

– Нет. Только ту, которую люблю. Ну же... Дай мне убедиться, что мы все сделали правильно...

Герман потянул вверх Дашкину футболку, прошелся взглядом по закрепленной на ней конструкции. Все было в полном порядке. И кожаная прокладка, и металлическая пластина, и сам сквиб – взрыватель, который симитирует выстрел, и мешочек с искусственной кровью.

– Гриша сам все устанавливал?

– Сам, – кивнула головой Даша.

Герман немного успокоился. Григорий был одним из лучшего пиротехников в стране. Он полностью ему доверял.

– Под бдительным оком Кости, – добавила смущенно. – Не понимаю, почему вы раздули из этого рядового события такую проблему! Можно подумать, меня, и правда, убьют!

– Никогда, – серьезно глядя Дашке в глаза, прошептал Герман, – я никогда не позволю этому случиться.

– Герман Маркович! Все уже на местах. Ждем только вас.

– Иду... Сейчас, только... Проверю оружие.

– Костя уже проверял, – закатила глаза Дашка. – Вы оба невыносимы!

Камера. Мотор. Все, как обычно, но тревога на душе не отступала. Вот Елена хватает Дашку за руку, та вырывается и что-то говорит... Герман напряженно следит за сценой. Елена выхватывает из сумочки пистолет и стреляет. Даша подает замертво. В фокусе камер Дашкин расфокусированный взгляд.

– Стоп. Снято...

Герман выдохнул только тогда, когда Даша вскочила с

земли и помахала ему рукой.

– Нужно еще пару дублей, – закричал оператор. – Здесь какая-то тень на лице!

Дашу снова переодели, установили новый сквиб, и все началось заново.

– Сцена сто сорок семь, дубль два.

Герман напряженно следил за Дашкой. Его сердце колотилось, как сумасшедшее. Не выдержав напряжения, затравленно осмотрелся. И тут же вскочил. Прямо в кадр на всех парах неся Костя. Но он был слишком далеко. Как в замедленной съемке, режиссер перевел взгляд на актрис в кадре. От одной к другой. Сумочка! У Елены была совершенно другая сумочка! Мгновение спустя, она выхватила из нее пистолет. На размышления не осталось времени. Все, что он мог, это рвануть вперед, в попытке предотвратить неизбежное. Его отчаянный крик поглотил звук выстрела. И тут же адская боль сокрушила тело.

Ничего не понимая, Дашка попыталась встать. К ней подбежал взволнованный Костя, и еще какие-то люди. Все кричали наперебой и о чем-то спрашивали. Но она не могла разобрать слов... На ободренных при падении коленях подползла к Герману. Кто-то уже снял с него залитую кровью рубашку. Расцарапанными в кровь ладонями коснулась родного лица.

– Герман... – закричала, что есть сил, но вышел едва различимый шепот. – Герман...

– Все хорошо... – прохрипел он, – все будет хорошо. Не волнуйся...

Даша громко всхлипнула и закрыла ладонью рот. Взгляд невольно скользнул вниз. И сосредоточился на маленьком отверстии в груди. Оно казалось почти безобидным, если бы не стекающие струйки алой крови – самое страшное из того, что она когда-либо видела.

– Ничего не говори! Даша, ты меня слышишь? Не позволяй ему говорить... Так только хуже.

Плохо соображая, женщина кивнула головой.

– Сейчас я наложу повязку. Задето легкое... – объяснял Костя, но Дашка уже ничего не слышала. Просто смотрела испуганными глазами на Германа. До рези в глазах смотрела. И ей казалось, что время остановилось. Только в голову пекло жаркое августовское солнце, и во рту горчило от терпкого запаха крови. В какой-то момент Герман потерял сознание, и страшный вопль вырвался из ее горла.

– Ну, что ты, девочка. Он жив! Жив, Даша?! Ты меня слышишь? Он жив!

Она кивнула. Подползла еще ближе, не замечая, как немилосердно жжет ободранные колени раскаленный вонючий асфальт.

– Я люблю тебя, – скулила искусанными губами, – я люблю тебя, слышишь?

Никогда раньше не говорила ему этих слов. Каждый раз что-то в последний момент останавливало. А теперь он не

слышит... И в мозгу набатом стучит: «Слишком поздно!»

Люди редко думают о смерти. По крайней мере, до тех пор, пока она не забирает у них самых дорогих. И, наверное, это даже правильно – думать нужно о жизни, которая так быстротечна, и может оборваться в любой момент. А еще говорить... Чтобы успеть сказать что-то важное, пока еще есть такая возможность. Но понимаешь это обычно, когда уже слишком поздно. Когда ничего уже не изменить. Когда горло каленым железом жгут так и не произнесенные слова. Слова любви, слова прощения... Такие нужные слова. Так и не сказанные слова, которые вечной болью прорастут в душу...

– Даша, приехала скорая. Ну же, тебе нужно отойти.

Костя коснулся ее, привлекая внимание, но женщина сбросила его руку. Поднялась, опираясь на содранные ладони. Медики тут же принялись за работу. А Даша не могла отвести взгляда от лужи ярко-алой крови. От нее отделялись тонкие ручейки, которые стекали в трещины на раздолбанном асфальте. Будто бы уже сейчас земля по чуть-чуть забирала Германа к себе. Даша закричала.

– Ну, же, мелкая... Посмотри, он жив. Он пришел в себя! Дашка!

– Даша... – прохрипел Герман, и только звук его голоса привел ее в чувство.

– Я люблю тебя... – прошептала надорванным голосом.

Он смотрел на нее глазами, полным любви. Они казались

такими бездонными на побелевшем от боли лице! Такими больными...

– Все будет хорошо... – прошептал перед тем, как снова отключиться.

– Грузим, ребята! – закричал кто-то ей прямо на ухо.

Не слушая никаких возражений, Даша забралась в карету скорой. Полубезумными глазами она наблюдала за тем, как ему на лицо надели кислородную маску и принялись что-то вкалывать. Потом измеряли давление, подключили капельницу. И она понимала, вроде бы, что медики все делают правильно, но все равно не могла равнодушно наблюдать за этими манипуляциями. Вдруг ему больно?

А потом наступили самые страшные часы ее жизни.

– Идет операция. Больше пока мне ничего не удалось узнать.

Костя? Он тоже здесь? Зачем? Почему? А, впрочем, какая разница? Ей было так ужасно страшно, что ничего другого не имело значения. Зубы лязгали, дрожь пробирала тело, а на губах ощущался вкус крови.

– Тебе нехорошо. Присядь. Сейчас тебе обработают ссадины.

Даша покачала головой.

– Не нужно. Я сама... В туалете... Не знаешь, где он?

– В конце коридора, налево.

Даша кивнула и похромала в указанном направлении. Закрыла за собой дверь. Включила кран. Принялась остерве-

нело тереть колени и содранные ладони. С каким-то удивлением заметила, что опять плачет. Странно... Откуда взялось столько слез? Зачерпнула пригоршню воды, опустила в нее лицо, смывая остатки грима. Медленно-медленно подняла взгляд на собственное отражение, отчаянно зашептав:

– Пожалуйста, господи... Я никогда и ничего у тебя не просила... И недостойна просить... Но, пожалуйста, пусть он выживет!

Глава 31

– Даша... Даш...

Даша подняла ничего не соображающий взгляд на Костю.

– Скажи, ты знакома с родными Германа? Нам нужно им сообщить, на случай...

– Не продолжай! И думать не смей! – прохрипела, задыхаясь. – Лучше найдите того, кто это сделал.

– Уже нашли, – тяжело вздохнул мужчина, – Ставр там и... Все под контролем.

– Хорошо. – Даша медленно кивнула головой и снова опустила взгляд. Подробности ее не интересовали. Прямо сейчас они не имели никакого значения... Ничего не имело. Только он...

– Даша... Нам нужно оповестить родных. Соберись, девочка... Подумай, что с ними будет, если они узнают обо всем из новостей?

– Хорошо... – качнула головой, лишь бы он только отстал.

– Давай я сам позвоню... Скажи только, кого нужно оповестить.

Дашка снова вскинула взгляд:

– Нет... Я должна сама это сделать...

Это было нелегко – объяснять, что Герман едва не умер, спасая другого человека. Спасая ее... Но Даша нашла в себе силы. Откладывая трубку телефона, женщина нисколько

не сомневалась, что поступила правильно. Именно она была невольной виновницей случившегося с Германом несчастья. А значит, и объяснять все его родным нужно было ей. И просить прощения... Хотя, разве такое простишь?

В глубине коридора скользнула тень. Дашка вскочила, силась что-то спросить у подошедшего доктора, но огромный ком в горле не давал ей произнести ни слова. Сквозь серый туман уплывающего сознания она пыталась себя убедить, что все будет хорошо, и только на этом еще и держалась. Из последних сил. Будто бы понимая состояние женщины, Костя встал за ее спиной. Страхуя от падения.

– Как он?

– Жить будет. Большая потеря крови из-за поврежденной артерии, раздроблено ребро, пробито легкое... но сейчас он стабильный. Вам повезло, что скорая приехала так быстро.

Даша судорожно всхлипнула. Покачнулась. Но Костя ее удержал.

– К нему... Пожалуйста... Можно к нему? Хоть на секунду дочку...

– Разве что ненадолго.

Он лежал на добротной высокой койке. Даша медленно подошла поближе и буквально упала на рядом стоящий стул. Влага в глазах мешала ей как следует рассмотреть любимого, и она сердито ее смахнула. Взгляд скользнул по сильной загорелой руке, в которую была воткнута игла капельницы, задержался на присоединенном проводе датчика, метнулся

к монитору на тумбочке. Показатели на нем Дашке ни о чем не говорили, и только бесконечная кривая жизни давала возможность дышать и ей.

Она хотела его поцеловать, обнять, прижать к себе... Но Герман весь был перевит какими-то проводами, трубками, марлей... и было так страшно навредить. Поэтому Даша просто смотрела... Впитывала в себя его образ. Мужчина был бледен. Низ лица скрывался под кислородной маской. Чуть выше по щекам чернела двухдневная щетина. Он не успел побриться утром... Подумать только – сколько всего произошло лишь за один этот день... Да, что там... За миг. Вся ее жизнь могла перевернуться в какую-то долю секунды...

Даша все же осторожно погладила безвольную руку мужчины. А потом не сдержалась – прижалась к ней искусанными губами, заглушая горький, отчаянный всхлип. Он жив... Жив!

Пришел в себя Герман ближе к утру. И несмотря на то, что он едва мог шевелить языком, тут же потребовал к себе Костю.

– Елена? – поинтересовался он у вошедшего в палату мужчины.

– Нет. Елена вообще не причем. Ее единственная вина в том, что она не заметила подмены сумочки. Это все Керимов. Хромой, помнишь? Это был он. Черт! – Костя ударил кулаком по стулу, – он все это время был на виду!

– Костя, хватит... Ему нужен покой! – забеспокоилась Да-

ша, так еще до конца и не веря, что все позади.

– Пусть... расскажет... – едва слышно прошептал Герман.

– Он устроился к вам по документам своего двоюродного брата. Удивительно, но они с ним очень похожи, а потому подлинность бумажек не вызывала сомнений. К тому же... его реально ведь не узнать! Ты сам видел... Он выглядит ровесником своего брата, хотя тот на десять лет его старше! А еще эти патлы седые... В общем, облажался я. По-крупному облажался.

– Трактор...

– Да-да. Я знаю, что Керимов не мог быть в тракторе. Это и отвело от него подозрения... Черета случайностей, которые, наложившись одна на другую, так надолго затянули расследование! За рулем трактора находился действительно не он. Покушения Керимова вообще никак не связаны с тем случаем на дороге. На тракторе Дашку протаранил местный. Я потом тебе расскажу детали... А сейчас отдыхай. Хватит с тебя уже полученной информации.

Видимо, у Германа совсем не осталось сил, потому, что спорить с Костей тот не стал. Прикрыл глаза и сразу же провалился в сон. Вот и хорошо. Он бы не стал ему все выкладывать при Дашке. Не хотел ее волновать.

Через пару часов в больницу приехали Ставшие, а ближе к обеду заявила Марго. Они долго о чем-то шушукались с Дашкой, та плакала у нее плече, извинялась за что-то, и снова плакала.

– Тебе нужно отдохнуть, девочка... Ты совсем выбилась из сил.

– Нет-нет, Марго... Я не могу его здесь оставить.

– Я побуду с Герочкой рядом, а ты поезжай с родителями.

Поспи хоть пару часов. Прими душ...

Даша оглянулась на озабоченную Любу, перевела взгляд на Ставра. Ее родители. Семья... Каждый раз рядом. Каждый раз, когда они ей нужны... В глазах вновь собралась влага. Но сейчас это были слезы счастья.

– Дашенька, и правда... Тебе действительно нужно поспать. Ты же слышала, что жизни Германа уже ничего не угрожает. Да он и сам спит... – увещевала Любовь.

– Я не уеду. И ты бы не уехала, Люб...

Люба оглянулась на мужа. Закусила губу и медленно-медленно покачала головой:

– Не уехала бы...

– Вот и меня не проси.

Ставр фыркнул, и на время Даша потеряла его из виду. Но потом он вернулся. И протянул ей зажатый в руке ключ.

– Этажом выше находится твоя vip-палата. Там есть добротная кровать и душ. Чистую одежду мы тебе сейчас привезем... Иди, поспи. И вы, Марго... Если захотите отдохнуть... На двоих там места вполне достаточно.

– Спасибо... папа. Я... тебя люблю.

Ставр, Люба и Костя буквально впились в нее взглядами. Ставший сглотнул. Прокашлялся...

– Мы тоже тебя любим, дочка... Очень и очень любим.

Даша удовлетворенно кивнула головой. Все-таки жизнь – довольно простая штука. По большей части люди сами все усложняют. Выдумывают для себя препятствия, а потом мужественно их преодолевают. Дашка больше не хотела так жить... Не хотела и дальше лелеять свое одиночество из страха быть отвергнутой. Не хотела молчать о раздражающей душу любви...

– Ну, тогда я пойду, да? Разбудите меня сразу, как только Герман проснется...

– Обязательно. Ну, же... Иди!

Только, когда Дашка скрылась из виду, Люба позволила себе уткнуться в грудь мужа и разрыдаться.

– Ну... Ну, ты чего, Люб... Ну-ка, заканчивай разводить сырость...

– Сейчас-сейчас, хороший мой... Дай мне только секундочку...

– Вот, высморкайся...

– Угу. Ты... думаешь, она, наконец, оттаяла?

– Похоже на то ... Очень-очень похоже... – хриплым, полным чувств голосом ответил жене Ставр.

Герман проснулся через несколько часов. Первой к нему, конечно, впустили бабку. И только после того, как она ушла, в палату снова зашел Константин. У него было несколько минут, чтобы все объяснить Гере, до того, как появится Дашка.

– Ну, как ты, герой?

– Как в аду...

– Если больно – не терпи! Я пойду, позову...

– Погоди... Позже. Сначала все расскажи... Я хочу быть в трезвом уме, когда ты мне будешь обо всем рассказывать.

Костя колебался недолго. Уселся на стул, разминая затекшую шею, встряхнул головой:

– Тот мужик... На тракторе... Мотив у него был, в принципе, такой же, как и у Керимова. Но, как я уже сказал, действий своих они не согласовывали. Эти уроды вообще не были знакомы... Но обоими двигала месть. Только Керимову я ноги ломал, а о тракториста Ставр самолично руки пачкал...

– Зачем? – слегка нахмурился Герман.

– Это давнее дело... О нем никто и не вспомнил, хотя, казалось, перебрали все возможные варианты. В общем, когда Дашка еще жила в детдоме, она получила место горничной у нас на базе. И так получилось, что никто этой дуре не сказал, что у нас был специальный автобус, который привозил людей на работу, а после – развозил по домам. Вот тогда Дашка с этим водилой и снюхалась... Договорилась, что он ее подвозит, а она... – Костя брезгливо скривился и махнул рукой, – ну, ты понял, не маленький... Потом, правда, Дашка его бортанула. Ну, когда выяснила, что автобус имеется. Мужик слово «нет» не понял. Избил ее до полусмерти, пытался изнасиловать... Вот тогда-то Ставший его и наказал. Даже не знаю, как этот козел выжил... Лечился, правда, долго. Инвалидность получил. Долгое время не мог восста-

новиться, с работы уволили, жена ушла. Вот он на Дашку и окрысился. И крепла в нем эта ненависть, бродила...

– Он... выследил ее?

– Да, ну... Это не тот человек, которому бы хватило смелости спланировать убийство. Говорю же... случайность. Череда нелепых случайностей... Увидел ее на трассе, и стукнуло что-то в башку! Наделал дел в запале, сам испугался. Бухал потом неделю... И трактор, главное, в соседней области на учете стоит. А сюда на подмогу был перекинут... Вот мы его и не проверили.

Герман неверяще покачал головой. Странная штука – жизнь... Странная и непредсказуемая. Никогда не знаешь, что тебя ждет. Свободное падение, без всякой страховки...

– Ты сказал, что Ставший ему ноги ломал, а с Керимовым ты разбирался...

– Да. Ставр тогда пытался Дашку вытащить. А я подчищал... Смотри... Ставший не знает многого... Я не смог ему рассказать, не знал, как... Так что, не проболтайся. И не бойся – нет никаких пленок, и дубликатов нет... Я лично все уничтожил.

– Я в курсе. Мне Даша рассказала. Спасибо... Спасибо тебе, Костя... За все.

Костя поднялся со своего места, отрицательно качая головой:

– Тебе не за что меня благодарить. Я за свое стоял... А вот тебе действительно спасибо. От души. Я бы не добежал...

Нога, будь она проклята! Так что, если бы не ты... Могло и не быть нашей девочки.

Мужчина осторожно наклонился, взял в свою ладонь руку Германа и осторожно ее пожал.

– Костя...

– Да?

– Что теперь будет? С Керимовым... И вообще...

Костя зловеще улыбнулся. В холодных глазах сверкнула сталь:

– А ничего. И Керимова тоже не будет. Знаешь ли... с ним в СИЗО случится запоздалое раскаяние. Повесится на собственной простыне – бедолага...

Он говорил, как есть, ничего не скрывая и не тая. Очевидно, проверяя реакцию Германа. И тот не сплеховал. Глаз не отвел. Не поморщился даже.

– Не слишком ли круто? – спросил только.

– Отнюдь. Тринадцать лет назад я уже дал этой п*дле шанс. Оставил в живых. По закону поступил... Хотя ты не представляешь, как мне хотелось эту мразь... вот этими самыми руками... – Костя вскинул руки с чуть согнутыми пальцами и легонько ими встряхнул.

– Ментам ты его сдал? – голос Германа слабел с каждым новым вопросом, и, понимая, что нужно сворачиваться, Костя все же ответил:

– Я. Правда, перед этим здорово помял. Не удержался. Чего уж...

– За такое не благодарят, но за нее... спасибо.

– Не надо... – покачал головой Костя, – не надо... правда.

Ты, главное, ее береги.

Стоящая у самых дверей Дашка резко отступила вглубь коридора. И только свернув на лестничную площадку, сделала свой первый за долгое время вдох. Настолько жадный, что даже в груди запекло! Она не знала, как теперь будет жить. Она не знала даже, как просто осмыслить все то, что ей стало известно. Как до конца уложить в голове Костины мотивы. Все то, что он для нее делал на протяжении стольких лет... Тихо. Без пафоса. Будто бы выполнял очередную работу, не стоящую даже внимания.

Эпилог

Спустя полгода

Вечерело. Солнце опускалось за горизонт, купая в золоте макушки деревьев. Едва распустившиеся листочки наполняли воздух свежим благоуханием. В отдалении слышались звуки леса – стрекот кузнечиков, гудение пчел и звонкий птичий щебет... Как и всегда весной, к вечеру похолодало. Дашка физически ощущала, как ее покидало это первое весеннее, так ею любимое тепло... Она задрала голову вверх, в попытке уловить последние скупые лучи заходящего солнца. Но это было уже не то тепло, в котором она нуждалась. Будто бы кто-то сверху сыпал его на землю, как она бросала оставшиеся с обеда крохи голодным озябшим птицам...

– Дарья, заходи в дом. Холодно ведь...

Даша оглянулась. Улыбнулась вышедшей из дома Марго. Как они подходили друг другу – этот величественный старинный особняк и шикарная во всех отношениях Маргарита!

– Герман не звонил?

– Нет. Когда он готовится к новым съемкам, то работает, как одержимый... А тут еще промоушен «Потерянных»... Ты уж не серчай на него, девочка.

– Нет-нет, Марго. Я все понимаю. Правда...

– Но? Ведь что-то не так, я права? – ненавязчиво поинте-

ресовалась Маргарита.

– Не знаю... Моя жизнь так резко изменилась...

– Ты скучаешь по родным, – уверенно заявила пожилая женщина, стуча тростью по начищенному дубовому паркету.

– Очень. И Ян... Мне так плохо без него...

– Даша... Я, как и Ставр, считаю, что вы правильно поступили, позволив мальчику окончить школу дома. Последний год. Зачем ребенка дергать? А потом и к нам переберется. Все ж, в столице ВУЗы лучше...

– Да, наверное, ты права.

Дашка кивнула головой и перевела разговор на более безопасную тему. Не потому, что хотела что-то скрыть от Маргариты. А потому, что даже себе не могла объяснить, что с ней происходит в последнее время. И это пугало...

Они переехали в фамильный особняк Германа сразу же, как только он пошел на поправку. Одновременно с этим Гера вернулся к работе. Постпродакшн не мог начаться в отсутствие режиссера. Так что, ни о какой нормальной реабилитации речь даже не шла. Чтобы заставить любимого хоть как-то соблюдать врачебные предписания, Дашка моталась с ним по всем насущным делам. Конечно, когда сама не была занята в озвучивании. Она не знала, как Герман выдерживал этот бешенный темп. Тем более, после настолько тяжелого ранения. Лично она уставала дико. Особенно ее изматывала публичность. После того, как они перестали скрывать свои отношения, пресса буквально сошла с ума! Или, напротив,

эти ребята делали все, чтобы с ума сошли они с Германом. Хотя, не то, чтобы его хоть как-то напрягало это внимание... А Даша так не могла. Жить, с оглядкой на чье-то мнение, жить, играя роль суперзвезды и новоявленного секс-символа. Фильм только-только вышел в прокат, а она уже успела стать примером для подражания. Для сотен... тысяч девочек и женщин по всей стране. И это было по-настоящему страшно. Ведь добровольно Даша никогда бы не взяла на себя эту роль. Она была не тем человеком, на которого стоило равняться! А потому чувствовала себя мерзкой лгуньей и выскочкой. Отвечая с умным видом на вопросы журналистов, Дашке с каждым разом все сильнее казалось, что она теряет саму себя. Порой ей снились кошмары, и она в ужасе вскакивала. Неслась к зеркалу, чтобы увидеть в нем свое отражение. Себя, настоящую, а не ту, чью роль она играла на людях.

Утешала женщину лишь предстоящая поездка домой... Ее сыну исполнялось шестнадцать!

– Не спишь? – Герман тихонько подкрался к Даше и обнял за плечи. Он скучал по ней. Так сильно скучал целый день!

– Нет. Жду тебя и дышу весной.

– Холодно... Закрывай окно, Дашка.

– Ничего... я тебя согрею, – прошептала, всем телом прижимаясь к любимому.

– Это хорошо. Боже... Как с тобой хорошо, Даша... Как спокойно.

– А я тебе вещи собрала.

– Спасибо. Только... новости у меня не самые лучшие.

Даша вскинула голову. В скупом свете луны ей было нелегко разобраться в эмоциях, написанных у Германа на лице. Действительно ли он был зол?

– Что случилось?

– Давид на завтра назначил встречу с аудиторами.

– О... И ты не можешь ее перенести?

– Ты ведь знаешь, как он меня достает! – Герман скинул пиджак и нервно отбросил его на кресло. – Но я постараюсь вылететь последним рейсом. Я успею! – убежденно качнул он головой.

– Хорошо, – прошептала Дашка, невольно касаясь свежего шрама на его груди. Герман не любил, когда она его трогала. А Даша... Каждый раз, когда сомнения наполняли душу, каждый чертов раз... Она касалась этой отметины, как наглядного свидетельства того, что он был готов отдать за нее жизнь, и страхи понемногу отступали. Герман любил ее. Несомненно, любил.

Несмотря на все планы, в горы Дашка полетела одна. Вышла из здания аэропорта, огляделась... Невдалеке, засунув руки в карманы, топтался Ставр.

– Привет, па... А ты почему сам? Где Костя?

Ставр как-то странно на нее посмотрел, подхватил ее небольшой чемодан, который она даже не стала сдавать в багаж.

– Дома. Где ж ему быть? Маринует с именинником мясо.

Ничего не понимая, Даша пожала плечами, и молча уселась в машину. Вдохнула родной аромат отца. Прикрыла глаза.

– Боже, как хорошо дома! Как же хорошо...

Ставр покосился на улыбающуюся Дашку, ловко вырулил на дорогу:

– А суженого своего где потеряла?

– У него дела в последний момент появились. Неотложные. Постарается к вечеру быть.

Отец задумчиво кивнул, и больше они не возвращались к этому разговору. А дома был праздник! Такой, каким он и должен был быть. Нет, Даше, конечно, понравилась вечеринка, устроенная в честь сорокалетнего юбилея Германа, но... Там было столько чужих, абсолютно посторонних, но нужных людей. А она так и не научилась понимать, какие это – нужные. И почему на них следовало тратить драгоценные минуты быстротечной жизни...

– О чем задумалась?

Голос Кости вернул в реальность. Так уж получилось, что они практически не общались в последнее время. Не было повода для разговора, а звонить просто так... чтобы лишь поболтать, Даша не привыкла. Да и не знала она... до сих пор не знала, как подступиться к тому мужчине, которого заново открыла для себя лишь совсем недавно. Дашка пыталась понять, нащупать ниточки... Как-то объяснить себе его безоговорочную абсолютную преданность. Но когда в своих

размышлениях она уже подходила к самой сути, та ускользала от нее, как вода сквозь пальцы.

Она подняла на Костю изучающий взгляд. Пристально на него посмотрела. Как-то по-новому, как никогда не смотрела до этого. Короткая, практически под ноль, стрижка. Удивительно яркие умные глаза. Хищный профиль. Квадратный идеально выбритый по случаю праздника подбородок и совершенно неожиданная, при таком суровом облике, ямочка на щеке... Даша бы соврала, если бы сказала, что он никак не изменился со дня их первой встречи. Годы все же оставили свой отпечаток... А может, поступки, которые он, не задумываясь, совершал, чтобы прикрыть ее спину. Как знать?

– О том, как быстро летит время... – задумчиво протянула Дашка, все так же его разглядывая.

– А тут не думать надо – ценить. Беречь... Наслаждаться и дорожить каждой проживаемой минутой. Мгновением. Мигом...

– А вот это как раз и не получается сделать в последнее время... Совсем. Какая-то извечная суета. Срочные дела, хлопоты...

– Дашка-Дашка... – покачал головой Костя, – такая взрослая, и такая глупая... Дела всегда есть. Дела важные... срочные. Но чужие срочные не должны становиться твоими важными. Как и чужие важные – твоими срочными. И вообще... займись своим важным. Только своим. Тогда и срочного побавится. Возможно, даже появится время ЖИТЬ.

– Даш, смотри, кто приехал! – вдруг окликнула Дашку Люба. А та еще от Костиных слов не отошла... Обернулась, стряхнув наваждение. По дорожке вдоль озера шагал Герман. Успел... Даша встала со своего места и, уходя, несмело коснулась ладонью Костиного плеча. Благодарно. В попытке простым касанием дать ему понять, как много для нее значило его присутствие в жизни.

Даша с Германом пробыли на базе весь следующий день, но уже к вечеру засобирались в столицу. Дела Серебрянского не отпускали надолго. И Дашка понимала, что он ничего не может с этим поделать. Что такова его жизнь, и ей просто нужно еще немного времени, чтобы свыкнуться с этой реальностью... Но слова Кости не давали покоя... Она так сильно запуталась... И так сильно не хотела уезжать от своей семьи! Даже ради Германа... не хотела.

– Ну, ты чего загрустила, милая? – Гера перехватил Дашкину руку и, не отрывая взгляда от узкой дороги, соединяющей базу Ставших с трассой, ведущей в аэропорт, нежно-нежно поцеловал ее в запястье.

– Не знаю... Не хочется уезжать... – прошептала еле слышно. Едва не плача, всматривалась жадно в каждое деревце, в каждую травинку... Будто бы навсегда прощалась.

– Эй, ну, ты чего... Девочка? Приедем домой, определишься с новой ролью... Предложений – вон, сколько! Куда только твоя тоска денется.

Даша всхлипнула, качая головой. Как ему объяснить?

Как?! Если она сама не понимала, почему за последние полгода не нашла для себя подходящей работы? Ведь были предложения... Были! Да только она не была уверена в том, что хочет и дальше сниматься. Ну, вот она и призналась в главном... хотя бы себе! Паника подкатила к горлу. Паника, и что-то такое... Страшное...

– Останови!

– Что?

– Останови машину. Останови... Я не хочу... уезжать! – Дашка смотрела полубезумными глазами на Германа, но видела не его! Пульсацией по телу прокатывалось ужасное чувство той самой необратимости. Будто бы в ее жизни прямо сейчас наступил судный день. словно все, что происходило до этого, было лишь подготовкой к нему. Дашка медленно моргнула и как будто прозрела. Слезы хлынули из глаз. Задыхаясь, пошарила рукой по двери в поисках ручки. – Прости меня, Герман... Я благодарна тебе за все, правда... Но я... Не для тебя, понимаешь?! – Даша все же открыла дверь и вывалилась из машины. Встала на колени, вдыхая запах травы и сырой, напитанной влагой, земли. Горный ветер растрепал ее волосы, принеся за собой аромат цветущих фиалок. Аромат ее дома...

Даша медленно поднялась. Сделала шаг, другой – прочь от машины, и... побежала! Она столько лет искала счастье, любовь... Столько долгих лет их искала! Не замечая, что вот оно... вот! Никуда не надо ходить...

Сердце стучало, как сумасшедшее, и зубы тоже стучали. Но... Это уже от страха. Что, если поздно? Что, если...

Его силуэт она заметила на половине пути. Будто бы Костя знал, что она вернется, и вышел ее встречать. Дашка остановилась. В ушах шумело. Ноги подгибались так, что даже идти было трудно – не то, что бежать, но она усилием воли заставила себя двигаться дальше. Она понимала, что этот путь никогда не сравнится с тем, что преодолел Костя по дороге к ней... Но это был ее путь. И Костя как будто бы это понял. Замер, вытянув руки по швам... Из последних сил Даша шагала к нему. Единственному, кто незаметно, но крепко держал ее все это время за руку. К тому, кто слышал ее крики о помощи даже тогда, когда она не смела кричать. К тому, кому ее боль была больше собственной...

Замерла в шаге. Подрагивающими пальцами коснулась лица, провела по сурово сжатым губам...

– Ты был прав. Я такая глупая...

Губы дрогнули. На затылок легла рука, прижимая заплаканное лицо к широкой груди. На такой плакать гораздо сподручнее.

– Извини, что мне понадобилось столько времени...

– Тишш... Теперь это все неважно. – Костя наклонил голову, прижался своим лбом к ее. Даша совсем немного подалась вперед и впервые коснулась губами губ. Он замер на мгновение, а потом... Сорвался. Ее никто так не целовал. Никогда... Они упали в траву и целовались, как сумасшед-

шие... А потом лежали, держась за руки, и сквозь молодые кроны деревьев смотрели на небо.

– Костя... А я детей хочу... Двух. Не меньше... – неожиданно заявила Дашка.

– Будут тебе дети. Все, что хочешь, будет, – впервые за все это время улыбнулся мужчина. А потом ловко поднялся с земли, подхватил Дашку на руки и закружил.

Конец

От автора: друзья, история юной Даши (как все начиналось) Ставра и Любы – «Чертов Либман-Сакс». Присоединяйтесь!